

Тайны дома «РОМАНОВЫХ»

Вольдемар Николаевич Балязин
Тайны дома Романовых. Браки с немецкими
династиями в XVIII – начале XX вв.

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166060

Балязин В. Н. «Тайны дома Романовых»: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2010

ISBN 978-5-373-00456-5

Аннотация

В этой книге представлена история отношений двух великих стран сквозь призму любовных, семейных, родственных связей тех, кто правил этими империями. В течение двух веков было заключено тридцать семь династических брачных союзов между домом Романовых и различными правящими немецкими династиями (восемь немецких принцесс стали императрицами в России). Кровное родство династических браков Европы можно уподобить гигантской кровеносной системе, покрывавшей своей сетью всю Европу; сосудами и капиллярами соединившей Запад и Восток, Север и Юг, породив одну огромную Семью Европейских Монархов.

Содержание

Предисловие	5
Происхождение рода и фамилии Романовых	11
Второй брак царя Алексея и рождение Петра	12
Жизнь Петра до вступления на царский престол	18
Петр-самодержец	21
Начало «генерального романа» Петра I	25
Первый братский союз Романовых с курляндскими герцогами Кеттлерами	26
Прутский поход	29
Детство и юность царевича Алексея	32
Сватовство и женитьба Алексея на Софье-Шарлотте	35
Жизнь и смерть Софьи-Шарлотты в Петербурге	37
Переписка отца и сына и ее последствия	40
Странствия царевича Алексея и охота на него	42
Судьба Екатерины Ивановны и Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского	44
Облава на царевича	47
Царевич Алексей и его сообщники	49
Жизнь Екатерины Ивановны в Мекленбурге и возвращение в Россию	55
Помолвка Анны Петровна и Карла Фридриха	58
Болезнь и смерть императора Петра I	60
Начало царствования Екатерины I	63
Свадьба цесаревны Анны Петровны и герцога Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского	65
Вдова герцога Курляндского Анна Ивановна в Петербурге	67
Приключения графа Морица Саксонского в Курляндии	69
Еще одна ретирада герцогини Курляндской в Петербург	70
Заключительные аккорды царствования Екатерины I	71
Начало царствования Петра II	72
Жизнь и смерть Анны Петровны в Киле	73
Падение всесильного фаворита	75
Конец царствования императора-ребенка	76
Звездный час братьев Левенвольде	78
Анна Ивановна, «верховники» и Эрнст Бирон	79
Выдающиеся немцы – вице-канцлер Остерман и фельдмаршал Миних	83
Мекленбург-Шверинская герцогиня Анна – наследница русского трона	84
Появление в России принца Антона-Ульриха Брауншвейг-Беве- рн-Люнебургского	86
Рождение императора и смерть императрицы	87
Падение герцога Бирона	88
Регентша российской короны Анна Леопольдовна	89
Подготовка заговора против Брауншвейгской фамилии	91
Долгий пролог к молниеносному действию	94

Главные заговорщики	99
Первый дворцовый переворот	101
Горестная судьба Брауншвейгской фамилии	102
Судьба Бирона, Миниха и Остермана	103
Жизнь герцога Карла-Петера-Ульриха в Голштинии	105
Приезд Карла-Петера-Ульриха в Россию	106
Необыкновенная история, произошедшая в глухове и Петербурге	107
Детство и юность принцессы Ангальт-Цербстской	110
Первые годы жизни в России	111
Роман Екатерины с графом Сергеем Салтыковым	115
Рождение наследника престола Павла Петровича	118
Екатерина – ученица и наставница	120
Первые шаги в европейской политике	122
Роман будущей императрицы с будущим королем	124
Семилетняя война России с Пруссией в 1757—1760 годах	127
Братья Орловы	131
Болезни и смерть Елизаветы Петровны	135
Вступление Петра III на трон и его первые мероприятия	137
Пожар	140
Небезосновательные слухи	142
Кружева заговора	144
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Вольдемар Николаевич Балязин

Тайны дома Романовых

Браки Романовых с немецкими династиями в XVIII – начале XX вв.

Предисловие

Брачные союзы между представителями правящей российской династии Романовых и немецкими династиями из Германии и Австрии существуют почти три столетия.

Если восстановить хронологию брачных союзов между Романовыми и членами немецких династий, то перед нами предстанет интересная и пестрая картина.

Первый брак состоялся в 1710 году между племянницей Петра I – Анной Ивановной, которая была дочерью его старшего брата Ивана Алексеевича, и герцогом Курляндским Фридрихом-Вильгельмом, из династии Кеттлеров.

Через 290 лет с того времени, как Анна Ивановна стала женой герцога Курляндии Фридриха-Вильгельма Кеттлера, мужчины и женщины из российского дома Романовых, уцелевшие после большевистских расстрелов кровавого 1918 года, живут и сегодня в разных странах мира, в ряде случаев продолжая традиционные матримониальные связи дома Романовых с немецкими династиями.

Так, например, Великая княжна Кира Кирилловна в 1938 году в Потсдаме вышла замуж за принца Луи-Фердинанда Прусского, а в 1976 году, в Соединенных Штатах Америки, Великая княжна Мария Владимировна стала женой еще одного Прусского принца – Франца-Вильгельма.

Случаев, подобных этим, гораздо больше, и Вы, уважаемые читатели, узнаете о них, прочитав эту книгу.

Вторым таким браком стал недолгий и несчастливый союз между наследником русского престола царевичем Алексеем Петровичем – сыном Петра I, – и герцогиней Брауншвейг-Вольфенбюттельской Софьей-Шарлоттой.

Третий брак был заключен в 1716 году, когда другая дочь Ивана Алексеевича, Екатерина, была выдана замуж за Карла-Леопольда, герцога Мекленбург-Шверинского.

Четвертый брачный союз состоялся в 1725 году между дочерью Петра I Анной Петровной и герцогом Шлезвиг-Гольштейн-Готторпским – Карлом-Фридрихом.

В пятый раз Романовы породнились с одним из немецких владетельных домов в 1739 году, когда Анна Леопольдовна – внучка Ивана Алексеевича, дочь его дочери Екатерины, – была выдана за Антона-Ульриха, герцога Брауншвейг-Люненбургского.

Следующий, шестой, брак состоялся в 1743 году. Тогда стали мужем и женой внук Петра I – сын его дочери Анны, – Карл Петр Ульрих, герцог Гольштейн-Готторпский, и принцесса Софья Анхальт-Цербстская. Когда Петр Ульрих приехал в Россию, он принял крещение по православному обряду и стал Великим князем Петром Федоровичем, а его жена, также приняв православие, стала Великой княгиней Екатериной Алексеевной.

Потом Петр Федорович наследовал русский трон, воцарившись под именем императора Петра III, а когда на престол взошла его жена, то она стала императрицей Екатериной II, еще при жизни называемой Екатериной Великой.

Именно с этого времени российская императорская династия стала называться династией Романовых-Гольштейн-Готторпов.

Правда, для всего мира правящая Россией императорская семья оставалась домом Романовых, но дотошные и скрупулезные генеалоги и педантичные университетские профессора стали называть династию «Гольштейн-Готторпы-Романовы».

Однако это название осталось достоянием лишь небольшой группы историков-формалистов, а в общественной жизни, в политике и публицистике российская императорская династия сохранила имя Романовых.

Сын Петра III и Екатерины II вззошел на трон в 1796 году. Когда было ему 19 лет и он был еще наследником престола, в 1773 году Павел стал мужем герцогини Гессен-Дармштадтской Вильгельмины. Их брак был недолгим, потому что жена Павла умерла родами, и он в 1776 году женился на другой немецкой герцогине – Софии Доротее Августе Луизе Вюртембергской, ставшей в России императрицей Марией Федоровной.

Две женитьбы Павла Петровича были седьмым и восьмым случаями в длинной матримонической цепи бракосочетаний представителей династии Романовых с отпрысками немецких владетельных домов.

Императрица Мария Федоровна подарила своему мужу десять детей – четырех мальчиков и шестерых девочек. Лишь одна из ее дочерей – Ольга – умерла во младенчестве, остальные же девять человек дожили до брачного возраста и стали мужьями и женами, либо оставаясь в России, либо уезжая в другие государства.

Причем следует особо отметить это обстоятельство: все дочери и сыновья императора Павла выходили замуж или женились только на особах немецких владетельных домов.

Первый такой брак (9-й в истории дома Романовых) был заключен в 1793 году между старшим сыном императора Павла, Великим князем Александром, будущим императором Александром I, и герцогиней Баден-Баденской Луизой, в России ставшей императрицей Елизаветой Алексеевной.

Второй брак (10-й в истории дома Романовых) состоялся в 1796 году, когда второй сын Павла, Великий князь Константин Павлович женился на герцогине Юлиане Саксен-Кобургской, в православном крещении получившей имя Анны Федоровны.

Третий брак (11-й в истории дома Романовых) произошел в 1799 году, когда старшая дочь Павла, Великая княгиня Александра Павловна стала женой австрийского эрцгерцога Иосифа из династии Габсбургов, сына Франца II, последнего императора Священной Римской империи.

Четвертый брак (12-й в истории дома Романовых) был заключен в том же году между Великой княжной Еленой Павловной и герцогом Мекленбург-Шверинским Фридрихом Людвигом.

Пятый брак (13-й в истории дома Романовых) состоялся в 1804 году между Великой княжной Марией Павловной и Великим герцогом Саксен-Веймарским Карлом-Фридрихом.

Шестой брак (14-й в истории дома Романовых) произошел между Великой княжной Екатериной Павловной и Георгом Петром, герцогом Ольденбургским, в 1809 году.

Георг Петр в 1812 году умер, и Екатерина Павловна после четырех лет вдовства вышла замуж вторично, став в 1816 году королевой Вюртембергской. Этот брак в истории династии Романовых был 15-м. На сей раз с Романовыми породнился король Вюртемберга Фридрих-Вильгельм.

В тот же год еще одна дочь императора Павла – Великая княжна Анна – стала королевой Нидерландов, выйдя замуж за Вильгельма II из немецкой династии Нассау. Брак Анны был, таким образом, 16-м, когда Романовы породнились с еще одной немецкой династией.

Семнадцатый раз в истории дома Романовых игралась свадьба Великого князя Николая Павловича – будущего императора Николая I, – а среди детей Павла был этот российско-немецкий брак девятым. Женой Великого князя Николая стала Прусская принцесса Фридерика-Луиза-Шарлотта. Случилось это в 1817 году.

И, наконец, самый младший из детей Павла – Великий князь Михаил венчался в 1824 году с принцессой Каролиной Вюртембергской, ставшей в России Великой княжной Еленой Павловной. Среди детей Павла свадьба эта была десятой, а в истории дома Романовых – восемнадцатой.

Жена Николая I – Фридерика-Луиза-Шарлотта, став российской Великой княжной, была наречена Александрой Федоровной. Она родила царю семерых детей – четырех мальчиков и трех девочек. И все они продолжили традиционную брачную политику Романовых – брать в Петербург и отдавать из Петербурга невест только из немецких земель и только в немецкие земли.

Первой из детей Николая II и Александры Федоровны вышла замуж их старшая дочь – Великая княжна Мария. Ее мужем стал герцог Лейхтенбергский Максимилиан. Свадьба состоялась в 1839 году.

Продолжая счет, заметим, что эта русско-немецкая свадьба была в истории дома Романовых девятнадцатой. Заметим также, что в царской семье Мария Николаевна была вторым ребенком. Старше ее был первенец – Великий князь Александр – наследник престола и будущий император Александр II. Он был на год старше Марии, но его брак состоялся двумя годами позже.

Это произошло в 1841 году а его избранницей стала герцогиня Мария Гессен-Дармштадтская (полное имя невесты Великого князя Александра Николаевича звучало так: Максимилиана-Вильгельмина-Августа-Софи-Мария).

Переменив конфессию и став православной, она оставила одно из своих прежних имен и стала называться Марией Федоровной, обретя, по русскому обычаю, отчество «Федоровна». Имя «Мария» было общим христианским именем, равно почитаемым и в католических, и в православных, и в протестантских странах.

Супружество Александра Николаевича и Марии Федоровны в истории брачных союзов Романовых с владетельными немецкими домами было двадцатым.

Следующий брак был заключен в 1844 году между Великой княжной Александрой Николаевной и ландграфом Гессен-Кассельским Фридрихом-Вильгельмом. Это был двадцать первый брак.

Двадцать второй раз подобное всем предыдущим бракосочетание состоялось в 1846 году, когда Великая княжна Ольга Николаевна вышла замуж за короля Вюртемберга Фридриха-Карла.

В двадцать третий раз Романовы породнились с владетельным немецким домом в 1848 году Тогда Великий князь Константин Николаевич взял себе в жены Саксен-Альтенбургскую герцогиню Александру. Александра при переходе в православие сохранила свое прежнее имя, добавив к нему отчество «Иосифовна».

Также поступила через восемь лет, в 1856 году, еще одна немецкая герцогиня – Александра Ольденбургская, сохранив при православном крещении свое прежнее имя, но добавив отчество «Петровна», когда стала она женой Великого князя Николая Николаевича. Их брак в цепи матримониальных союзов Романовых с немцами был двадцать четвертым.

И, наконец, самый младший сын императора Николая I – Великий князь Михаил Николаевич – женился на герцогине Цецилии Баден-Баденской в 1857 году. Его жена после свадьбы стала носить имя Ольги Федоровны.

Их свадьба была двадцать пятой.

У императора Александра II и его жены Марии Александровны было десять детей. Двое из них скончались в детстве, а еще один – Алексей, – хотя и дожил до 58 лет, но женат не был. Семь остальных царских отпрысков женились или вышли замуж за членов немецких династий.

То обстоятельство, что три российских императрицы, – жены Павла I, Николая I и Александра II, происходившие из Вюртемберга, Пруссии и Гессена, стали матерями двадцати семи детей, позволило острякам-недоброжелателям, отмечавшим высокие стати и незаурядную плодовитость августейших матрон, назвать Северо-Восточную Германию «племенной колонией дома Романовых».

В 1866 году наследник престола, Великий князь Александр Александрович, – будущий император Александр III, взял себе в жены датскую принцессу Дагмару происходившую из немецкой династии Шлезвиг-Гольштейн-Сёндербург-Глюксбургов. (В Дании династия называлась «Глюксборги», но ее представители правили в Норвегии и в Греции.) Если же быть точным, то полное имя датской принцессы было – Мари-Софи-Фредерика-Дагмар, в обиходе – Дагмар. Из всех четырех имен, наверное, выбрали самое красивое, потому что «Дагмар» означает «Утренняя звезда» и аналогично имени древнеримской богини утренней зари – Авроры.

Приняв православие, принцесса Дагмара стала носить имя Марии Федоровны. Этот брак в системе отношений «Романовы – немецкие династии» был двадцать шестым. Брат царя – Великий князь Владимир Александрович – сыграл двадцать седьмую свадьбу в 1874 году, женившись на герцогине Марии Мекленбург-Шверинской. И эта Мария охранила свое имя, добавив отчество «Павловна». Но произошло это лишь в 1908 году, когда она добровольно, по убеждению, перешла в православие.

Следующая, двадцать восьмая свадьба, состоялась в том же, 1874 году, между Великой княжной Марией Александровной и герцогом Саксен-Кобург-Готским Альфредом-Эрнестом-Альбертом, который был сыном королевы Великобритании Виктории и имел еще и титул герцога Эдинбургского, графа Кентского и Ульстерского.

Двадцать девятый раз игралась свадьба между Романовыми и одним из немецких владетельных домов – династией великих герцогов Мекленбург-Шверинских – в 1879 году, когда за сына главы этого дома – Великого герцога Фридриха-Франца – выходила замуж Анастасия Михайловна – великая княжна, племянница императора Александра II.

Тридцатая свадьба была сыграна в 1884 году, когда брат императора Александра II Великий князь Сергей Александрович женился на герцогине Елизавете Гессенской. И в этом случае новая Великая княгиня осталась Елизаветой, получив отчество «Федоровна».

В этом же, 1884 году, состоялась и тридцать первая свадьба, когда Великий князь Константин Константинович, племянник Александра II, женился на герцогине Елизавете Саксен-Альтенбургской. Она, принимая православие, тоже сохранила свое родовое имя, по отчеству став «Маврикиевной».

Через пять лет после этого, в 1889 году, самый младший сын Александра II – Великий князь Павел – привел в дом Романовых немецкую принцессу в тридцать второй раз. Это была представительница династии Глюксбургов. Однако ей не нужно было менять конфессию, ибо она была православной – дочерью короля Греции Георгиоса I. И хотя звали ее Александрой Георгиевной, по крови она была немкой, ибо, как вам, уважаемый читатель, уже известно, Грецией с 1863 года правили короли из династии Шлезвиг-Гольштейн-Сёндербург-Глюксбургов.

Ближайшими родственниками императора Александра III оставались его собственные дети, которых было шесть – (взрослых, достигших брачного возраста – пять, двое сыновей и трое дочерей), и семь его братьев и сестер с их потомством.

Выше, уважаемый читатель, вы только что познакомились с семьей супружескими парами, образованными братьями, сестрами, племянником и племянницей Александра III, а почти каждая эта пара оставила сыновей и дочерей, которые чаще всего останавливали свои взоры на немецких принцах и принцессах.

Какими же были браки этих персон?

Старший сын Александра III – наследник престола, Великий князь Николай, будущий русский император Николай II – в 1894 году женился на герцогине Гессенской Алисе – родной сестре Елизаветы Федоровны – жены великого князя Сергея Александровича. (Полное родовое имя последней русской императрицы до того, как она приняла православие, было: Виктория-Аликс-Хелена-Луиза-Беатрис, но из всех этих элементов в России избрали один из них – Алике, да и то изменив его на «Алису».)

Алиса, приняв православие, стала носить имя Александры Федоровны. Их свадьба была тридцать третьей.

Тридцать четвертый брачный союз был заключен в 1901 году. Тогда дочь императора Александра III, Великая княжна Ольга вышла замуж за Петра – князя Ольденбургского.

Тридцать пятую свадьбу играли в 1902 году, когда Великая княжна Елена Владимировна стала женой Великого князя Греческого Николая, из все той же династии Глюксбургов.

Тридцать шестую свадьбу играли в 1905 году, когда Великий князь Кирилл Владимирович женился на дочери герцога Саксен-Кобург-Готского Альфреда – герцогине Виктории. О ее отце – Альфреде-Эрнсте-Альберте – сыне королевы Великобритании Виктории, здесь уже говорилось, когда шла речь о двадцать девятой свадьбе.

Следующий брак – тридцать седьмой – был заключен в 1908 году между Великой княжной Марией Павловной и герцогом Зюдерманландским Вильгельмом. И хотя герцог был родом из Швеции, династия все же была немецкой.

Этим тридцать седьмым браком исчерпывается число брачных союзов Российского императорского дома с немецкими владетельными домами с 1711 до 1908 года. Разумеется, и после 1908 года, и до него в доме Романовых заключались и другие браки – не с немецкими династиями, а с представителями иных знатных фамилий, но, во-первых, их было очень немного, а во-вторых, они были на обочине главной матримониальной дороги, по которой два века шел Российский императорский дом.

17 июля 1918 года последний русский император Николай II был убит большевиками вместе со своей женой и пятью детьми – четырьмя девочками и тринадцатилетним сыном.

Вместе с этим убийством закончилась история династии Романовых на земле России, хотя весь 1918 год большевики продолжали охоту за членами этой семьи и до января 1919 года расстреляли и замучили до смерти семнадцать человек: мужчин, женщин, девушек и подростков.

Однако гораздо больше Романовых осталось в живых, как тех, кто еще до революции жил за границей – в других монархических семьях, так и тех, кому посчастливилось уехать или убежать за границу.

Среди последних была и вдова Александра III – мать Николая II, вдовствующая императрица Мария Федоровна, за которой был послан английский военный корабль, и она забрала с собою и множество своих родственников.

Находясь в изгнании, Романовы продолжали заключать браки с представителями других династий – в том числе и немецких, однако это уже совсем другая история, и, наверное, следует ограничиться сказанным.

* * *

Брачные союзы, заключавшиеся между представителями дома Романовых, – практически династией Романовых-Гольштейн-Готторпов – и династиями многих других владетельных немецких домов, возникали в большинстве случаев по политическим соображениям. И потому автору было необходимо уделять преимущественное внимание разным аспектам русско-немецкой истории, которые имели прямое отношение к главным сюжетам.

В ряде случаев было необходимо знакомить читателей с не знакомыми немецким читателям эпизодами российской истории, которые, как представляется автору, будут просто интересными для тех, кому эта книга предназначена.

Немецкому читателю следует иметь в виду, что все даты в этой книге приводятся по старому русскому календарю, действовавшему с 1700 до 1918 года. Особенностью этого календаря было то, что он «отставал» от европейского (юлианского) календаря в XVIII веке на 11 дней, в XIX – на 12 и в XX (до 1918 года) – на 13.

Так как эта книга охватывает как раз означенный выше эпизод и все документы российской истории помечены датами существовавшего тогда календаря, то и автор обязан был придерживаться данного принципа.

Таковы, вкратце, некоторые предварительные замечания, которые автор считает необходимым предпослать этой книге.

Происхождение рода и фамилии Романовых

История рода Романовых документально воспроизводится с середины XV века, с боярина великого князя московского Симеона Гордого – Андрея Ивановича Кобылы, игравшего, как и многие бояре в средневековом Московском государстве, значительную роль в государственном управлении.

У Кобылы было пятеро сыновей, младший из которых, Федор Андреевич, носил прозвище «Кошка».

По мнению русских историков, «Кобыла», «Кошка» и многие другие русские фамилии, в том числе и знатные, происходили от прозвищ, возникавших стихийно, под влиянием различных случайных ассоциаций, которые трудно, а чаще всего невозможно реконструировать.

Федор Кошка, в свою очередь, служил великому князю московскому Дмитрию Донскому, который, выступая в 1380 году в знаменитый победоносный поход против татар на Куликово поле, оставил Кошку править вместо себя Москвой: «Блюсти град Москву и охранять великую княгиню и все семейство его».

Потомки Федора Кошки занимали прочное положение при Московском дворе и часто роднились с членами правившей тогда в России династии Рюриковичей.

По именам мужчин из рода Федора Кошки, фактически по отчеству, назывались нисходящие ветви семьи. Поэтому потомки носили разные фамилии, пока наконец один из них – боярин Роман Юрьевич Захарьин – не занял столь важного положения, что всех его потомков стали называть Романовыми.

А после того, как дочь Романа Юрьевича – Анастасия – стала женой царя Ивана Грозного, фамилия «Романовы» стала неизменной для всех членов этого рода, сыгравшего выдающуюся роль в истории России и многих других стран.

В 1598 году династия Рюриковичей прекратила свое существование – умер, не оставив потомков, последний из династии царь Федор Иванович. После долгих лет Смуты в 1613 году был созван Земский собор для избрания нового царя.

Им был избран Михаил Романов, ставший основателем новой династии, правившей Россией три столетия – до марта 1917 года.

От Михаила Романова в 1645 году трон перешел к его сыну – Алексею Михайловичу, который был отцом шестнадцати детей. Тринадцать из них родила его первая жена – Мария Милославская, троих – вторая жена, Наталья Нарышкина.

Так как последующее повествование не может обойтись без ряда подробностей, которые необходимы для того, чтобы стало ясно, когда и почему династия Романовых встала на путь заключения множества брачных союзов с немецкими владетельными домами, то уже царствование Алексея Михайловича будет освещено с учетом этого обстоятельства.

Ключевым моментом в истории, связанной со многими последующими событиями, является вторая женитьба Алексея Михайловича на Наталье Нарышкиной. И именно с нее мы и начнем следующую главу.

Второй брак царя Алексея и рождение Петра

От первого брака, с Марией Милославской, у Алексея Михайловича было тринадцать детей – восемь девочек и пятеро мальчиков. Трое из них – царевна Софья и царевичи Федор и Иван – сыграют определенную роль в истории России и поэтому пройдут и по страницам этой книги, остальные же будут оставлены без внимания.

Царица Мария, прожив с Алексеем Михайловичем двадцать лет, умерла 3 марта 1669 года, когда ее мужу было сорок лет. К этому времени он уже прослыл человеком весьма неординарным, во многом отличавшимся от своих предшественников. При нем в Москве появился первый театр, был построен первый военный корабль – «Орел», созданы «полки нового строя» – прообраз будущей регулярной армии, увеличилось число школ и мануфактур.

Все эти нововведения происходили не без помощи западных купцов, мастеров, мануфактуристов, инженеров, аптекарей, врачей, офицеров, живших в Москве в иноземных слободах, более всего – в Немецкой слободе на берегу Яузы.

Иноземный быт с его опрятностью, комфортом, картинами и зеркалами, часами и обоями, заморскими яствами и механическими музыкальными шкатулками, оказался привлекательным и для русских дьяков и купцов, имевших дело с иноземцами в Москве либо бывавших за границей. И они постепенно стали вводить в домашний обиход наиболее привлекательные элементы западноевропейского быта.

Алексей Михайлович, предпочитавший за столом умную беседу традиционным возлияниям, пробовавший писать стихи, интересовавшийся архитектурой и живописью, быстро почувствовал вкус к иноземным новациям и не чурался общества московских «западников» – русских людей, считавших образцом для России порядки и обычаи Запада.

Случилось так, что ближе прочих стал Алексею Михайловичу тихий скромник и неутомимый труженик Артамон Сергеевич Матвеев, стоявший тогда во главе Малороссийского приказа, управлявшего делами восточной части Украины, принадлежавшей России.

Он был женат на Евдокии Петровне Гамильтон, происходившей из знатного шотландского рода, переселившегося в Россию при Иване Грозном. (Впоследствии фамилия «Гамильтон» в России трансформировалась в «Хомутовых».)

В какой-то мере благодаря своей жене, а гораздо более из-за собственных склонностей и европейской образованности, Матвеев часто приглашал к себе иностранцев, да и его служба в Посольском приказе весьма к тому располагала. Дом Матвеева казался островком Немецкой слободы, переместившимся из-за реки Яузы, где жили немцы, в Китай-город: комнаты убраны венецианскими зеркалами и картинами западных мастеров, а сложности его часов, изысканности посуды и богатству библиотеки дивились самые бывалые из иноземцев.

Алексей Михайлович гораздо чаще, чем прежде, стал навещать Матвеева, чем приводил в недоумение многих своих знатных сородичей, заставляя их теряться в догадках по поводу столь малопонятной привязанности.

Его визиты еще более участились после кончины Марии Ильиничны.

Несколько месяцев сорокалетний вдовец, тяжело переживавший смерть любимой жены, постился, пребывая в глубоком трауре, подолгу молился за упокой души рабы Божией Марии, но как-то однажды снова заехал к Матвееву и обратил внимание на прекрасную молодую девушку, так же, как когда-то и его покойная жена, жившую «на хлебах», то есть на иждивении, из милости, у своего богатого родственника. Ее звали Натальей Кирилловной, ей было двадцать лет, и так же, как и первый тесть царя Илья Данилович Милославский, отец девушки принадлежал к бедным дворянам. Однако благодаря протекции Матвеева, ее отец Кирилл Полиевктович стал полковником стрелецкого полка в бытность Артамона Сер-

геевича головой московских стрельцов. Наталья Нарышкина к тому же доводилась дальней родственницей жене Матвеева и поэтому была взята в дом Артамона Сергеевича, когда ее отец был еще беден и жил в деревне под Тарусой.

Наталья Кирилловна, красивая, достаточно образованная и хорошо воспитанная, к тому же обладавшая прекрасным характером, чуть ли не с первой встречи покорила сердце сорокалетнего вдовца, и он вскоре решил взять ее в жены.

Однако, желая соблюсти приличия и обычаи старины, царь, объявив осенью 1669 года о своем намерении жениться, имени невесты не назвал, а для пущего сокрытия тайны велел начинать сбор невест для царских смотрин. На сей раз смотр продолжался семь месяцев – с конца ноября 1669 до мая 1670 года.

Пересмотрев сотни претенденток, царь остался верен первоначальному выбору, и 22 января 1671 года состоялось венчание Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны.

* * *

...Через семь месяцев после этого, в ночь с 28 на 29 августа, московский звездочет и астролог, монах Симеон Полоцкий заметил недалеко от планеты Марс новую, не виданную им дотоле звезду. Симеон был первым в России придворным стихотворцем и главным воспитателем детей Алексея Михайловича. Кроме того, был Симеон и одним из авторитетнейших богословов, чьи книги признавались иерархами православной церкви «жезлом из чистого серебра Божия Слова и от Священных Писаний сооруженных».

Симеон имел свободный доступ к царю и на следующее утро после того, как увидел он сие небесное знамение, явился к Алексею Михайловичу, чтобы не только сообщить ему об увиденном минувшей ночью, но и истолковать свой сон как некое предзнаменование.

Беря на себя изрядную смелость, звездочет объявил царю, что его молодая жена зачала в эту ночь сына-первенца, и, стало быть, мальчик родится 30 мая 1672 года, а по принятому тогда летоисчислению – в 7180 году от сотворения мира. Но Симеон не ограничился этим, а высказал и некое пророчество о царевиче: «Он будет знаменит на весь мир и заслужит такую славу, какой не имел никто из русских царей. Он будет великим воином и победит многих врагов. Он будет встречать сопротивление своих подданных и в борьбе с ними укротит много беспорядков и смут. Искореня злодеев, он будет поощрять и любить трудолюбивых, сохранит веру и совершит много других славных дел, о чем непреложно свидетельствуют и что совершенно точно предзнаменуют и предсказывают небесные светила. Все это я видел, как в зеркале, и представляю все сие письменно».

С этой минуты осторожный и, несмотря на образованность, все же суеверный и подозрительный Алексей Михайлович приставил к дому ученого монаха караул и снял его только тогда, когда совершенно убедился, что его жена действительно забеременела.

28 мая у царицы начались предродовые схватки, и Алексей Михайлович призвал Симеона к себе. Меж тем роды были очень трудными, и молодую царицу даже причастили, полагая, что она может в одночасье и помереть. Однако Полоцкий уверил царя, что все окончится благополучно и что через двое суток у него родится сын, которого следует наречь Петром.

Все так и произошло. Некоторые современники добавляют, что это же, наблюдая за звездным небом, предрекали и европейские астрологи.

А вот что писал историк, академик М. П. Погодин о том, как происходили роды: «При начале родильных скорбей Симеон Полоцкий пришел во дворец и сказал, что царица будет мучиться трое суток. Он остался в покоях с царем Алексеем Михайловичем. Они плакали вместе и молились. Царица изнемогала так, что на третий день сочли нужным приобщить ее святых тайн; но Симеон Полоцкий ободрил всех, сказав, что она родит благополучно через

пять часов. Когда наступил пятый час, он пал на колени и начал молиться о том, чтоб царица помучилась еще час. Царь с гневом рек: „Что вредно просишь?“ – „Если царевич родится в первом получасе, – отвечал Симеон, – то веку его будет 50 лет, а если во втором, то доживет до 70“.

И в ту же минуту принесли царю известие, что царица разрешилась от бремени, и Бог дал ему сына...»

Это случилось в Кремлевском дворце, 30 мая 1672 года, в день поминовения преподобного Исаакия Далматского, в четверг, «в отдачу часов ночных», то есть перед рассветом.

Ребенок был длиною в одиннадцать, а шириною в три вершка, т. е. длиной в 50 и шириной в 14 сантиметров. Младенца крестили в кремлевском Чудовом монастыре, в храме Чуда Михаила Архангела, где до него были крещены царь Федор, отец Петра – царь Алексей Михайлович, а после Петра – в 1818 году – здесь же крестили и царя-освободителя Александра П.

* * *

Мальчик рос и воспитывался так же, как в свое время росли и воспитывались его сводные братья, по матери – Милославские.

До семи лет он находился под опекой мамок и нянек, а после этого перешел в мужские руки. Его первыми воспитателями стали «дядька» – боярин Родион Матвеевич Стрешнев и стольник Тимофей Борисович Юшков. Среди воспитателей Петра был и другой Стрешнев – Тихон Никитич, которого молва называла подлинным отцом царевича Петра. Этот слух распускала старшая сестра Петра – Софья Алексеевна, дочь Алексея Михайловича от первого брака, бывшая всего на шесть лет младше своей мачехи – Натальи Нарышкиной – и очень ее не любившая.

Что же касается династических событий, произошедших в детстве Петра, то следует особо отметить неожиданную смерть Алексея Михайловича, наступившую 29 января 1676 года и повлекшую за собою опалу Нарышкиных – престол унаследовал Федор Алексеевич, сын покойной Марии Ильиничны Милославской.

Однако царствование Федора Алексеевича оказалось недолгим: он умер бездетным 27 апреля 1682 года.

Смерть Федора еще более обострила борьбу многочисленного клана Милославских с Нарышкиными, не утихавшую со дня кончины Алексея Михайловича. Но и на этот раз трон остался за Милославскими – умершему Федору наследовала его старшая сестра Софья, так как сыновья Алексея Михайловича – Иван и Петр – были еще юны. Петру было десять лет, а Иван, хотя ему и шел шестнадцатый год, по здоровью недалеко ушел от вечно болевшего при жизни Федора, а по уму сильно ему уступал. Оставались только дочери.

«В тереме царя Алексея, – писал историк И. Е. Забелин, – было шесть девиц, уже взрослых, стало быть, способных придавать своему терему разумное и почтительное значение. В год смерти их брата, царя Федора, старшей царевне Евдокии было уже 32 года, младшей Феодосии 19 лет... Третьей царевне Софье было около 25 лет... Все такие лета, которые полны юношеской жизни, юношеской жажды. Естественным было встретить в эти лета и юношескую отвагу, готовность вырваться из клетки на свободу, если не полную готовность, то неудержимую мечту о том, что жизнь на воле была бы лучше монастырской жизни в тереме». Добавим, что все шесть сестер были обречены на вечную полумонашескую жизнь, и это придавало им дополнительную энергию и смелость. Причем эта смелость проявилась уже в дни болезни царя Федора, когда Софья вышла из терема и круглые сутки проводила у постели умирающего брата, что превращало ее поступок в подвиг благочестия и милосер-

дия. Таким поступком, который Софья к тому же усиленно демонстрировала, она сумела завоевать изрядную популярность среди придворных.

У постели умирающего брата Софья познакомилась, а затем и быстро сблизилась со знаменитым полководцем князем Василием Голицыным – первым «западником», как называли его впоследствии русские историки. Голицын говорил на латыни, на древнегреческом, немецком и польском языках и был весьма популярен среди иностранцев, живших в Москве.

Сразу после смерти Федора Алексеевича царем был избран десятилетний Петр, Софья, однако, стоявшая во главе клана Милославских, решила принять меры, чтобы к власти не пришли Нарышкины и их сторонники.

Опираясь на московских стрельцов, многочисленные клеветы Софьи подняли открытый бунт против Нарышкиных, потребовав удаления их из Кремля. Это произошло 15 мая 1682 года. В этот же день стрельцам выдан был брат Натальи Кирилловны Иван, изрубленный мятежниками на части, а его голова была вздета на копье. Вслед за тем стрельцы требовали пострижения в монастырь отца Натальи Кирилловны и ссылки всего рода Нарышкиных. Был убит и сторонник Нарышкиных князь Михаил Юрьевич Долгоруков, и ближайшие сподвижники Алексея Михайловича Языковы и Лихачевы. Был убит и Артамон Матвеев, незадолго перед тем вернувшийся из ссылки в Москву для подавления мятежа.

Эти убийства и зверства произошли на глазах юного Петра. Он был настолько напуган и потрясен увиденным, что с ним случился первый эпилептический припадок. Впоследствии такие припадки, называемые тогда «падучей болезнью», периодически случались у Петра до конца жизни. На всю жизнь сохранил он и ненависть к бунтовщикам и в дальнейшем не однажды беспощадно карал мятежников.

Получив около трехсот тысяч рублей и имущество побитых ими бояр, стрельцы послали начальника князя Ивана Андреевича Хованского потребовать воцарения и старшего брата – Ивана Алексеевича, объявив его первым царем, а Петра – вторым.

К середине лета правительство Софии из-за своеволия стрельцов потеряло контроль над столицей, и потому 13 июля двор во главе с цесаревной покинул Москву и перебрался в хорошо укрепленный Троице – Сергиев монастырь, расположенный в 75 километрах к северо-востоку от Москвы. Правда, вскоре все они вернулись в Москву, но ненадолго, и в августе снова направились в Троицу.

В то время как Софья маневрировала подобным образом, власть над стрельцами захватил начальник Стрелецкого приказа князь Иван Андреевич Хованский, в майских событиях энергично отстаивавший интересы своих подчиненных. Стрельцы намерены были посадить Хованского на престол, но Хованский проявил нерешительность, чем тут же воспользовалась Софья. Она собрала к Троицкому монастырю дворянское ополчение, вызвала Хованского с сыном Андреем на встречу с боярами – членами Боярской думы, в которую входил и Хованский, – и когда отец и сын приехали, велела схватить и казнить их обоих без суда, обвинив в государственной измене. Заговор был обезглавлен, и стрельцы покорились воле правительницы.

Во всех этих делах главные роли сыграли сторонники Софьи и ее фавориты – один в настоящем, князь Василий Голицын, а второй в будущем – новый начальник московских стрельцов Федор Шакловитый.

Возвратившись в Москву, Софья стала участвовать во всех дворцовых и церковных церемониях наравне с царями Иваном и Петром. Она приказала чеканить золотые монеты с ее портретом, стала надевать царскую корону и давала официальные аудиенции иноземным послам в Золотой палате Московского Кремля.

После подавления «хованщины» Голицын стал фактическим главой русского правительства и сферой своей деятельности избрал реформу военного дела и вооруженных сил и формирование внешнеполитического курса России.

В военной сфере его усилия были направлены на то, чтобы заменить стрелецкое войско и дворянское ополчение хорошо обученной, профессиональной регулярной армией. В области внешней политики он стремился заключить союз с западными странами и обратить оружие против Крыма и Турции.

В первом начинании Голицын не добился особых успехов – он лишь начал преобразования в армии, правда, сильно их продвинув, зато во втором – одержал победу. Вершиной его дипломатической деятельности стало подписание договора о «Вечном мире» с Польшей 21 апреля 1686 года.

Отныне российские государи официально писались в международных документах «Всея Великия и Малыя и Беляя России самодержцы». С этого же момента и имя Софьи писали в царском титуле на всех документах.

Подписание «Вечного мира» сильно укрепило авторитет Голицына. Иностранцы, посещавшие Посольский приказ, писали, что российское дипломатическое ведомство занимает четыре огромных каменных здания с множеством просторных и высоких зал, убранных на европейский манер.

Сам Голицын поражал их необычайной роскошью своей одежды, сплошь усыпанной алмазами, сапфирами, рубинами и жемчугом. Говорили, что у Голицына не менее ста шуб и кафтанов, на которых каждая пуговица стоит от 300 до 700 рублей, а если бы канцлер продал один свой кафтан, то на эти деньги мог бы одеть и вооружить целый полк.

Конечно же, вся эта роскошь не обошлась без благосклонного внимания к своему любимцу Софьи Алексеевны.

Французский эмиссар Невилль писал о князе Голицыне: «Разговаривая со мною полатыни о делах европейских и о революции в Англии, министр потчевал меня всякими сортами крепких напитков и вин, в то же время говоря мне с величайшей ласковостью, что я могу и не пить их. Этот князь Голицын, бесспорно, один из искуснейших людей, какие когда-либо были в Московии, которую он хотел поднять до уровня остальных держав. Он любит беседовать с иностранцами, не заставляя их пить, да и сам не пьет водки, а находит удовольствие только в беседе. Не уважая знатных людей по причине их невежества, он чтит только достоинства и осыпает милостями тех, кого считает заслуживающими их».

Повернув острие русского меча на юг – против Крыма и Турции, Голицын вскоре вынужден был взяться и за его рукоять. В начале 1687 года Боярская дума «приговорила: быть князю Василию большим воеводой и Крым зносить», а летом Голицын встал во главе сотысячной армии и двинулся в поход. Однако засуха, жара, отравленные колодцы и конская бескормица не позволили Голицыну дойти до Крыма, и он предпочел возвратиться с половины пути.

Сделав серьезные выводы из постигшей его неудачи, Голицын сразу же по возвращении в Москву стал готовиться ко второму походу на Крым, который был объявлен 18 сентября 1688 года, но начался 17 марта следующего года, ибо подготовка к нему была основательной и серьезной. В походе участвовало 80 тысяч солдат и рейтар и 32 тысячи стрельцов – уже и по этим цифрам видно, как далеко зашла реформа Голицына, потому что солдаты и рейтары обучались военному строю по-европейски, а стрельцы больше напоминали ополченцев.

Огромная армия медленно ползла на юг, но от нее отвернулась удача, и вскоре русским пришлось пойти назад через безводные и безлюдные степи.

Отвернулась от Голицына и цесаревна Софья – место князя в ее сердце занял начальник Стрелецкого приказа Федор Шакловитый – безродный маленький чиновник, ставший, на европейский лад, одним из всесильных министров.

Софья приблизила к себе Шакловитого после того, как он решительно поддержал ее намерение венчаться на царство и единолично занять московский трон.

Голицын в это время находился во втором походе на Крым, столь же неудачном, как и первый, и Шакловитый не только стал первым сановником в государстве, обойдя всех родовитых и знатных бояр, ненавидевших его как худородного выскочку, но и сделался сердечным другом царевны Софьи, ее фаворитом.

Он оставался в фаворе и после того, как в Москву в июле 1689 года возвратился из очередного неудачного похода на Крым теперь уже отвергнутый Софьей Голицын. Хотя Софья и встретила его, как победителя, и осыпала наградами и подарками, бывшего сердечного расположения к «свету Васеньке» царевна не вернула – в ее сердце прочно укрепился Федор Шакловитый.

Так подходили к концу восьмидесятые годы XVII века, и никто еще не знал, какие серьезные перемены принесут идущие им на смену годы девяностые, выведя на авансцену истории множество новых людей и событий.

Жизнь Петра до вступления на царский престол

Далее героем нашего повествования будет царевич Петр Алексеевич, а затем царь и, наконец, император Всероссийский. Однако жизнь его будет освещена таким образом, что на первом плане окажутся те немцы и немки, которые стали его опорой, друзьями и соратниками, которые верой и правдой служили ему, и читателю станет ясно, почему именно с немцами Петр решил заключить брачные союзы двух своих племянниц, сына и дочери.

Уже в юности Петр проникся любовью и уважением к образу жизни, культуре, ремеслам и наукам, к которым приобщали его московские немцы, поселившиеся в своей собственной слободе за Яузой. Петр был так восхищен всем, что увидел там, так покороен костюмами и застольями, чистотой и порядком, что вскоре сам стал называть себя «немцем».

Уже в десять лет Петр был рослым, крепким мальчиком, подвижным и любознательным. Одним из его первых учителей был подьячий Посольского приказа Никита Моисеевич Зотов, выучивший Петра грамоте и началам российской истории.

В одиннадцать лет Петр показался секретарю шведского посольства Кемпферу шестнадцатилетним. «Лицо у него открытое, красивое, молодая кровь играла в нем... Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских».

Как раз в это самое время начинает Петр свои «марсовы потехи», начиная служение богу войны – Марсу. 30 мая 1683 года, когда исполнилось ему одиннадцать лет, в подмосковном селе Воробьево артиллерийский капитан Симон Зоммер впервые учинил перед Петром «потешную огнестрельную стрельбу» из настоящих орудий. Зоммер был одним из первых иностранцев, с которыми судьба свела юного царя, и почти тотчас же Петр обратил внимание и на других иноземцев, живших, как и Зоммер, на берегах ручья Кукуй в Немецкой слободе.

Военные игры привели к тому, что Петр объявил о создании потешного полка, и на его зов 30 ноября 1683 года первым явился сорокалетний придворный конюх Сергей Бухвостов, вошедший в историю как первый солдат российской регулярной армии. Он прослужил до семидесяти лет, выйдя в отставку майором артиллерии. Петр так любил Бухвостова, что приказал скульптору Бартоломео Растрелли-старшему сделать еще при жизни Сергея Леонтьевича его статую.

Однако не на долю Бухвостова выпала наибольшая известность, а тем более наибольшая удача – в особом, как тогда говорили, «кредите у Фортуны» оказался иной человек – сын другого дворцового конюха, тоже явившийся на зов Петра в потешный полк, Александр Данилович Меншиков. Петр видел Меншикова в доме швейцарца Лефорта, где тот был «казачком» – мальчиком на посылках. Да и было ему в ту пору десять лет. Петр же был старше Меншикова всего на полтора года. А уже через три года тринадцатилетний Меншиков служил денщиком Петра, почти сразу же став его любимцем. Сметливый, расторопный, веселый, смелый, с удовольствием разделявший все утехы своего государя, Меншиков вскоре стал «вторым я» юного царя, ни на час не отлучаясь от него и ловко угождая малейшим его прихотям.

Вокруг Петра очень быстро возник кружок его сверстников, а также мужчин и женщин более зрелых, готовых, однако, потакать сначала достаточно робким, а потом все более откровенным и, наконец, необузданно-распущенным вожделениям будущего российского самодержца. И в этом Меншиков был первым его сподвижником и не по годам ловким сводником.

Да и в «марсовых потехах», которые в это время составляли главное занятие и царя, и его денщика, они были столь же неразлучны и единомышленны, как и в прочих делах.

Так, между играми, забавами и непременными серьезными занятиями по обмундированию, снабжению, вооружению и обучению сотен молодых рекрутов, в селе Преображенском появился одноименный, пока еще вроде бы и потешный, но уже и нешуточный, а впоследствии первый гвардейский полк России, увенчанный всеми наградами империи.

Петр, наряду с другими, стал служить в этом полку рядовым, испытывая на себе все перипетии и тяготы солдатской службы, которая закалила его и рано сделала взрослым мужчиной. Эта же служба еще более сблизила Петра с иностранцами-офицерами, так как именно их – преимущественно немцев – молодой царь пригласил в Преображенский полк на командные должности.

В 1685 году Петр приказал построить в Преображенском, на берегу Яузы, потешный городок-крепость Прешбург, чтобы обучать солдат осаде, обороне и штурму городов. Ах, как жестоко пошутила потом судьба с этой игрушечной крепостью! Пройдет восемь лет, и именно здесь разместится страшный Преображенский приказ – место пыток и казней государевых супротивников.

А тогда, еще не помышляя о том, строили «потешную фортецию» все те же иноземцы, еще более разжигая его любопытство к европейским премудростям.

Игра переросла уже в дело серьезное и небезопасное для всех противников молодого царя. Весной 1687 года он начал создавать второй потешный полк – Семеновский, формирующийся в соседнем селе – Семеновском.

И здесь не обошлось без иноземцев, которые, кроме фрунта, экзерциций, парадов и военной музыки, приохотили пятнадцатилетнего бомбардира и к музыке партикулярной, к табаку, пиву, вину, а затем познакомили с юными прелестницами из Немецкой слободы.

Кукуйские девы кружили голову не хуже вина и представлялись Петру живым воплощением первозданного плотского греха – влекущего, сладкого и пока еще не изведенного.

Петр, никогда не игравший вторых ролей, всегда старавшийся не уступать никому ни в чем, в утехах застольных и амурных тоже хотел быть только первым и потому вовсю показывал свою силу, удаль и молодечество. С этого времени пирушки с иностранцами и русскими товарищами его забав и дел стали неотъемлемой чертой жизни и быта Петра, сохранившейся им вплоть до самой его смерти.

А когда исполнилось ему шестнадцать, затеял он строить на Плещеевом озере, в Переяславле-Залесском первую флотилию, положив тем самым начало российскому кораблестроению. Эта очередная потеха заставила Петра заняться арифметикой и геометрией, освоить различные астрономические и корабельные инструменты, чему обучали его тоже иноземцы Франц Тиммерман и Карстен Брант.

Месяцами стал он пропадать на озере, чем приводил матушку свою Наталью Кирилловну в великое смятение. Мать боялась, что ее Петруша утонет, и не знала, что предпринять, чтобы привязать сына к Москве. Новая затея казалась ей еще хуже и опаснее, чем потешные игры возле Преображенского и ночные кутежи в Кукуе.

И тогда Наталья Кирилловна надумала женить сына на молодой красавице и стала присматривать будущую невестку среди лучших столичных невест.

После раздумий она остановила свой выбор на двадцатилетней московской дворянке Евдокии Лопухиной, девушке красивой, но не очень умной и, главное, очень несхожей со своим мужем по характеру.

После свадьбы Петр очень быстро остыл к молодой жене и подолгу оставался на Плещеевом озере.

Наезжая в Москву, Петр все чаще интересовался государственными делами, что насторожило и испугало Софью и ее сторонников. В Кремле видели, что орленок расправляет крылья, но видели также и то, что противная ему сторона – прежде всего сама Софья и Шакловитый, а также и князь Голицын – не намерены уступить власть молодому претенденту.

Опасаясь еще большего усиления Шакловитого, а вместе с ним и Софьи, враги Федора Леонтьевича решили опереться на семнадцатилетнего царя Петра и в ночь с 7 на 8 августа 1689 года донесли, что начальник Стрелецкого приказа злоумышляет на жизнь его самого и его матери.

(Впоследствии все восемь доносчиков получили по тысяче рублей – огромные деньги, если срубить и поставить избу стоило тогда один рубль.) Петр поверил навету и тотчас же бежал из подмосковного села Преображенского в Троице-Сергиев монастырь, за мощными стенами которого семь лет назад скрывалась царевна Софья.

Петр бежал туда по совету Бориса Голицына, двоюродного брата Василия Голицына. В ту пору Борис Голицын был одним из ближайших сподвижников Петра и имел на него сильное влияние. Петр примчался в Троицу в сопровождении лишь нескольких приближенных, но уже на следующий день к нему приехали мать, любимая сестра Наталья и молодая жена – царица Евдокия.

А следом за ними к воротам монастыря подошел большой и сильный отряд, который привел швейцарец, полковник Франц Лефорт, – любимец Петра и верный его друг.

За то, что Лефорт первым из офицеров-иностранцев примчался на помощь к Петру, он был произведен в генералы.

Вслед за Лефортом в монастырь пришло еще несколько офицеров-иностранцев и оставшийся верным Петру стрелецкий Сухарев полк. Еще через три дня прибыли и телеги с порохом, ядрами, картечью, пушками и мортирами. А к концу августа в Троицу пришли со всеми урядниками еще пять стрелецких полковников.

Патриарх Иоаким, посланный в Троицу царевной Софьей для того, чтобы помирить ее с братом, не только не стал миротворцем, но ясно дал понять Петру, что стоит на его стороне и дальше будет держаться точно так же.

Почувствовав, что сила на его стороне, Петр 1 сентября потребовал выдать ему Шакловитого «головой», и после того как Софья, помешкав неделю, все же выдала своего любимца, хотя при этом и обливалась слезами, Федора Леонтьевича поставили на пытку и 12 сентября отрубили голову.

Василия Голицына отправили с женой и детьми к Северному Ледовитому океану, а царевну Софью заточили в московский Новодевичий монастырь.

Софья умерла монахиней 3 июля 1704 года, 46 лет, а Голицын умер в изгнании в 1714 году в возрасте 70 лет.

Петр-самодержец

После победы над Софьей и ее сторонниками Петр стал единовластным самодержавным государем. Возвратившись в Москву, он с головой погрузился в государственные дела, впервые ощутив тяжесть Мономаховой шапки. И хотя титул царя обязывал Петра претерпевать многие связанные с ним неудобства, тяжелее всего давались Петру сдержанность и благолепие, ибо молодость и жгучий темперамент оказывались сильнее разума и строгих канонов дворцового и церковного этикета. Особенно нетерпимыми для сторонников благочиния казались теперь наезды царя в еретическую Немецкую слободу, где по-прежнему правил бал его друг Лефорт.

Одним из немногих, кто решительно противился дружбе юного царя с иноземцами-иноверцами, видя в этом и пагубу его душе, был патриарх Иоаким. Но 17 марта 1690 года Иоаким умер, и Петр, уже никем не сдерживаемый, пустился в разгул.

Через две недели после смерти Иоакима Петр впервые переоделся в немецкое платье, заранее сшитое к этому времени по его заказу в Мастерской палате специально для него. Он облачился в камзол, штаны, чулки и башмаки, перекинул через плечо шитую золотом перевязь, прицепил к ней шпагу и надел парик. Причем кое-что из этого поставил Петру новоиспеченный генерал Франц Лефорт.

По возвращении из Троицы в Москву Петр чаще, чем к кому-либо другому, стал заезжать к Лефорту, где его всегда ждали компания, в которой можно было услышать множество любопытных и полезных историй, а также желанное свободное общение с молодыми красивыми женщинами.

Историки, изучавшие жизнь Петра, утверждают, что великий преобразователь России, не придававший значения моральным канонам того общества, в котором довелось ему увидеть свет, не видел различия между служанками и принцессами, россиянками и иностранками, руководствуясь в выборе только одним – страстью.

Его медик – француз Вильбоа, сказал как-то об этой стороне петровского характера: «В теле его величества сидит, должно быть, целый легион бесов сладострастия». Удовлетворяя свое сладострастие, Петр должен был иметь дело с легионом ведьм, и многие современники-очевидцы или косвенные свидетели царской разнузданности приводят немало историй самого скабрёзного свойства. Однако сейчас нас интересуют только Немецкая слобода и женщины-иноземки, живущие в ней. И потому разговор пойдет только о них и об их окружении.

Первым проводником молодого Петра в Эдеме любовных приключений, каким представлялась ему Немецкая слобода, стал великолепный и неотразимый Лефорт.

Он-то и познакомил своего подопечного с его первой, довольно мимолетной привязанностью – дочерью ювелира Боттихера. Однако вскоре все тот же неутомимый швейцарец свел Петра со своей собственной любовницей, которая на многие годы стала любимицей царя – с первой красавицей Кукуя, дочерью ювелира и виноторговца Иоганна Монса Анной.

Семейство Монсов в «Списках замечательных лиц русских», составленных П. Ф. Карбановым, названо семьей «нидерландца, московского золотых дел мастера Мёнса», а его сына Витима там же называют «Мём де Ла Круа».

По утверждению австрийского посла Гвариента в письме австрийскому императору Леопольду I, Анна Монс, став любовницей Петра, не оставила и своего прежнего таланта Лефорта, деля ложе то с тем, то с другим.

Петр, необузданный, непредсказуемый, порой даже безумный и крайне противоречивый в собственных симпатиях и антипатиях, мог, даже зная о любовной связи Анны Монс со своим другом-соперником, не обратить на это ни малейшего внимания – настолько сильно

любил он Лефорта. Если же в том же самом грехе оказывались по отношению к нему женщина или мужчина, которых он не любил или переставал любить, месть его была ужасной. Об этом речь пойдет ниже.

Как бы то ни было, но чувства Петра к жене Евдокии уже в 1693 году угасли окончательно. А между тем Евдокия Федоровна менее чем через год после свадьбы, 18 февраля 1690 года, родила царю сына, названного в честь деда Алексеем, а затем в 1691 и в 1692 годах еще двух мальчиков – Александра и Павла, которые умерли во младенчестве, не прожив и одного года.

Однако государственные дела всегда были для Петра несравненно важнее его личных дел.

Он дважды уезжал в Архангельск, желая создать современный торговый флот, дважды ходил в походы на Крым, победоносно завершив их с помощью военного флота, созданного им в центральной России. Наконец, в марте 1697 года он отправился в Европу с «Великим посольством», чтобы воочию увидеть передовые европейские страны и затем употребить в России все полезное, что он там узнает.

К сожалению, тема нашей книги – брачные союзы дома Романовых с немецкими династиями, и проблемы внутренней и внешней политики будут освещаться здесь лишь настолько, насколько они имеют отношение к основной теме.

Итак, в начале марта 1697 года из Москвы в Европу отправилось «Великое посольство». Проехав через Курляндию, Пруссию, Бранденбург и Голландию, Петр на три месяца заехал в Лондон. Здесь-то он и принял решение, круто переменившее судьбу его жены. Перестав отвечать на письма Евдокии Федоровны еще по пути в Англию, Петр, оказавшись в Лондоне, решил насильно постричь ее и заточить в монастырь с тем, чтобы жениться на Анне Монс и возвести свою новую жену на российский трон. О второй части своего замысла Петр пока что хранил молчание, а в первую часть посвятил оставленных в Москве дядю Льва Кирилловича Нарышкина и не менее доверенного родственника – боярина Тихона Стрешнева. Петр приказал им склонить Евдокию к добровольному принятию монашества. Однако ни Нарышкин, ни Стрешнев в этом не преуспели. Вопрос этот был решен лишь после того, как Петр вернулся в Москву сам.

* * *

Это произошло 25 августа 1698 года, когда, загнав коней, Петр примчался в свою столицу из Вены, куда пришла к нему весть о том, что в Москве 6 июня произошел еще один бунт стрельцов. И хотя мятеж был подавлен менее чем через две недели после того, как начался, и 57 главных зачинщиков были немедленно казнены, а четыре тысячи рядовых участников сосланы, Петр, тем не менее, сразу же начал новое следствие, которое привело на плаху и на виселицу больше тысячи человек. Сотни стрельцов были изувечены, брошены в тюрьмы, усиланы в самые глухие медвежьи углы царства.

«Царь, Лефорт и Меншиков взяли каждый по топору. Петр приказал раздать топоры своим министрам и генералам. Когда же все были вооружены, всякий принялся за свою работу и отрубал головы. Меншиков приступил к делу так неловко, что царь надавал ему пощечин и показал, как должно отрубать головы», – писал позже саксонский посланник. Александр Данилович, способный к любому делу, тут же, на глазах у царя, немедленно исправился и к концу дня отрубил двадцать стрелецких голов да еще и пристрелил одного из колесованных, чтобы прекратить его мучения. Последнее милосердное деяние произвел он, впрочем, не по собственной инициативе, а по приказу Петра.

Стрелецкие полки были расформированы, а на их месте появились новые полки – регулярной российской армии. Петр лично участвовал при допросах и пытках, организовывал казни, но между этими государственными делами не забывал и о своих личных заботах.

Побывав в первый же день у Анны Монс и заехав потом еще в несколько других домов, он лишь через неделю встретился с Евдокией. Причем не в ее кремлевских покоях и не у себя, а в доме одного из своих ближайших сотрудников Андрея Виниуса, главы Почтового ведомства.

Долгие разговоры ни к чему не привели – Евдокия наотрез отказалась уходить в монастырь и в тот же день попросила о заступничестве патриарха Адриана.

Патриарх заступился за царицу, но Петр накричал на семидесятилетнего князя церкви, заявив, что это не его дело и он, царь, никому не позволит вмешиваться в его решения и его собственные семейные дела.

Через три недели Евдокию Федоровну посадили в закрытую карету, и два солдата-преображенца отвезли ее в Суздаль. Есть свидетельство, что Петр даже хотел казнить Евдокию, но за нее заступился Лефортов, и дело ограничилось заточением в монастырь.

Там с ней и вовсе перестали церемониться: силой постригли, переименовав ее родовое имя «Евдокия» на новое, монашеское – «Елена», и, не обращая внимания на крики и слезы, заперли в тесную келью Покровского девичьего монастыря.

Ей не дали ни копейки на содержание, и она вынуждена была просить деньги у своих опальных и обнищавших родственников: «Здесь ведь ничего нет: все гнилое. Хоть я вам и прискушна, да что же делать. Покамест жива, пожалуйста, поите, да кормите, да одевайте, нищую».

* * *

Возвращение Петра в Москву ничего не изменило в его отношениях с Анной, и если бы не начавшаяся вскоре война со Швецией, то, может быть, Анна Ивановна и стала бы русской царицей, как немного позже случилось это с другой иноземкой – Мартой Скавронской, вошедшей в историю под именем Екатерины Первой.

Именно Северная война во многом стала причиной первых брачных союзов Романовых с немецкими династиями.

19 августа 1700 года Россия объявила войну Швеции, начав одну из самых затяжных войн в своей истории – Северную, длившуюся двадцать один год и по продолжительности сравнимую только с двадцатипятилетней Ливонской войной 1558—1583 годов при Иване Грозном. Последняя, будучи проиграна, оказалась по своим последствиям весьма трагической для России.

Между тем и Ливонская война, и Северная проходили на территории Прибалтики, Ингерманландии, части Карелии и Литвы, и это предопределяло сходство геополитических интересов Ивана Грозного и Петра I, обязанных и вынужденных учитывать расклад сил многих государств этого обширного региона.

22 августа Петр, оставив Москву, отправился на театр военных действий к Нарве. 19 ноября русские войска потерпели там серьезнейшее поражение, но Петр не опустил руки и с еще большей энергией продолжал начатое дело. Тема этой книги не позволяет подробно останавливаться на истории военной или политической, если, по крайней мере, события не связаны с перипетиями личной жизни наших героев. Поэтому и сейчас речь пойдет об одном из военных эпизодов, без которого не произошло бы крутого поворота в отношениях Петра и Анны Монс.

Случилось так, что однажды вечером в апреле 1703 года возле стен осажденной шведской крепости Нотебург (потом Петр переименовал ее в Шлиссельбург) царь прогуливался

с приехавшим к нему саксонским посланником Кенигсеком. Вдруг Кенигсек поскользнулся на бревне, переброшенном через неширокий, довольно мелкий ручей, и на глазах у Петра рухнул в воду лицом вниз. Видевшие все это солдаты тут же бросились к нему на помощь, но было поздно – саксонский посланник захлебнулся, и откачать его не удалось.

Когда утопленника вытащили из ручья, у него в карманах обнаружили целую пачку писем коварной Анны Монс, в которых, как писал академик Герард Фридрих Миллер, она «слишком ясно выражала свою преступную любовь к Кенигсеку». Кроме того, у Кенигсека оказался и миниатюрный живописный портрет Анны.

Петр тотчас же приказал приставить к дому Анны крепкий караул и никого к ней не пускать. Анна поняла, что следует во что бы то не стало вернуть себе расположение царя, и попробовала сделать это при помощи колдовства, чародейства, приворотных зелий, перстней и тому подобной каббалистики.

Не только Анна, но и все ее семейство попали в опалу, которая продолжалась до 1707 года, пока в судьбу бывшей фаворитки царя не вмешался прусский резидент Георг Иоганн фон Кайзерлинг, сопровождавший, как и Кенигсек, Петра на войне. 10 июля 1707 года, неподалеку от Люблина, где стояла тогда Главная квартира русской армии, Кайзерлинг объявил Петру, что Анна Монс – его невеста и потому он просит разрешения на брак с нею.

Петр же ответил ему так:

– Я воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она вами прельщена и развращена, то я ни о ней, ни о ее родственниках ничего ни слышать, ни знать не хочу.

Присутствовавший при этом Меншиков сказал Кайзерлингу:

– Девка Монс действительно подлая публичная женщина, с которой я сам развратничал столько же, сколько и ты.

В ответ на это Кайзерлинг полез драться, но Петр и Меншиков спустили его вниз по лестнице.

Упрямец все же добился своего, но только через четыре года после этого происшествия. Он обвенчался с Анной в июне 1711 года, однако через полгода после свадьбы умер. Анна пережила его не намного: она скончалась в Немецкой слободе 15 августа 1714 года.

Начало «генерального романа» Петра I

25 августа 1702 года русские войска фельдмаршала Шереметева заняли город Мариенбург (ныне это латвийский город Алуксне). Его служанкой стала восемнадцатилетняя Марта Скавронская, дочь местного крестьянина, недавно вышедшая замуж за полкового трубача немца Иоганна Крузе, после чего стала прозываться Мартой Трубачевой. Ее настоящим отцом был не крестьянин, а его господин – помещик-немец фон Альвендаль. Марта приглянулась пятидесятилетнему Шереметеву, но потом стала добычей Меншикова, который отбил ее у фельдмаршала и увез в Москву. 1 марта 1704 года Марта попала на глаза гостю Меншикова – царю Петру, и он забрал ее себе.

Марта совершенно очаровала Петра.

Новый роман не походил ни на один из его предыдущих: от двадцатилетней литовской крестьянки тридцатидвухлетний царь потерял голову и с самого начала имел в отношении Марты серьезные намерения. Он не считал ее простой наложницей, но видел в ней будущую жену. Марта родила от царя двоих сыновей – Петра и Павла, которые, правда, умерли во младенчестве. Но еще до их кончины в 1705 году Петр предложил своей будущей жене, матери двоих сыновей, принять православие.

К этому времени и сама Марта прекрасно понимала, что Россия стала для нее новой родиной, где ей предстоит прожить еще очень долго. «Для того, – писал историк К. И. Арсеньев, – оставила веру своей родины и приняла православие; усердно начала изучение русского языка и скоро преуспела в нем так, что казалось, будто всегда принадлежала к великой семье русского народа».

Решив крестить Марту Скавронскую по православному обряду, Петр уже в 1705 году имел в отношении нее далеко идущие планы, намереваясь в дальнейшем сделать ее и своей женой, и русской царицей. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы тот факт, что крестным отцом Марты, получившей при новом крещении имя Екатерины, был родной сын Петра – пятнадцатилетний царевич Алексей, а ее крестной матерью – сводная сестра царя Екатерина Алексеевна, сорокасемилетняя дочь Алексея Михайловича и Марии Милославской.

С этого времени Марта стала называться Екатериной Алексеевной, и все, кто знал ее, резко изменили отношение к ней, ибо теперь перед ними была крестница царевича и царевны, в недалеком будущем их государыня.

Первый братский союз Романовых с курляндскими герцогами Кеттлерами

В ходе Северной войны на авансцену семейной жизни царского российского дома выходит племянница Петра, семнадцатилетняя Анна Ивановна, которую Петр решил выдать замуж за владельца соседней с Петербургом Курляндии герцога Фридриха-Вильгельма – потомка последнего магистра Ливонского ордена Кеттлера.

Здесь необходима краткая историческая справка: как уже упоминалось, в 1558 году Русское государство начало войну против Ливонии. В первые же годы Ливонской войны три самых крупных государства этого региона – город Рига, Рижское архиепископство и Ливонский орден – либо полностью признали над собою власть польского короля Сигизмунда II Августа, либо оказались в сильной от него зависимости.

Магистр Ливонского ордена Готард Кеттлер 5 марта 1562 года подписал договор о ликвидации Ордена и присягнул королю Польши на верность, как то же самое в 1525 году проделал последний гроссмейстер Тевтонского ордена Альбрехт Гогенцоллерн, присягнув королю Польши и Великому князю Литвы Сигизмунду I Старому. После принесения присяги гроссмейстер Тевтонского ордена Альбрехт Гогенцоллерн стал первым герцогом Пруссии, а последний магистр Ливонского ордена – первым герцогом Курляндским и Земгальским (сокращенное название – Герцогство Курляндское).

На следующий день полномочный представитель короля Сигизмунда II Августа князь Николай Радзивилл Черный назначил Кеттлера еще и губернатором правобережной Ливонии – Задвинского герцогства, которое тогда входило в состав Великого княжества Литовского.

С тех пор и до описываемых здесь событий Курляндское герцогство было светским владением, в котором власть была наследственной и принадлежала потомкам Готтарда Кеттлера, передаваясь по нисходящей линии. Последним из его потомков был в 1709 году герцог Фридрих-Вильгельм.

Следует заметить, что именно тогда русскими одержаны были решающие победы над шведами – в сражениях при Лесной, в знаменитой битве под Полтавой и под Переволочной.

В этот переломный для России год небо Москвы много раз озарялось победными фейерверками. 21 декабря 1709 года состоялся триумфальный марш победителей у Лесной, под Полтавой и у Переволочны.

В июне 1710 года русские войска взяли Выборг, в июле – Ригу, в сентябре – Ревель (Таллинн). С 1710 года в Курляндии влияние России необыкновенно усилилось, и Петр I, желая сделать его абсолютным, задумал опереться на дом Кеттлера. Для этого он решил выдать свою семнадцатилетнюю племянницу – царевну Анну Ивановну – за ее одноклассника – герцога Фридриха-Вильгельма Кеттлера.

Царевна Анна была дочерью покойного старшего брата Петра – царя Ивана, умершего в январе 1696 года на тридцатом году жизни. Иван оставил вдовой молодую царицу Прасковью Федоровну, которой был тогда тридцать один год, и трех дочерей – Екатерину, Анну и Прасковью. Девочки находились еще во младенчестве – старшей сравнялось четыре года, младшей шел второй год.

Чуть позже стали их учить чтению, письму и катехизису, приставив грамотных соотечественников из духовного звания, а из других предметов посчитали нужным преподавать царевнам два языка – французский и немецкий, да еще и танцы, наняв для сего двух иностранцев – француза Рамбура, обучавшего танцам и французскому языку, и немца Иоганна Остер-

мана – учителя немецкого языка. Но оба учителя были очень посредственными, а Остерман просто-напросто удивительно глуп, и потому девочки ничему от них не научились.

Меж тем 22 марта 1708 года царица Прасковья Федоровна выехала из Москвы в Петербург с огромной свитой и всеми дочерьми: шестнадцатилетней Екатериной, четырнадцатилетней Анной и двенадцатилетней Прасковьей. Почти через месяц, 25 апреля, прибыли они в Петербург и поселились в подготовленном для них доме рядом с домами царя, Меншикова и других знатных особ.

Вскоре дом царицы Прасковьи стал наполняться великосветскими петербургскими сплетнями и слухами. Говорили о родственниках, о приближенных царя. О Фридрихе-Вильгельме, кстати, доводившемся племянником королю Пруссии Фридриху I Гогенцоллерну, средняя дочь Прасковьи Анна впервые услышала поздней осенью 1709 года, когда ей сообщили о решении государя выдать ее замуж за герцога Курляндии Фридриха-Вильгельма.

В июле 1710 года его уполномоченные приехали в Петербург и заключили с Петром договор о предстоящем брачном союзе. После этого договор увезли в Митаву (сегодня это город Елгава, Латвия), и там герцог его тотчас же ратифицировал, после чего его пригласили приехать в Петербург.

Одновременно с приглашением герцогу был послан приказ фельдмаршалу Шереметеву, чьи войска 14 июля 1710 года взяли Ригу, сопровождать герцога в Петербург.

В августе Фридрих-Вильгельм приехал к своей невесте и был необычайно радушно встречен и Анной, и ее матерью, и сестрами, и, что самое главное, царем.

Все царское семейство и первые вельможи государства потчевали и развлекали дорогого гостя как могли: над Петербургом непрерывно загорались фейерверки, не прекращалась пушечная пальба, веселые компании молодых людей и дам передавали Анну и ее жениха из одного гостеприимного дома в другой, а в сентябре в честь герцога были проведены большие маневры военного флота.

Петр подарил Фридриху-Вильгельму четыреста кавалеристов, а Меншиков – пятьдесят телохранителей-драбантов, а кроме того драгоценный сапфир стоимостью в 50 000 талеров и турецкого жеребца необычайной красоты.

Наконец на 31 октября была назначена свадьба.

В девять часов утра сам Петр, выполняя роль обер-маршала, в окружении знатнейших особ отправился по Неве во главе целой флотилии шлюпок и лодок к дому царицы Прасковьи.

Царь был в алом кафтане с собольей отделкой, с голубой лентой через плечо, орденом Андрея Первозванного, с серебряной шпагой и в пудренем немецком парике.

50 судов, наполненных дамами и господами, разодетыми в немецкие камзолы и платья, плыли следом за царем.

Из дома Прасковьи флотилия двинулась ко дворцу князя Меншикова, где и должна была проходить свадебная церемония. Выбор дома объяснялся просто: в Петербурге не было большего по размеру и лучшего по всем прочим статьям помещения для празднования свадьбы, чем дворец Светлейшего.

Жених и невеста были одеты в белые одежды, расшитые золотом. Во дворце Меншикова установили полотняную походную церковь, в которой архимандрит Феодосии Яновский и обвенчал молодых. Затем все пошли обедать, усевшись за столы, накрытые с необычайной роскошью. Тост сменялся тостом, и после каждого следовал залп из 41 пушки, которые стояли на плацу и на большой яхте.

А потом начался бал, в котором немецкие и французские танцы сменяли друг друга.

И лишь в три часа ночи молодые ушли в спальню.

Датский посланник при Петербургском дворе Юст Юль сообщал в своих «Записках», что на следующий день с двух часов дня свадебный пир продолжался, как и накануне, в

доме Меншикова, только на сей раз гости угощались не за счет царя, а за счет хозяина дома. Выпито было по семнадцать заздравных чар, и каждый тост сопровождался тринадцатью пушечными выстрелами.

К концу обеда внесли два огромных пирога, и в каждом из них оказалось по карлице. Как только пироги разрезали, карлицы, одетые в красивые французские платья, начали исполнять заранее отрепетированные номера. Карлица, стоявшая на столе новобрачных, продекламировала поздравительные стихи по-русски, а ее подруга, стоявшая на столе, за которым сидел царь, молча слушала, пока царь не взял ее на руки и не перенес на другой стол. Там обе карлицы под звуки оркестра исполнили менуэт, очень изящно протанцевав его.

После обеда на плотках, поставленных на Неве, зажгли фейерверк. В небе вспыхнули три буквы: А, F и P – начальные буквы имен Анна, Фридрих и Петр. Потом появились две пальмы, макушки которых переплелись, а над ними вспыхнули слова: «Любовь соединяет». Третьей картиной была сцена, в которой ангелоподобный Купидон сковывал молотом два сердца, лежавших на наковальне. Над этой картиной горели буквы: «Из двух едино сочиняю». Царь сам устроил этот фейерверк и объяснял гостям аллегорический смысл каждой картины.

Действо закончилось тем, что над Невой одновременно вспыхнуло множество ракет, после чего начались танцы, длившиеся до полуночи.

Но на этом свадебные торжества не закончились, потому что царь хотел и дальше потешать своего нового зятя.

Такой потехой стала начавшаяся спустя два дня свадьба любимого карлика царя Екима Волкова с невестой-карлицей.

Петр решил отпраздновать и эту свадьбу с неменьшим размахом. По его приказу из Москвы в Петербург привезли более семидесяти лилипутов и лилипуток, и они вместе со своими петербургскими товарищами и товарками стали героями еще одного – двухнедельного – праздника. Великана Петра забавляло, что он окружен такими маленькими людьми, и царь всячески подчеркивал эту контрастность в шествиях, церемониях и народных гуляниях.

Свадьба двух лилипутов в точности повторяла только что прошедшую свадьбу принцессы Анны и герцога Фридриха-Вильгельма. Она проходила в том же дворце, за теми же столами, и гости на свадьбе были те же самые, кроме семи десятков карликов и карлиц. И наиболее серьезные и вдумчивые гости видели в новом шутовском действе некую пародию на брак незначительного принца с племянницей великого и могучего государя.

Как бы то ни было, но молодые в январе 1711 года выехали в Митаву. Однако путешествие их в Курляндию оказалось очень недолгим: 9 января, в сорока верстах к юго-западу от Петербурга, на мызе Дудергоф молодой герцог скончался.

Он умер от неумеренного злоупотребления крепкими винами и водкой. Не следует забывать, что было ему тогда всего семнадцать лет.

Анна вернулась в Петербург и думала, что останется там жить с матерью и сестрами, но Петр велел ей ехать в Курляндию и образовать там из курляндских дворян прорусскую партию, чтобы противостоять пропольской партии, главой которой был дядя покойного Фридриха-Вильгельма – герцог Фердинанд.

Особо сильного смутения весть о неожиданной смерти герцога Фридриха-Вильгельма в Петербурге не вызвала, так как за неделю до отъезда молодых в Митаву пришло известие, что турецкий султан объявил России войну.

17 января 1711 года, оставив Меншикова в Петербурге, Петр и Екатерина выехали в Москву.

Им предстояло серьезнейшее испытание – необычайно трудный и несчастливый Прутский поход, во время которого Екатерина показала свои лучшие человеческие качества.

Прутский поход

25 февраля 1711 года в Успенском соборе был зачитан Манифест об объявлении войны Османской империи. Однако месяцем раньше из Риги на юг двинулись полки Шереметева, чуть позже выехал и сам командующий, а 6 марта из Москвы направился на театр военных действий и Петр.

В этот же день, 6 марта, перед отправлением в войска Петр тайно обвенчался с Екатериной, и теперь с ним в поход она впервые отправилась не как любовница Петра Михайлова, а как законная супруга царя, только пока не венчанная на царство.

Правда, об этом знали лишь самые близкие Петру и Екатерине люди, ибо венчание было тайным, а свадьбы и вообще не было. Официально же Петр венчался с Екатериной почти через год, 19 февраля 1712 года, после возвращения из Прутского похода и поездки в Польшу и Германию.

Необычайно сильная привязанность Петра к Екатерине объяснялась не только силой чувства, которое царь долгие годы испытывал к ней, ставя сначала свою «метресишку», а потом и жену вне бесконечного ряда близких с ним женщин.

Отдавая должное ее привлекательности, природному уму, душевному обаянию, стремлению быть единомышленницей несомненно любимого ею человека, нельзя не сказать, что Екатерина обладала и рядом необычайных качеств, облегчавших даже тяжелые недуги Петра, связанные с эпилептическими припадками.

Резидент Голштинского герцога в Петербурге, граф Генниг-Фридрих Бассевиц писал в своих «Записках»: «Она имела и власть над его чувствами, власть, которая производила почти чудеса. У него бывали иногда припадки меланхолии, когда им овладевала мрачная мысль, что хотят посягнуть на его особу. Самые приближенные к нему люди должны были трепетать его гнева. Появление их узнавали по судорожным движениям рта. Императрицу немедленно извещали о том. Она начинала говорить с ним, и звук ее голоса тотчас успокаивал его, потом она сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. И он засыпал в несколько минут. Чтобы не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжение двух или трех часов. После того он просыпался совершенно свежим и бодрым. Между тем, прежде нежели она нашла такой простой способ успокаивать его, припадки эти были ужасом для его приближенных, причинили, говорят, несколько несчастий и всегда сопровождалась страшной головной болью, которая продолжалась целые дни. Известно, что Екатерина Алексеевна обязана всем не воспитанию, а душевным своим качествам. Поняв, что для нее достаточно исполнять важное свое назначение, она отвергла всякое другое образование, кроме основанного на опыте и размышлении».

В пути Петр получил несколько сообщений о необычайном мздоимстве Меншикова и написал ему в Петербург грозное письмо, в котором имелась и такая фраза: «А мне, будучи в таких печалях, уже пришло не до себя и не буду жалеть никого».

Поездка в лагерь русских войск заняла у Петра более трех месяцев. Столь долгое его путешествие от Москвы до Прута объяснялось тем, что по дороге он подолгу останавливался в разных городах, решая вопросы грядущей кампании и особенно основательно подготавливая и проводя дипломатические акции. К тому же из-за внезапной болезни пришлось остановиться в Луцке.

Приехав еще в марте в Галицию, Петр встретился там, в местечке Ярослав, с молдавским господарем Дмитрием Кантемиром и 11 апреля 1711 года подписал с ним союзный договор, направленный против турок. Здесь же, 30 мая, Петр подписал договор и с польским королем Августом II, специально для этого приехавшим в Ярослав.

И еще одно важное дело было разрешено во время пребывания Петра и Екатерины в Галиции: в местечке Яворово 19 апреля было подписано брачное соглашение о женитьбе царевича Алексея Петровича на Софье-Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской. По условиям договора, невеста оставалась в своей лютеранской вере, а будущие дети должны были креститься по православному обряду.

(К этому сюжету – второму брачному союзу Романовых с другой немецкой династией герцогов Брауншвейг-Вольфенбюттельских – мы еще вернемся чуть позже и подробно расскажем о том, каким оказалось супружество царевича Алексея и принцессы Софьи-Шарлотты.)

А теперь продолжим повествование о Прутском походе.

12 июня Петр и Екатерина прибыли в лагерь русских войск на Днестре, но полки Шереметева и сам фельдмаршал все еще были в пути.

Марш к Днестру оказался очень трудным: стояла сильная жара, высушившая не только ручьи и озера, но и колодцы. К тому же саранча пожрала траву, и от бескормицы пало множество лошадей, замедляя тем самым движение артиллерии и обозов. Да и провианта не хватало, ибо край был основательно razорен турками и союзными им татарами.

В начале июля все русские войска – дивизии Шереметева, Вейде и Репнина, – общей численностью в 38 246 человек соединились на берегу Прута и успели построить укрепленный лагерь, вокруг которого сосредоточились неприятельские силы, не менее чем в три раза превосходившие войска русских и союзных им молдаван князя Дмитрия Кантемира.

После двух штурмов, предпринятых турками 9 и 10 июля и с трудом отбитых русскими, Петр решил послать к Великому визирю Махмет-паше парламентаря с предложением о прекращении войны и заключении перемирия. Великий визирь склонялся к миру, но крымский хан и генерал Понятовский – представитель Карла XII – настаивали на продолжении сражения.

Объективно положение русских было катастрофическим: у них уже три дня не было ни куска хлеба, ни фунта мяса, а против 120 русских орудий неприятель выдвинул более 300. И все же турки не были уверены в успехе – перед ними стояла победоносная армия, прошедшая через огонь Лесной и Полтавы.

Петр очень нервничал. Он приказал Екатерине покинуть лагерь и скакать в Польшу но она наотрез отказалась оставить его.

Между тем Великий визирь сохранял молчание, и тогда в турецкий лагерь отправился Петр Павлович Шафиров. В инструкции, данной Шафирову Петр писал: «В трактовании с турками дана полная мочь господину Шафирову, ради некоторой главной причины...» А этой «главной причиной» было спасение армии. Петр соглашался отдать туркам все завоеванные у них города, вернуть шведам Лифляндию и даже Псков, если того потребуют турки. Кроме того, Петр обещал дать Махмет-паше 150 тысяч рублей, а «другим начальным людям» еще более 80 тысяч.

Однако обещание выплаты столь огромной суммы было нереальным – армейская казна такими деньгами не располагала. А между тем надеяться следовало главным образом на деньги, золото, до коего и Великий визирь, и его помощники были очень и очень охочи.

И тогда, спасая положение, Екатерина отдала на подкуп турецких сановников все свои драгоценности, а стоили они десятки тысяч золотых рублей.

Шафиров вручил эти драгоценности и деньги туркам, и они подписали мир на условиях, о которых Петр и не мечтал: дело ограничилось возвращением Турции Азова, Таганрога и еще двух мелких городов да требованием пропустить в Швецию Карла XII. А турки обязались пропустить в Россию русскую армию.

В подтверждение готовности выполнить эти условия Шафиров и сын Шереметева – Михаил Борисович – должны были оставаться заложниками у турок.

11 июля Шафиров и Михаил Шереметев приехали в турецкий лагерь, а на следующее утро русская армия двинулась в обратный путь. Она шла медленно, сохраняя постоянную готовность к отражению внезапного нападения. 1 августа армия перешла Днестр, и уже ничто более ей не угрожало. А Петр и Екатерина отправились сначала в Варшаву для свидания с Августом II, затем в Карлсбад, на воды, где Петр должен был пройти курс лечения, и наконец в Торгау где должна была состояться свадьба царевича Алексея Петровича и принцессы Софьи-Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской, доводившейся свояченицей австрийскому императору и родственницей многим другим европейским монархам.

Детство и юность царевича Алексея

А теперь наступило время восполнить вакуум, образовавшийся вокруг еще одного героя этой книги – царевича Алексея Петровича.

Когда Евдокию Федоровну отвезли в монастырь, царевичу шел восьмой год. Он редко видел отца, и потому влияли на него мать, бабушка и их, преимущественно женское, окружение. С шести лет Алексея стал учить грамоте князь Никифор Кондратьевич Вяземский, но круг чтения был почти целиком церковный, и потому мальчик полюбил церковные службы, рассказы о святых и великомучениках, молитвы и заповеди. Это не устраивало Петра, и он передал сына в руки немца Мартина Нойгебауэра, юриста, историка и знатока латыни, которого хорошо знавшие его люди называли «персоной нарочитой остроты». Однако главным воспитателем Алексея Петр назначил все того же Меншикова, не умевшего ни читать, ни писать, и это настроило Нойгебауэра по отношению к Александру Даниловичу на враждебный лад. Дело кончилось тем, что в июле 1702 года было приказано «иноземцу Нойгебауэру за многие его неистовства от службы отказать и ехать ему без отпуска куда хочет». Но Нойгебауэр еще два года прожил в Москве, домогаясь какой-нибудь должности, и даже просил, «чтобы послану ему быть посланником в Китай».

Ничего не добившись в Москве, он уехал к себе на родину и издал там памфлет о нравах россиян и ужасах российского быта. Карьера привела его в стан шведского короля Карла XII, сделавшего Нойгебауэра своим секретарем, а потом и канцлером шведской Померании.

Об этом можно было бы и не упоминать, если бы не появился контр-памфлет – «пространное обличение преступного и клеветами наполненного пашквиля, изданного под титулом „Письмо знатного офицера“, написанное в 1705 году на немецком языке и принадлежавшее перу доктора прав барона Генриха фон Гюйссена.

Автор контр-памфлета, решительно защищающий Петра и Россию, и стал новым воспитателем царевича Алексея, сменив отставленного Нойгебауэра. Гюйссен составил хорошо продуманный план образования Алексея, отводя место «нравственному воспитанию, изучению языков французского, немецкого и латинского, истории, географии, геометрии, арифметики, слога, чистописания и военных экзерциций». Завершалось образование изучением предметов «о всех политических делах в свете и об истинной пользе государств в Европе, в особенности пограничных».

Сохранились свидетельства современников, что сначала Алексей учился охотно и хорошо, но его нередко отрывал от учения отец, забирая с собою на войну, в походы и поездки, а Гюйссена посылая с миссиями за границу.

Одной из таких дипломатических миссий барона была его поездка в Вену – столицу Священной Римской империи, ко двору императора Иосифа I Габсбурга.

В Вене Гюйссен познакомился с датским посланником бароном Урбихом – опытным старым дипломатом, жившим здесь уже много лет. С 1699 года королем Дании был Фредерик IV, который принадлежал к Ольденбургскому дому и имел родственные связи со многими другими немецкими династиями. Состоял он в родстве и с герцогами Брауншвейг-Люнебургскими.

Урбих, отстаивая интересы своего короля, всегда имел в виду и интересы его родственников. При встрече с Гюйссеном, состоявшейся 28 января 1707 года, этот принцип был соблюден в полной мере, и когда посланец русского царя завел речь о том, что наследник российского трона хотел бы жениться на одной из германских принцесс, Урбих с готовностью откликнулся на это предложение и тут же назвал две кандидатуры – герцогинь Брауншвейг-Люнебургских, старшей из которых было тогда 13 лет, а младшей – 11.

Старшую сестру звали Шарлоттой Христиной Софией, и было решено, что именно ее будут сватать за царевича, которому в ту пору почти сравнялось 17 лет.

Расспрашивая Урбиха о предполагаемой невесте, Гюйссен узнал, что ее род – один из знатнейших и старейших во всей Германии. Ее отец, Великий герцог Брауншвейгский Людвиг Рудольф, считался одним из образованнейших правителей, как и его отец – герцог Антон-Ульрих Вольфенбюттельский. Шарлотту Христину Софию называли то кронпринцессой Брауншвейгской, то герцогиней Вольфенбюттельской, не делая, впрочем, ошибки ни в том, ни в другом случае.

По словам Урбиха, девочка тоже была хорошо образована, ибо до семи лет жила у своего просвещенного деда, а с семи лет – при дворе Саксонского курфюрста и Польского короля Фридриха-Августа II Сильного, союзника Петра I. Август II Фридрих происходил из древнего немецкого рода саксонских курфюрстов Веттинов. Он унаследовал трон Саксонии от своего отца, Саксонского курфюрста Иоганна-Георга III, а в 1694 году был избран королем Польши и в этом качестве был известен как Август II Сильный.

Софья-Шарлотта – таким сокращенным именем звали девочку, – живя при дворе Августа Сильного, была предметом постоянной заботы, нежности и ласки со стороны королевы и курфюрстины Христины Эберхардины, происходившей из рода Бранденбургских курфюрстов. Христина Эберхардина носила титул маркграфини фон Кульмбаха и 22 лет в 1693 году вышла замуж за Фридриха-Августа, который был только на один год старше ее. Их свадьба состоялась в городе Байройте, резиденции ее отца, перенесенной за сорок лет перед тем из расположенного неподалеку от Байройта городка Кульмбаха: оба города лежали в земле Верхняя Франкония, только один располагался на Белом Рейне, а второй – на Красном.

Теперь же и семья курфюрста, и Софья-Шарлотта жили в столице Саксонии – Дрездене, а ее другом и спутником многих игр, забав, а также учебы и «галантных предметов» был единственный сын Августа II Сильного, носивший такое же имя, как и его отец, – Фридрих-Август, впоследствии унаследовавший и корону курфюрста Саксонии, и корону Польни. Дети были почти одногодками, и это также сближало их.

Август, узнав о намерениях Урбиха, очень обрадовался перспективе, открывавшейся перед его воспитанницей, поскольку это укрепляло его союз с Петром I. Да и сам Петр I считал предстоящий брак достаточно выгодным, так как старшая сестра Софьи-Шарлотты Елизавета Христина вскоре вышла замуж за императора Священной Римской империи Карла VI, получившего трон в 1711 году, а курфюрст Ганновера Георг-Людвиг, доводившийся Софье-Шарлотте дядей, принадлежал к младшей ветви Люнебургского дома. По закону о престолонаследии, принятому в Англии в 1701 году он мог занять престол Англии, если в правящем в Лондоне доме Стюартов не останется наследников по мужской линии. В этом случае корона Стюартов переходила к старшему мужскому отпрыску в Ганновере, что и случилось через семь лет – в 1714 году.

Однако в 1707 году Софья-Шарлотта была еще мала, и с женитьбой следовало подождать еще некоторое время.

Между тем, оставаясь в Москве, Алексей все теснее сближался с Нарышкиными, Вяземским и многими священниками, среди которых ему был ближе всего его духовник – протопоп Верхоспасского собора Яков Игнатьев. Игнатьев поддерживал в Алексее память о его несчастной матери, осуждал беззаконие, допущенное по отношению к ней, и часто называл царевича «надеждой Российской».

В начале 1707 года Игнатьев устроил Алексею свидание с матерью, отвезя его в Суздаль, о чем тут же доложили Петру, находившемуся в Польше. Петр немедленно вызвал сына к себе, но не ругал его, а, напротив, решил приблизить и привлечь к государственной деятельности. Семнадцатилетнего Алексея он сделал ответственным за строительство укрепления вокруг Москвы, поручал ему набор рекрутов и поставки провианта, а в 1709 году отпра-

вил в Дрезден для дальнейшего совершенствования в науках. Вместе с царевичем поехали князь Юрий Юрьевич Трубецкой, один из сыновей канцлера граф Александр Гаврилович Головкин и Гюйссен.

Приехав в Дрезден, царевич жил инкогнито и помимо ученых занятий занимался музыкой и танцами. В это же время начались переговоры о женитьбе Алексея на принцессе Софье-Шарлотте. Пока эти переговоры проходили, Алексей Петрович переехал из Дрездена в Краков, где занимался фортификацией, математикой, геометрией и географией.

Близко знавший Алексея граф Вильген, писал, что царевич встает в четыре часа утра, молится, а затем читает. Его занятия начинаются в семь часов и продолжаются с перерывом на обед до шести часов дня. Спать Алексей ложился не позже восьми часов.

В свободное время его любимым занятием были прогулки и посещение церквей.

В 1709 году пятнадцатилетняя Софья-Шарлотта в одном из писем матери впервые упомянула о том, что «каммер-президент Саксонии, возвратившись из Варшавы, рассказывал, что видел Алексея и нашел, что царевич умнее и симпатичнее, чем его описывают, он свободно говорит по-немецки, а его окружение состоит из умных и достойных людей».

В марте 1710 года Алексей побывал в Варшаве, был принят Августом II и через Дрезден поехал в Карлсбад. Неподалеку от Карлсбада, в местечке Шлакенверт он впервые увидел свою невесту, и, кажется, молодые понравились друг другу. Во всяком случае, Алексей писал Якову Игнатьеву: «Вышеписанную княжну я уже видел, и мне показалось, что она человек добрый и лучше ее здесь мне не сыскать».

В письме от 1 августа 1710 года Софья-Шарлотта писала матери о том, как Алексей живет в Дрездене, одном с нею городе: «Он берет уроки танцев у Потти, и его французский учитель тот же самый, который преподавал принцу (сыну Августа Сильного) и мне. Он изучает географию и говорит, что он весьма прилежен».

В других письмах, написанных ею осенью и зимой 1709 года, Софья-Шарлотта высказывала уверенность, что «Московское дело» – так называла она предстоящий брак – будет успешно завершено.

Сватовство и женитьба Алексея на Софье-Шарлотте

В сентябре 1710 года Алексей решил сделать Софье-Шарлотте официальное предложение и запросил на то разрешение Петра. Петр свое согласие дал, и в мае 1711 года царевич отправился в Вольфенбюттель для знакомства с родителями невесты и обсуждения с ними брачного договора. Для выяснения некоторых спорных пунктов этого договора в июне 1711 года к Петру был направлен тайный советник герцога Брауншвейгского Шляйниц, вскоре отыскавший царя и царицу в галицийском местечке Яворово, о чем кратко упоминалось раньше.

В Яворово был подписан «Договор Петра I с Брауншвейг-Вольфенбюттельским домом о супружестве царевича Алексея Петровича и принцессы Шарлотты». Договор состоял из 13 пунктов и, в частности, разрешал Шарлотте не принимать православия, при условии, что дети от этого брака будут воспитываться в православной вере.

Договор определял доходы Шарлотты на содержание двора и свиты, денежные суммы, которые Алексей обязан давать своей жене на драгоценности, в нем также предусматривалось, что в случае смерти Алексея Шарлотта сможет возвратиться домой.

Шарлотта имела право взять с собою в Россию 117 придворных и слуг – только для обслуживания экипажей предусматривалось иметь 22 человека – кучеров, конюхов, форейторов, колесников, седельников. С нею ехали и доктор, и священник, и повара, и множество других челядинцев.

Как уже говорилось, вскоре после подписания «Договора Петра I с Брауншвейг-Вольфенбюттельским домом» Петр и Екатерина уехали в действующую армию, на Прут, а по окончании неудачного для России похода августейшие супруги, побывав в Варшаве и Карлсбаде, пожаловали и в Торгау.

В то время как царская чета разъезжала по Польше и Чехии, в Брауншвейге завершилась подготовка к бракосочетанию кронпринца Алексея и принцессы Софьи-Шарлотты.

13 октября 1711 года Петр и Екатерина приехали в саксонский город Торгау, и на следующий день во дворце польской королевы было совершено венчание и отпразднована свадьба.

17 октября Петр I приказал молодым уезжать в Торунь, где Алексей должен был следить за заготовкой провианта для тридцатитысячной русской армии, стоявшей в Померании.

В это время отношения Алексея и Шарлотты были безоблачными. 4 января она писала своему отцу: «Царевич окружил меня своей дружбой, с каждым днем он демонстрирует мне знаки своей любви, так что я вправе сказать, что совершенно счастлива, если бы не место, где я сейчас живу, чрезвычайно неприятное».

19 октября Петр уехал из Торгау, в Померанию прибыл Меншиков и взял Алексея с собой на театр военных действий. Это случилось в мае 1712 года.

В то же время Шарлотта уехала в Эльблонг, где стоял штаб Меншикова. Там, в октябре того же года, она получила распоряжение Петра I ехать через Ригу в Петербург. Как раз в это время между молодыми супругами произошло заметное охлаждение. Его причины неизвестны, но оно случилось, потому что в письме от 26 ноября 1712 года Шарлотта написала отцу: «Мое положение гораздо печальнее и ужаснее, чем может представить себе чье-либо воображение. Я замужем за человеком, который меня не любил и теперь любит еще менее, чем когда-либо».

Охлаждение было столь значительным, что Софья-Шарлотта внезапно собралась в дорогу и уехала к себе, в Вольфенбюттель. Отец был очень недоволен ее появлением в Вольфенбюттеле и сделал все, чтобы его дочь поехала в Петербург.

В марте 1713 года в его замок Зальцзалум приехал Петр I и неожиданно для всех крайне любезно отнесся к своей разобиженной и своенравной невестке. И Шарлотта растаяла в лучах обаяния своего августейшего свекра.

Жизнь и смерть Софьи-Шарлотты в Петербурге

Через неделю Шарлотта отправилась в Петербург, где ей была приготовлена пышная встреча. Австрийский посол в Петербурге Плейер так описывал ее въезд в город: «Как только карета принцессы достигла берега Невы, появился новый прекрасный баркас с позолоченными бортами, крытый красным бархатом. В лодке находились бояре, которые приветствовали принцессу и должны были перевезти ее через реку. На другом берегу стояли министры и остальные бояре в красивых одеждах, расшитых золотом. Неподалеку невестку ожидала царица. Когда Шарлотта приблизилась, она хотела, как подобает по этикету, поцеловать ее платье, но Екатерина не позволила ей этого, а обняла, поцеловала и поехала вместе с нею в приготовленный для нее дом. Она провела Шарлотту в покои, украшенные коврами, китайскими и другими раритетами. На маленьком столике, покрытом красным бархатом, стояли большие золотые сосуды, наполненные драгоценными камнями и различными украшениями. Это был подарок царя и царицы к приезду невестки».

Жизнь Софьи-Шарлотты в Петербурге началась в собственном дворце, построенном лишь за год до ее приезда. Рядом стояли дворцы любимой сестры царя – Натальи Алексеевны и вдовствующей царицы Марфы Матвеевны, в девичестве Апраксиной, чьим мужем был покойный царь Федор Алексеевич. Приехавшую с Шарлоттой свиту разместили по трем небольшим, рядом стоящим домам, а для слуг она сама сняла помещения.

Софья-Шарлотта, приехав в Петербург, не застала мужа дома, так как он еще в мае вместе с Петром ушел на корабле в Финляндию, а по возвращении тотчас же был отправлен на заготовки корабельного леса в Старую Руссу и Ладогу.

Царевич вернулся в Петербург в середине лета и очень обрадовался встрече с женой, которую не видел почти целый год. «Царь очень дружелюбен ко мне, – писала Софья-Шарлотта матери, – во время своего посещения он говорит со мной обо всех весьма важных вещах и заверяет меня тысячу раз в своем расположении. Царица не пропускает случая засвидетельствовать мне свое искреннее внимание. Царевич любит меня страстно, он выходит из себя, если у меня отсутствует что-либо, даже малозначащее, и я люблю его безмерно».

Вскоре после возвращения в Петербург между отцом и сыном произошел один инцидент, красноречиво свидетельствующий об их отношениях. Петр попросил Алексея принести чертежи, которые тот делал, находясь в Германии на учебе. Алексей же чертил плохо, и за него эту работу выполняли другие. Испугавшись, что Петр заставит его чертить при себе, царевич решил покалечить правую руку и попытался прострелить ладонь из пистолета. Пуля пролетела мимо, но ладонь сильно обожгло порохом, и рука все же оказалась повреждена. Когда же Петр спросил, как это случилось, Алексей, из страха перед отцом, не посмел сказать правды.

Попав в старое российское окружение, Алексей почти сразу же отошел от молодой жены, пристрастившись к тому же к рюмке. Вскоре обнаружился у него туберкулез, и врачи посоветовали царевичу ехать в Карлсбад. Летом 1714 года Алексей уехал на воды, оставив Шарлотту в Петербурге на последнем месяце беременности.

Ко времени его отъезда в Карлсбад отношения между мужем и женой испортились, переменились к Шарлотте и многие члены царской семьи.

Царевна Наталья – тетка Алексея Петровича, – не привыкшая терпеть какого-либо прекословия, решила поставить на место «эту немку».

Алексей не заступился за жену, а, напротив, посоветовал ей уехать в Вольфенбюттель.

«Один Бог знает, как глубоко меня здесь огорчают, – писала Софья-Шарлотта отцу и матери, – и вы усмотрели, как мало внимания и любви у него ко мне. Я всегда старалась скрывать характер моего мужа, сейчас маска против моей воли спала. Я несчастна так, что

это трудно себе представить и не передать словами, мне остается лишь одно – печалиться и сетовать. Я презренная жертва моего дома, которому я не принесла хоть сколько-нибудь выгоды, и я умру от горя мучительной смертью. Бог знает, как обстоят дела с моей беременностью, я опасаясь, что это не только следствие болезненного состояния здоровья».

Отношения Софьи-Шарлотты с царицей Екатериной были натянутыми. «Моя свекровь ко мне такова, как я всегда ее себе представляла, и даже хуже», – писала царица матери в апреле 1715 года, а чуть позже ей же сообщала, что «она хуже всех».

Только в семье вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны к ней относились душевно и ласково.

А самые для нее важные отношения – с собственным мужем, – с каждым днем все более ухудшались. Еще до отъезда в Карлсбад он не раз уверял Софью-Шарлотту что женился на ней по принуждению, и часто повторял, что ей лучше уехать в Германию.

А когда царевич бывал пьян, что случалось с ним очень часто, то свое сугубое недовольство женой высказывал он и своим собутыльникам, и слугам.

Уехав за границу, он не написал жене ни одного письма, а когда до родов осталось два месяца, Софья-Шарлотта получила письмо от царя, находившегося в это время в Ревеле. Петр писал, чтобы при родах присутствовали три придворных дамы – жены канцлера Головкина и генерала Брюса, а также Авдотья Ржевская, чтобы потом, после того как ребенок родится, опровергать домыслы и сплетни, что он «подменный».

Софья-Шарлотта же подумала, что ее в чем-то подозревают, но открыто не говорят, и написала царице Екатерине в Ревель: «Надеюсь, что мои страдания скоро прекратятся, теперь я ничего на свете так не желаю, как смерти, и, кажется, это – единственное мое спасение».

А трех приставленных к ней дам посчитала она соглядатайками и надзирательницами. Дамы поселились рядом с нею и ни на минуту ее не оставляли.

12 июля 1714 года она благополучно родила дочь, названную Натальей, и в тот же день написала царю и царице письмо, обещая на другой раз родить сына.

Алексей вернулся из Карлсбада через полгода и только первые дни относился к жене сносно, но потом все пошло по-прежнему, и он даже поселил в их доме свою любовницу Ефросинью. Дом был большой, Шарлотта жила на левой его половине, царевич – на правой, и супруги виделись друг с другом не чаще одного раза в неделю. Причем визиты наносил только Алексей, а Софья-Шарлотта никогда не бывала на его половине.

Царевич, если и оставался на ночь у своей жены, то только тогда, когда был пьян, а это стало происходить с ним все чаще и чаще.

Под влиянием винных паров он бывал то злее обычного, то, наоборот, мягче и даже становился нежным и ласковым. Как бы то ни было, но в феврале 1715 года Софья-Шарлотта вновь забеременела и в ночь на 12 октября родила мальчика, которого назвали Петром.

Роды были необычайно тяжелыми. Присутствующие при них четыре лейб-медика Петра сразу же поняли, что принцесса едва ли выживет.

Врачи старались, как могли, но их усилия успехом не увенчались: через десять дней молодая мать умерла, судя по описанию врачей, от общего заражения крови. Алексей в момент ее смерти был рядом и несколько раз падал в обморок.

Есть свидетельства, что Софья-Шарлотта после родов отказывалась от пищи и питья, называла лечивших ее докторов палачами, говорила, что они только мучат ее, а она хочет лишь одного – спокойно умереть. 22 октября 1715 года она скончалась.

Австрийский посол Плейер сообщал в Вену, что Софья-Шарлотта умерла от непереносимых огорчений, которые она постоянно испытывала в России.

Ее похоронили 27 октября в еще не достроенном Петропавловском соборе.

Если же мы задумаемся над тем, из-за чего царевич терял сознание, то главной причиной такой его душевной слабости окажется не только кончина жены. Дело было и в том, что незадолго до смерти Софьи-Шарлотты царевич завел роман с крепостной служанкой своего первого учителя Никифора Вяземского – Ефросиньей Федоровной.

Это был единственный любовный сюжет в жизни Алексея Петровича, влюбившегося в Ефросинью до такой степени, что впоследствии он просил даже позволения жениться на ней, предварительно выкупив Ефросинью и ее брата Ивана на волю у их хозяина.

Софья-Шарлотта, зная о связи мужа с Ефросиньей, на смертном одре с горечью проговорила, что «найдутся злые люди, вероятно, и по смерти моей, которые распустият слух, что болезнь моя произошла более от мыслей и внутренней печали», явно имея в виду и виновников этой «внутренней печали».

Петру, конечно же, сообщили о словах его умирающей невестки, и царевич страшно боялся отцовского гнева. Но еще более стал Алексей опасаться ярости Петра после того, как на поминках Софьи-Шарлотты отец сам вручил ему грозное письмо, подобного которому доселе еще не бывало.

Переписка отца и сына и ее последствия

Петр писал Алексею, что радость побед над шведами «едва не равная сдает горесть, видя тебя, наследника, весьма на правление дел государственных непотребного». Петр упрекал сына в том, что он не любит военного дела, которое, по его словам, является одним из двух необходимых для государства дел, наряду с соблюдением порядка внутри страны.

Далее Петр писал: «Сие представляя, обращаю паки на первое, о тебе рассуждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому насажденное и взращенное оставлю? Тому ленивому рабу евангельскому, закопавшему талант свой в землю? Еще и то вспомяну какого злого нрава и упрямства ты исполнен! Ибо сколь много за сие тебя бранил, и даже бивал, к тому же сколько лет, почитай, не говорю с тобою, но ничто на тебя не действует, все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь, только бы дома жить и им веселиться. Однако ж всего лучше безумный радуется своей беде, не ведая, что может от того следовать не только ему самому, то есть тебе, но и всему государству? Истинно пишет святой Павел: „Как может править Церковью тот, кто не радеет и о собственном доме?“

Обо всем этом, с горестью размышляя и видя, что ничем не могу склонить тебя к добру, я посчитал за благо написать тебе сей последний testament и подождать еще немного, если неліцемерно обратишься. Если же этого не случится, то знай, что я тебя лишу наследства, яко уд гангреноный. И не мни себе, что один ты у меня сын, и что все сие я только в острастку пишу: воистину исполню, ибо если за мое Отечество и людей моих не жалел и не жалею собственной жизни, то как смогу тебя, непотребного, пожалеть? Пусть лучше будет хороший чужой, нежели непотребный свой».

Отвечая отцу Алексей во всем соглашался с Петром и просил лишить его права наследования престола, ссылаясь на слабость здоровья и плохую память, утверждая, что «не потребен к толикого народа правлению, что требует человека не такого гнилого, как я».

К тому же за три дня перед тем, как Алексей написал это письмо, Екатерина Алексеевна родила очередного ребенка. Это был мальчик, и потому Алексей писал Петру, что так как у него теперь есть еще один сын, он может сделать наследником престола своего нового сына. В заключение Алексей клялся в том, что никогда не заявит своих прав на престол, а для себя просил лишь «до смерти пропитания».

Это письмо составил он по совету своих ближайших друзей – Александра Кикина и князя Василия Долгорукого. Причем последний сказал Алексею: «Давай писем хоть тысячу. Еще когда что будет. Старая пословица: „Улита едет коли то будет“. Это не запись с неустойкой, как мы прежде давали друг другу», намекая на то, что его отказ от престола пустая отговорка и что только реальный ход событий определяет, на чьей стороне окажется Фортуна.

Петр, по-видимому, узнал и об этом и 19 января 1716 года отправил Алексею еще одно письмо, в котором писал, что клятвам его не верит, потому что если бы он сам и хотел поступать честно, то сделать это не позволят ему «большие бороды, которые ради тунеядства своего, ныне не в авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело. К тому же, чем воздаешь за рождение отцу своему? Помогашь ли в таких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи! Что всем известно есть, но паче невидишь дела мои, которые я делаю для своего народа, не жалея своего здоровья. И, конечно же, после меня ты разорителем этого будешь. Того ради, так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно, но, или перемени свой нрав и неліцемерно удостой себя наследником, или будь монах»...

Когда Алексей прочитал это письмо Кикину, тот сказал: «Да ведь клобук-то не гвоздем к голове прибит». И после этого Алексей попросил отца отпустить его в монастырь.

А еще через неделю Петр вновь отправился на воды в Карлсбад, взяв с собою, между прочими, и Александра Кикина. Перед отъездом он навестил сына и еще раз попросил его, не торопясь, в течение полугода обдумать: быть ему наследником или монахом. А Кикин, прощаясь с Алексеем, шепнул ему, что, находясь в Европе, найдет царевичу какое-нибудь потайное место, где ему можно будет укрыться, бежав из России. 26 августа 1716 года Петр послал Алексею письмо все с тем же вопросом. И написал, что если Алексей хочет остаться наследником престола, то пусть едет к нему и сообщит, когда выезжает из Петербурга, а если – монахом, то скажет о сроке принятия пострига. Заканчивал же он письмо свое так: «О чем паки подтверждаем, чтобы сие конечно (т. е. окончательно. – В. Б.) учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь в обыкновенном своем неплодии».

Алексей решил ехать к Петру и, взяв с собою Ефросинью Федоровну, ее брата Ивана и трех слуг, 26 сентября 1716 года оставил Петербург, намереваясь по дороге встретиться с Кикиным и узнать, где ему найдено убежище и пристанище. Встреча произошла в Митаве, Кикин сказал, что царевича ждут в Вене и цесарь примет его, как сына, обеспечив ежемесячной пенсией в три тысячи гульденов. После беседы с Кикиным Алексей решил. Прояхав Данциг, он исчез.

Странствия царевича Алексея и охота на него

Через два месяца Петр распорядился начать поиски беглеца. Генерал Адам Вейде, стоявший с корпусом в Мекленбурге, русский резидент в Вене Абрам Веселовский, майоры Шарф и Девсон отправились на поиски Алексея. Более прочих повезло Веселовскому. Хорошо зная европейские обычаи, он, проезжая через Данциг на юг, расспрашивал – конечно же, за денежную мзду – о русском офицере с женою и четырьмя служителями (четвертым был брат Ефросиньи Иван) у воротных писарей, а потом и у хозяев гостиниц. И так, двигаясь от Данцига на юг, Веселовский обнаружил следы Алексея, ехавшего под именем подполковника Кохановского, в разных городах и гостиницах. Во Франкфурте-на-Одере царевич останавливался в «Черном орле», в Бреслау – в «Золотом гусе», в Праге – в «Золотой горе», и наконец в Вене 20 февраля 1717 года Веселовский нашел человека, референта Тайной конференции Дольберга, который сказал, что Алексей находится во владениях австрийского императора инкогнито и с помощью нескольких офицеров его можно похитить и увезти.

* * *

Алексей и его спутники приехали в Вену в ноябре 1716 года глубокой ночью. Не останавливаясь в гостинице, царевич явился в дом вице-канцлера Шенборна, который уже лег спать. Алексея долго не пускали к вице-канцлеру, предлагая подождать до утра, но царевич так боялся погони и ареста, что добился встречи с Шенборном среди ночи. Бежая по комнате, где происходило рандеву, Алексей кричал:

– Император должен спасти меня и обеспечить мои права на престол! Я слабый человек, но так воспитал меня Меншиков, с намерением расстраивая мое здоровье пьянством. Теперь, говорит мой отец, я не гожусь ни для войны, ни для правления, однако же у меня достаточно ума, чтобы царствовать. А меня хотят заточить в монастырь, куда я идти не хочу! Император должен спасти меня!

Алексей более всего рассчитывал на свое родство с императором, который был женат на родной сестре его покойной жены Софьи-Шарлотты и таким образом доводился ему шурином, а дети Алексея – Наталья и Петр – были родными племянниками императрицы.

Карл VI Габсбург немедленно собрал Тайную конференцию и решил сохранить пребывание Алексея в секрете. Затем он распорядился отвезти его сначала в местечко Вейербург под Веной, а оттуда в крепость Эренберг, расположенную в земле Тироля, в Альпах.

Объясняя причину своего столь бедственного положения, Алексей сводил все к проискам непомерно честолюбивых и властолюбивых главных своих врагов Екатерины и Меншикова, поставивших своей общей целью во что бы то ни стало погубить его, чтобы на троне после смерти Петра оказалась Екатерина или кто-то из ее детей, а Меншиков был бы при них верховным управителем.

Алексей и его спутники с большой радостью поехали в Эренберг. Для сохранения тайны их всех переодели простолюдинами и посадили не в экипажи, а на крестьянские телеги, настрого наказав соблюдать в пути абсолютное инкогнито и во все время пути ни слова не произносить по-русски.

Однако же, останавливаясь на ночлег, Алексей и вся его компания много пили, шумели и бросались в глаза необычным для австрийцев поведением. Наконец, на восьмой день пути, проехав шестьсот верст, они добрались до крепости Эренберг, одиноко возвышавшейся на вершине высокой и крутой горы. Крепость лежала вдали от больших дорог и была идеальным местом для сохранения царевича от любопытных глаз. Эренбергский комендант, гене-

рал Рост, получил от австрийского императора инструкцию о строжайшей изоляции «некоторой особы». Причем эта «особа» не должна была иметь никаких сообщений, не могла уйти, и само место ее заключения должно было остаться для всех «непроницаемой тайной». Император предупредил Роста, что если его приказ хоть в чем-то будет нарушен, то он, Рост, будет лишен имени, чести и жизни.

Инструкция предписывала не менять ни одного солдата в гарнизоне, пока узники будут там, и категорически, под страхом смерти, запрещала и солдатам, и их женам выходить из крепости. Если же главный арестант захочет писать письма, то можно ему разрешить это при одном условии: отправлять их будет сам комендант через Вену.

Меж тем Веселовский, все через того же Дольберга, узнал о месте пребывания Алексея. Это случилось 23 марта 1717 года, на четвертый день после приезда в Вену денщика Петра капитана гвардии Александра Румянцева и трех офицеров, приданных ему в помощники.

Узнав от Веселовского о месте пребывания Алексея, Румянцев немедленно выехал в Тироль и там доподлинно выяснил, где скрывают русского царевича.

О происках Румянцева вскоре узнали австрийцы и, спасая Алексея, предложили ему тайно переехать в Неаполь. Что же касается слуг и Ивана Федорова, то им было велено остаться в Эренберге, потому что передвижение их целой группой скрыть было невозможно. К тому же император не хотел лишних нареканий за то, что скрывает у себя «непотребных людей».

Переодев Ефросинью в одежду мальчика-пажа, Алексей вместе с нею в три часа ночи выехал из Эренберга, но все старания обмануть бдительных петровских соглядатаев оказались напрасными: Румянцев уже несколько дней находился под чужим именем в соседней с Эренбергом деревне Рейтин, где проживал и комендант крепости генерал Рост. Почти сразу же Румянцев узнал от одного из гостей Роста – офицера из Вены, что таинственного узника увезли из Эренберга в Неаполь. И хотя царевич и Ефросинья доехали до Неаполя благополучно, но главного – сохранения места их пребывания в тайне – они не добились, потому что по пятам за ними скакал Румянцев.

Алексея и Ефросинью поместили в замке Сент-Эльм, стоящем на вершине горы, господствующей над городом, где они и прожили пять месяцев до осени 1717 года.

Однако не прошло и двух месяцев, как им стало ясно, что и новое их убежище раскрыто: летом в Вене появились тайный советник граф Петр Андреевич Толстой и капитан Румянцев и передали императору Карлу VI письмо Петра с просьбой о выдаче ему сына.

Судьба Екатерины Ивановны и Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского

Мы расстались с Петром полтора года назад, в конце января 1716 года, когда он, простившись с Алексеем, отправился в самое длительное в его жизни путешествие, продолжавшееся более полутора лет. Поэтому все, что случилось с Алексеем, происходило в то время, когда Петр был за границей.

Проехав через Ригу, Петр остановился в Данциге, где собирались полномочные представители стран Северной Европы – союзники России по антишведской коалиции: Дании, Пруссии, Ганновера, Польши и Саксонии. Это были государства, входившие в так называемый Северный Союз. Прибывшие в Данциг дипломаты намерены были расширить Северный Союз за счет герцогства Мекленбург, чей сюзерен, герцог Карл-Леопольд, выразил желание присоединиться к антишведской коалиции. Вместе с царем на корабле, шедшем из Петербурга, были царица Екатерина Алексеевна и племянница Петра – старшая дочь его покойного брата Ивана царевна Екатерина Ивановна.

Царица почти всегда сопровождала своего мужа и в походах, и в поездках, что же касается его племянницы, то ее присутствие было вызвано особым обстоятельством – Екатерина Ивановна была просватана за герцога Мекленбургского Карла-Леопольда и плыла в Данциг, чтобы стать там его женой.

Екатерина Ивановна появилась на страницах этой книги, когда шла речь о ее матери, вдовствующей царице Прасковье Федоровне, переехавшей весной 1708 года в Петербург. Двумя годами позже девятнадцатилетняя Екатерина Ивановна присутствовала на свадьбе своей семнадцатилетней сестры Анны с герцогом Курляндским Фридрихом-Вильгельмом.

Как уже говорилось, герцог по дороге в Курляндию скончался, и Анна Ивановна, после двух месяцев семейной жизни оставшись вдовой, проживала то в Митаве, то в Петербурге, то в подмосковном селе Измайловском.

А Екатерина жила с матерью – царицей Прасковьей Федоровной, то в Петербурге, то в Измайлове.

Была она маленького роста, очень пухленькая, с необыкновенно черными глазами и волосами цвета воронова крыла. Она отличалась чрезмерной болтливостью, громким и частым смехом и великим легкомыслием. К тому же с юных лет знали ее как особу ветреную, склонную к любовным утехам с кем попало: лишь бы был ее герой хорош собой и силен, как мужчина. Ей было все равно: князь ли перед ней, паж или слуга.

Камер-юнкер Фридрих-Вильгельм Бергольц, уроженец Голштинии, называл ее «женщиной чрезвычайно веселой, которая говорит все, что взбредет ей в голову».

Когда Екатерине Ивановне исполнилось 24 года, ее дядя – царь Петр – решил выдать ее замуж за Мекленбург-Шверинского герцога Карла-Леопольда.

История сватовства была не совсем обычной: в январе 1716 года к Петру попросился на прием мекленбургский советник Габихсталь и передал царю письмо своего господина, в котором тот просил руки вдовствующей герцогини Курляндской Анны Ивановны.

Однако Петр, руководствуясь собственными соображениями, предложил ему руку Екатерины Ивановны.

В тот же вечер царь объявил Екатерину Ивановну невестой Карла-Леопольда и сообщил Габихсталью, что в ближайшие дни поедет в Данциг.

Пока Петр был еще в Петербурге, Габихсталь и русский представитель, вице-канцлер Павел Шафиров, заключили свадебный контракт, по которому герцог Карл-Леопольд обязывался немедленно вступить в брак, с подобающим торжеством, в том месте, какое будет

назначено по взаимному соглашению. Екатерина, как и все ее русские слуги, останется православной, а в ее резиденции будет сооружена православная церковь. Герцог обязывался ежегодно выплачивать жене 6000 ефимков денег, а если умрет раньше ее, то закрепит за нею замок Гистров с ежегодным доходом в 25 000 ефимков. (В России «ефимком» называли немецкую монету «иоахимсталер».)

Петр обещал дать невесте 200 000 рублей приданого. Кроме того, он обязался отбить у шведов Висмар с Барнемюнде, который отошел от Мекленбурга к Швеции еще 70 лет назад по Вейстфальскому миру 1648 года.

К свадебному контракту был приложен особый «сепаратный артикул», в котором Габахсталь брал обязательство до свадьбы герцога предъявить точное доказательство, что герцог разведен с первой женой.

Почему же этот «сепаратный артикул» здесь появился? А дело было в том, что Карл-Леопольд, вступая в брак с Екатериной Ивановной, еще не развелся со своей первой женой Софией-Гедвигой, принцессой Нассау-Фрисландской.

Герцог, хотя уже и не жил с нею, но еще и не развелся, потому что на развод у него просто не было времени: он беспрерывно воевал со своими подданными, которых считал заговорщиками и своими потенциальными убийцами. С таким сбродом, считал Карл-Леопольд, нельзя церемониться, и потому он без суда и следствия хватал кого угодно и, попирая собственные законы, бросал в тюрьмы и посылал на эшафот.

Ко всему прочему, был он очень жаден и скуп. Его любимой поговоркой была такая: «Старые долги не надо платить, а новым нужно дать время состариться».

В Петербурге знали об этом, и Прасковья Федоровна умоляла Петра выдать Екатерину Ивановну замуж в его присутствии, строго наказав герцогу, чтоб он берег жену.

27 января 1716 года Петр, царица Екатерина Алексеевна, царевна Екатерина Ивановна и немалая их свита вышли из Кронштадта на корабле в море и взяли курс на Данциг.

Корабль пришел в Данциг 1 марта. В это время герцога здесь не было, но царская фамилия была встречена со всеми почестями. До приезда герцога в Данциг царь, царица и Екатерина Ивановна остановились во дворце епископа Эрм-Ландского князя Потоцкого. Наконец на седьмой день, 8 марта, в Данциг из столицы Мекленбурга-Шверина приехал Карл-Леопольд. Петр обнял и поцеловал его, а герцог сразу же стал вести себя перед царем откровенно покорно и даже униженно. Однако по отношению к августейшим дамам – двум Екатеринам – был он меланхоличен и подчеркнуто холоден.

Следующие дни у каждого из героев этой истории проходили по-разному: Екатерине Ивановне показывали местные достопримечательности – замки, музеи, богатые дома и окрестности Данцига.

Петр проводил время по большей части среди солдат и офицеров своего корпуса, размещавшегося неподалеку от Данцига, и на кораблях большого русского флота, стоявшего у Балтийского побережья.

Сопровождавшие его дипломаты – вице-канцлер Шафиров, Головкин и Толстой – делили время между работой над русско-мекленбургским союзным договором и составлением брачного контракта.

Тем временем в Данциг приехал Август II Сильный, и в его честь в Данциге началась новая череда пиров и балов. А между Петром и Карлом-Леопольдом наступило охлаждение, да и Екатерина Ивановна увидела в нем бездушного эгоиста и самодура. И все же свадьба состоялась. 8 апреля герцог нанес визит Петру, где застал и польского короля. Петр вручил ему орден Андрея Первозванного, а затем все присутствующие вместе с Екатериной Ивановной и царицей отправились в наскоро построенную рядом небольшую православную часовню.

Там молодых обвенчал православный архиерей – духовник Екатерины Ивановны, приплывший с нею в Данциг, и оттуда все, кто был при венчании, пошли во дворец герцога, тоже оказавшийся совсем неподалеку.

Свадебное пиршество было довольно скромным и малолюдным.

Сохранилось свидетельство обер-маршала герцога Эйхгольца, что Карл-Леопольд среди ночи ушел из спальни, почувствовав, что не может выполнить своего супружеского долга.

Через несколько дней молодожены уехали в Шверин, чтобы подготовиться к приезду туда Петра.

Приехав вскоре в Шверин, Петр крайне удивил встречавших его придворных герцога и самого молодого супруга весьма дерзким поступком. Едва завидев свою миловидную молодую племянницу, Петр бросился к ней и, не обращая внимания ни на герцога Карла, ни на сопровождавших его особ, обхватил Екатерину Ивановну за талию и увлек в спальню. «Там, – пишет осведомленный двумя очевидцами этого происшествия барон Пельниц, – положив ее на диван, не запирая дверей, поступил с нею так, как будто ничто не препятствовало его страсти». Едва ли подобное могло случиться, если бы дядя и племянница не были до того в любовной кровосмесительной связи...

Петр уехал из Шверина в Гамбург, оттуда на северогерманский курорт Пирмонт, затем в Копенгаген и оттуда поздней осенью 1716 года вернулся в Шверин, где предстояли переговоры о возможном сепаратном мире со Швецией.

Здесь он узнал, что брак его племянницы несчастен: за минувшие полгода Екатерина Ивановна вполне в этом убедилась.

(К ее жизни в Шверине мы еще вернемся, а теперь нам предстоит узнать, что происходило с сыном Петра – царевичем Алексеем после того, как император Карл VI Габсбург предоставил русским беглецам замок Сент-Эльм.)

Облава на царевича

Уехав из Шверина, Петр продолжал путешествовать по Европе. За последние месяцы 1716 года и за девять месяцев 1717-го он побывал в Пруссии, Голландии, Франции и Бельгии, после чего в октябре 1717 года вернулся в Петербург.

Почти все время, пока находился он за границей, царь неотступно следил за тем, как идут поиски беглого сына, и делал все, чтобы заполучить Алексея в свои руки.

А события, связанные с возвращением Алексея Петровича, между тем развивались так: летом 1717 года в Вене появились полномочные эмиссары русского царя – тайный советник Петр Толстой и капитан гвардии Алексей Румянцев, сопровождавшие государя в его поездке по Европе.

Они приехали сюда из бельгийского курортного города Спа, где Петр вручил им 1 июля инструкцию относительно всего, что им предстояло сделать. Затем 10 июля Петр добавил к инструкции свое письмо к Карлу VI, в котором просил императора передать царевича в руки тайного советника Толстого, приведя убедительные юридические и моральные доводы.

29 июля Толстой вручил письмо императору, но Карл, прочитав послание, заявил, что письмо показалось ему недостаточно ясным и ему требуется какое-то время, чтобы правильно истолковать просьбу царя.

Не дожидаясь ответа, Толстой на следующий день заехал к герцогине Вольфенбюттельской – матери покойной жены Алексея Софьи-Шарлотты, вторая дочь которой, родная сестра Софьи-Шарлотты и, следовательно, свояченица Алексея, была женой императора Карла.

Герцогиня, выслушав Толстого, обещала сделать все, чтобы помирить Петра и Алексея, но Толстой сказал, что примирение возможно только в одном случае, – если Алексей согласится вернуться в Россию.

7 августа император позвал к себе трех своих тайных советников для решения этого вопроса, и они согласились, что все следует предоставить воле царевича. А 12 августа Толстому и Румянцеву разрешено было ехать в Неаполь для встречи с Алексеем. Из-за непрерывных проливных дождей агенты Петра добрались до Неаполя лишь 24 сентября.

На следующий день их принял вице-король Неаполя Вирих-Филипп-Лоренц, граф Даун, князь Тиана, и предложил на завтра устроить свидание с Алексеем у него во дворце и при его, Дауна, присутствии, придав всему характер непринужденной дружеской встречи. Однако как только Алексей увидел Толстого и Румянцева, несмотря на присутствие гостеприимного хозяина дома, затрепетал от страха, а посланцы Петра с места в карьер стали решительно требовать от Алексея покориться отцовской воле и немедленно ехать в Россию.

После первой встречи последовали еще три, во время которых ласки и посулы сменялись угрозами. Наконец, во время пятой встречи, 3 октября, царевич согласился ехать домой, после того как Толстой сказал ему: Петр не остановится даже перед тем, чтобы применить силу оружия против Австрии, но все равно добудет непокорного изменника – сына.

Согласившись ехать, Алексей попросил только об одном – разрешить ему обвенчаться с Ефросиньей, которая была на четвертом месяце беременности. Петр разрешил, в частности и потому, что именно Ефросинья уговорила Алексея возвратиться в Россию.

Съездив в расположенный неподалеку от Неаполя город Бари и поклонившись там мощам святого чудотворца Николая Мирликийского, Алексей 14 октября отправился на родину. Ефросинья сначала ехала вместе с Алексеем, но потом отстала, чтобы продолжать путь не спеша и не подвергать себя опасности выкидыша или неблагоприятных родов.

Алексей с дороги писал ей письма, пронизанные любовью и заботой. Он советовал Ефросинье обращаться к врачам и аптекарям, беспокоился, удобный ли у нее экипаж, тепло

ли она одета, посылал ей немалые деньги, а потом послал и бабок-повитух, которые могли бы хорошо принять роды.

Проехав Италию, Австрию и немецкие земли, Алексей через Ригу, Новгород и Тверь 31 января 1718 года прибыл в Москву. А Ефросинья в середине апреля приехала в Петербург и недели через две должна была родить ребенка. Однако о ее родах и о том, кто именно родился – мальчик или девочка, – нет никаких сведений.

Зато хорошо известно, как ждал ее Алексей Петрович, как надеялся, что отец все-таки разрешит им обвенчаться и позволит жить вместе, частной жизнью, в одной из деревень под Москвой. Но ничему этому не суждено было стать. Как только Ефросинья вернулась в Петербург, ее тут же арестовали, посадили в крепость и приступили к допросам. Правда, ее ни разу не пытали, а Петр всячески выказывал ей свои симпатии. Это объясняли тем, что данные Ефросиньей показания окончательно погубили царевича. Ей, конечно же, запретили и думать о венчании, а свидания ее с Алексеем происходили только во время очных ставок в застенках Преображенского приказа.

А царевич, сразу же после приезда в Москву, 3 февраля был приведен в Столовую палату Теремного Кремлевского дворца и в присутствии генералитета, министров и высших церковных иерархов пал перед Петром на колени и отрекся от прав на престол, попросив у отца «жизни и милости». Петр обещал сохранить ему жизнь, если он откроет имена всех участников побега, на что Алексей немедленно согласился и тут же назвал всех сообщников.

В Преображенский приказ прежде всего были доставлены главные сообщники Алексея – Кикин, Вяземский, Афанасьев и Долгорукий, а вслед за ними на допросах и пытках оказалось более пятидесяти человек.

Следствие, начавшееся в феврале 1718 года, продолжалось до середины июня, когда после очных ставок Алексея и Ефросиньи была установлена «сугубая вина» царевича и он сам попал в каземат Петропавловской крепости, а затем и был подвергнут пыткам.

Царевич Алексей и его сообщники

На допросах Алексей назвал имена более чем пятидесяти своих подлинных и мнимых сообщников, и розыск начался сразу в трех городах: Петербурге, Москве и Суздале, там, где находились названные царевичем люди.

В Суздаль был направлен капитан-поручик Преображенского полка Григорий Скорняков-Писарев с отрядом солдат. 10 февраля 1718 года в полдень он прибыл в Покровский монастырь, оставив солдат неподалеку от обители.

Скорняков сумел незамеченным пройти в келью к Евдокии и застал ее врасплох, отчего она смертельно испугалась. Евдокия была не в монашеском одеянии, а в телогрее и повойнике, что потом ставилось ей в вину, ибо было сугубым нарушением монашеского устава.

Оттолкнув бледную и потерявшую дар речи Евдокию, Скорняков коршуном бросился к сундукам и, разворошив лежащие там вещи, нашел два письма, свидетельствующие о переписке Евдокии с сыном. После этого в Благовещенской церкви найдена была записка, по которой Лопухину поминали «Благочестивейшей великой государыней нашей, царицей и Великой княгиней Евдокией Федоровной» и желали ей и царевичу Алексею «благоденственное пребывание и мирное житие, здравие же и спасение и во все благое поспешение ныне и впредь будущие многие и несчетные лета, во благополучном пребывании многая лета здравствовать».

14 февраля, арестовав Евдокию и многих ее товарок, а также нескольких замешанных в ее деле священников и монахов-мужчин, Скорняков повез их всех в Преображенский приказ в Москву. 16 февраля начали строгий розыск, прежде всего обвиняя Евдокию в том, что она сняла монашеское платье и жила в монастыре не по уставу – миряночкой. Отпираться было невозможно, ведь Скорняков самолично застал Евдокию в мирском платье. А дальше дела пошли еще хуже, – привезенная вместе с другими монахинями старица-казначей Маремьяна рассказала о том, что к Евдокии много раз приезжал Степан Глебов и бывал у нее в келье не только днем, но и оставался на всю ночь до утра.

Показания Маремьяны подтвердила и ближайшая подруга Евдокии монахиня Каптелина, добавив, что «к ней, царице-старице Елене, езживал по вечерам Степан Глебов и с нею целовались и обнимались. Я тогда выхаживала вон; письма любовные от Глебова она принимала, и к нему два или три письма писать мне велела».

После этого Глебова арестовали, и проводивший арест и обыск гвардии капитан Лев Измайлов нашел у него конверт, на котором было написано: «Письма царицы Евдокии», а внутри оказалось девять писем.

Во многих из них Евдокия просила Глебова уйти с военной службы и добиться места воеводы в Суздале; во многих, проявляя ум и практическую сметку, советовала, как добиться успеха в том или ином деле, но общий тон писем таков, что позволяет утверждать об огромной любви и полном единомыслии Евдокии и Степана.

«...Где твой разум, тут и мой; где твое слово, тут и мое; где твое слово, тут и моя голова: вся всегда в воле твоей!»

А теперь, сохраняя и слог, и орфографию подлинников, приведу несколько отрывков из писем Евдокии Глебову, равных которым я не встречал в эпистолярном любовном наследии России. Может быть, я и не прав, ибо за тысячу лет томлений и вздохов сколько было сказано разных фраз и сколько и каких было написано слов, и все же письма Евдокии Глебову, безусловно, – выдающийся образец этого великого жанра.

Впрочем, судите сами.

«Чему-то петь быть, горесть моя, ныне? Кабы я была в радости, так бы меня и дате сыскали; а то ныне горесть моя! Забыл скоро меня! Не умилоствовали тебя здесь ничем. Мало, знать, лице твое, и руки твоя, и

все члены твои, и суставы рук и ног твоих, мало слезами моими мы не умели угодное сотворить...»

«Не забудь мою любовь к тебе, а я уже только с печали дух во мне есть. Рада бы была я смерти, да негде ее взять. Пожалуйте, помолитесь, чтобы Бог мой век утратил. Ей! Рада тому!»

«Свет мой, батюшка мой, душа моя, радость моя! Знать уж злопроклятый час приходит, что мне с тобою расставаться! Лучше бы мне душа моя с телом разсталась! Ох, свет мой! Как мне на свете быть без тебя, как живой быть? Уже мое проклятое сердце да много слышало нечто тошно, давно мне все плакало. Аж мне с тобою, знать, будет раставаться. Ей, ей, сокрушаюся! И так, Бог весть, каков ты мне мил. Уж мне нет тебя милее, ей-Богу! Ох, любезный друг мой! За что ты мне таков мил? Уже мне ни жизнь моя на свете! За что ты на меня, душа моя, был гневен? Что ты ко мне не писал? Носи, сердце мое, мой перстень, меня любя; а я такой же себе сделала; то-то у тебя я его брала... Для чего, батька мой, не ходишь ко мне? Что тебе сделалось? Кто тебе на меня что намутил? Что ты не ходишь? Не дал мне на свою персону насмотреться! То ли твоя любовь ко мне? Что ты ко мне не ходишь? Уже, свет мой, не к кому тебе будет и придти, или тебе даром, друг мой, я. Знать, что тебе даром, а я же тебя до смерти не покину; никогда ты из разума не выйдешь. Ты, мой друг, меня не забудешь ли, а я тебя ни на час не забуду. Как мне будет с тобою разстаться? Ох, коли ты едешь, коли меня, батюшка мой, ты покинешь! Ох, друг мой! Ох, свет мой, любонка моя! Пожалуй, сударь мой, изволь ты ко мне приехать завтра к обедне переговорить кое-какое дело нужное. Ох, свет мой! любезный мой друг, лапушка моя; скажи, пожалуй, отпиши, не дай мне с печали умереть... Послала к тебе галздук (галстук, т. е. шейный платок. – В. Б), носи, душа моя! Ничего ты моего не носишь, что тебе ни дам я. Знать, я тебе не мила! То-то ты моего не носишь. То ли твоя любовь ко мне? Ох, свет мой; ох, душа моя; ох, сердце мое надселося по тебе! Как мне будет твою любовь забыть, будет так, не знаю я; как жить мне, без тебя быть, душа моя! Ей, тошно, свет мой!»

«Послала я, Степашенька, два мыла, что был бы бел ты...»

«Ах, друг мой! Что ты меня покинул? За что ты на меня прогневался? Что чем я тебе досадила? Кто мя, бедную, обиде? Кто мое сокровище украде? Кто свет от очию моею отьиме? Кому ты меня покидаешь? Кому ты меня вручаешь? Как надо мною не умилился? Что, друг мой, назад не поворачись? Кто меня, бедную, с тобою разлучил?... Ох, свет мой, как мне быть без тебя? Как на свете жить? Как ты меня сокрушил!... Ради Господа Бога, не покинь ты меня, сюды добивайся. Эй! Сокрушаюся по тебе!»

«Радость моя! Есть мне про сына отрада малая. Что ты меня покидаешь? Кому меня вручаешь? Ох, друг мой! Ох, свет мой! Чем я тебя прогневала, чем я тебе досадила? Ох, лучше бы умерла, лучше бы ты меня своими руками схоронил! Что я тебе злобствовала, как ты меня покинул? Ей, сокрушу сама себя. Не покинь же ты меня, ради Христа, ради Бога! Прости, прости, душа моя, прости, друг мой! Целую я тебя во все члены твои. Добейся, ты, сердце мое, опять сюды, не дай мне умереть... Пришли, сердце мое, Стешенька, друг мой, пришли мне свой камзол, кой ты любишь; для чего ты меня покинул? Пришли мне свой кусочек, закуся... Не забудь ты меня, не люби иную. Чем я тебя так прогневала, что меня оставил такую сирую, бедную, несчастную?»

Эти письма были приобщены к делу в качестве тяжкой улики против Евдокии и Глебова. Мне кажется, не имеет ни малейшего смысла их комментировать, ибо они лучше кого бы то ни было, – будь то средневековые судьи или современные ученые-историки, – говорят сами за себя устами и сердцем несчастной царицы-инокини.

...20 февраля в селе Преображенском, в застенке, была учинена очная ставка Глебову и Евдокии. Сохранились протоколы допросов и описание следственной «процедуры».

Глебова спрашивали: почему и с каким намерением Евдокия скинула монашеское платье? Видел ли он письма к Евдокии от царевича Алексея и не передавал ли письма от сына к матери и от матери к сыну?

Говорил ли о побеге царевича с Евдокией? А также спрашивали и о мелочах: через кого помогал Евдокии? Чем помогал? Зачем письма свои писал «азбукой цифирной» – то есть шифром?

И затем следует меланхолическое замечание:

«По сим допросным пунктам Степаном Глебовым 22 февраля розыскивано: дано ему 25 ударов (кнутом). С розыску ни в чем не винулось кроме блудного дела...» (А от «блудного дела» при наличии писем и показаний десятков свидетелей отпереться было невозможно.)

Тогда приступили к «розыску». Глебова раздели донага и поставили босыми ногами на острые, но не оструганные по бокам деревянные шипы. Толстая доска с шипами была пододвинута к столбу, и Глебова, завернув руки за спину, приковали к нему. Глебов стоял на своем.

Тогда ему на плечи положили тяжелое бревно, и под его тяжестью шипы пронзили насквозь ступни Глебова.

Глебов ни в чем, кроме блуда, не сознавался.

Палачи стали бить его кнутом, обдирая до костей. Считалось, что после этого любой человек скажет все, что от него ждут. Недаром у заплечных дел мастеров в ходу была поговорка, в верности которой они не сомневались: «Кнут не Бог, но правду сыщет». Кожа летела клочьями, кровь брызгала во все стороны, но Глебов стоял на своем.

Тогда к обнажившемуся окровавленному телу стали подносить угли, а потом и раскаленные клещи.

Глебов, теряя сознание, сползал со столба, но вину оставлял за собой.

Сегодня это может показаться невероятным, но майора Преображенского полка, богатыря и великана Глебова, пытали трое суток, лишь на некоторое время давая прийти в себя.

И все это видела Евдокия.

В первый день допроса после трехкратной пытки в протоколе против первого вопроса появилась запись: «Запирается».

И такая запись стоит против всех заданных Глебову вопросов. А было их шестнадцать. И каждый из этих вопросов касался участия Глебова, Евдокии и ее родственников в заговоре, против Петра с целью возвести на престол царевича Алексея. Следователи во что бы то ни стало хотели представить Евдокию государственной преступницей, злоумышлявшей против государя и государства.

Но Глебов отрицал все и не дал палачам ни малейшей возможности обвинить Евдокию в чем-либо, кроме очевидного греха – блудодеяния.

После трехсуточного розыска Глебова отнесли в подвал и положили на шипы, которыми были усеяны пол и стены камеры. А потом снова повели на правож, но так ничего и не добились.

И тогда в дело вмешались врачи. Они вступились за Глебова, предупреждая, что он почти при смерти и может скончаться в течение ближайших суток, так и не дотянув до казни.

Вняв их предупреждению, 14 марта Глебову был вынесен приговор, в котором не говорилось, как он будет казнен, но указывалось: «Учинить жестокую смертную казнь».

О казни Глебова и его сообщников – Досифея, Федора Пустынника и других, знавших о его любовной связи с Евдокией, – сохранилось свидетельство австрийского посланника Плейера императору Карлу VI.

Плейер писал, что Глебова привезли на Красную площадь в три часа дня 15 марта. Стоял тридцатиградусный мороз, и, чтобы наблюдать длительную и мучительную казнь до конца, Петр приехал в теплой карете и остановился напротив места казни. Рядом стояла телега, на которой сидела Евдокия, а возле нее находились два солдата. Солдаты должны были держать ее за голову и не давать ей закрывать глаза.

Глебова раздели донага и посадили на кол.

Здесь автор приносит извинения за то, что должен будет пояснять вещи, относящиеся к inferнальной, то есть адской, сфере.

Кол мог быть любых размеров. Мог быть гладко обструганным, а мог быть и шершавым, с занозами, мог иметь очень острый и не очень острый конец. Мог быть смазанным жиром и, наконец, мог быть либо достаточно тонким, или же толстым.

И если кол был острым, гладким и тонким, да к тому же смазанным жиром, то палач, должным образом повернув жертву, мог сделать так, что кол за несколько мгновений пронзал казнимого и входил ему в сердце. А могло быть и все наоборот – казнь могла затянуться на продолжительное время. И все же то, что здесь было сказано, относилось к колу «турецкому». А был еще и кол «персидский». Последний отличался тем, что рядом с колом с двух сторон аккуратными столбиками были сложены тонкие дощечки, достигавшие почти до конца кола.

Приговоренного сначала подводили к столбу, заводили руки назад и сковывали их наручниками. Потом приподнимали и сажали на кол, но кол входил неглубоко, и тогда через несколько минут палачи убирали две верхних дощечки, после чего кол входил глубже. Так, убирая дощечки одну за другой, палачи опускали жертву все ниже и ниже. Опытные искусники-виртуозы следили при этом, чтобы острие проходило в теле, минуя жизненно важные центры, и не давали казнимому умереть как можно дольше.

По отношению к Глебову Преображенские каты сделали все, что только было можно. Его посадили на неструганный персидский кол, а чтобы он не замерз, надели на него шубу, шапку и сапоги. Причем одежду дал им Петр, наблюдавший за казнью Глебова до самого конца. А умер Глебов в шестом часу утра 16 марта, оставаясь живым пятнадцать часов.

Но и после смерти Глебова Петр не уехал. Он велел колесовать и четвертовать всех сообщников его и Евдокии, после чего их, еще трепещущие, тела подняли на специально сооруженный перед тем помост вышиной в три метра и посадили в кружок, поместив в середине скрюченный черный труп Глебова.

Плейер писал, что эта жуткая картина напоминала собеседников, сосредоточенно внимавших сидящему в центре Глебову.

Однако и этого Петру оказалось мало. После смерти Глебова он велел предать своего несчастного соперника анафеме и поминать его рядом с расколоучителями, еретиками и бунтовщиками наивысшей пробы – протопопом Аввакумом, Тимошкой Анкудиновым и Стенькой Разиным.

А Евдокию Федоровну собор священнослужителей приговорил к наказанию кнутом. Ее били публично в присутствии всех участников собора и затем отослали в северный Успенский монастырь на Ладого, а потом в Шлиссельбургскую тюрьму. И все же, пережив и Глебова, и Петра, и смертельно ненавидевших ее Екатерину и Меншикова, которых многие считали главными виновниками ее несчастья, опальная царица умерла на воле, в почете и достатке шестидесяти двух лет от роду

* * *

А теперь снова вернемся к Алексею с тем, чтобы и проститься с ним.

14 июня царевича привезли из Москвы в Петропавловскую крепость и посадили в Трубецкой бастион. 19 июня его начали пытать и за неделю пытали пять раз, а потом убили. Больной, слабый духом и смертельно напуганный Алексей признавался и в том, чего не было, стараясь, чтобы пытки прекратились как можно скорее. Он даже сознался, что хотел добыть престол вооруженным путем, используя армию императора.

24 июня Верховный суд, состоявший из 127 человек, единогласно постановил предать царевича смерти. А то, каким образом следует его умертвить, суд отдал на усмотрение отца.

Уже после вынесения смертного приговора Петр приехал в Трубецкой бастион, чтобы еще раз пытать сына.

По одним данным, при последней пытке были Петр, Меншиков и другие сановники. По другим – только Петр и его особо доверенный человек, генерал-аншеф Адам Адамович Вейде.

Немец Вейде начал карьеру в России в первом потешном полку – Преображенском. Он сразу же был замечен Петром и вошел к царю в такое доверие, как никто другой. Вейде сопровождал Петра почти во всех походах и путешествиях. Он был и в обоих походах под Азов, и под Нарвой, где попал в плен к шведам.

В 1710 году его обменяли на шведского генерала Штремберга, а в 1711 году он был уже в Прутском походе, командуя дивизией. В 1714 году Вейде командовал галерой в сражении при Гангуте. На этой галере был и сам Петр, наградивший Вейде орденом Андрея Первозванного.

В 1718 году Вейде стал Президентом Военной коллегии и принял деятельное участие в процессе царевича Алексея, присутствуя при всех его допросах и пытках. Иной раз Вейде был единственным, кроме палачей, кто находился в застенке во время пытки.

Существовала версия, что Вейде присоветовал Петру отравить царевича. Петр согласился, и Вейде заказал аптекарю очень сильный яд. Но тот отказался вручать отраву генералу, а согласился передать ее только самому царю. Вейде привел аптекаря к Петру, и они вместе отнесли яд Алексею, но царевич наотрез отказался принимать снадобье. Тогда они повалили Алексея на пол, оторвали половицу, чтобы кровь могла стекать в подпол, и топором обезглавили его, упавшего в обморок, истощенного мучениями и страхом.

И все же трагедия на этом не окончилась: на авансцене истории появился еще один персонаж – Анна Ивановна Крамер, которой Петр доверял не меньше, чем генералу Вейде.

Анна Ивановна Крамер – дочь купца, члена Нарвского магистрата, – в 1704 году была увезена в Казань, где стала любовницей местного воеводы. Затем воевода перевез ее в Петербург и там ввел в дом генерала Балка – мужа Матрены Ивановны Монс. Однако и здесь Анна Крамер задержалась ненадолго, перейдя в дом фрейлины Гамильтон. Здесь-то и увидел ее Петр, очаровался ею и, чтобы часто видеть Анну и беседовать с нею, определил ее камер-юнгферой Екатерины.

Анна была в особом «кредите» у Петра. Он доверял ей то, чего не мог доверить никому другому. Именно Анна Крамер приехала вместе с Петром и Вейде в Петропавловскую крепость, где одела тело царевича в приличествующий случаю камзол, штаны и башмаки и затем ловко пришила к туловищу его отрубленную голову, искусно замаскировав страшную линию большим галстуком. Но это – лишь одна из версий.

Есть свидетельства, что 26 июня на последнюю трехчасовую пытку приехали Петр, Меншиков и другие сановники, а через семь часов после этого, и именно от пытки, Алексей умер. Есть свидетельства, что по приказу Петра Алексея удушили подушками четверо офицеров, а руководил всем этим уже известный нам Александр Иванович Румянцев.

Один из самых серьезных исследователей дела Алексея Петровича, академик Н. Г. Устрялов, посвятивший изучению жизни царевича четырнадцать лет непрерывного труда,

приводит десять версий его смерти. Наиболее достоверной ему представляется смерть от апоплексического удара (инсульта), наступившего в результате пыток.

Но нельзя полностью игнорировать и другие объяснения произошедшего.

В любом случае, 13 декабря 1718 года Румянцев был пожалован сразу двумя чинами – майора гвардии и генерал-адъютанта, а кроме того, были ему даны две деревни, ранее принадлежавшие сторонникам убитого царевича.

Царского благоволения за особые заслуги была удостоена и Анна Крамер. Она стала фрейлиной Екатерины, а затем и первой дамой при принцессе Наталье Петровне – младшей дочери Петра и Екатерины, скончавшейся, впрочем, сразу же после смерти своего отца. Забегая чуть вперед, скажем, что как только Петра похоронили, Анна Крамер уехала в свою родную Нарву, где и прожила до 1770 года, умерев на семьдесят шестом году.

Желая показать, что смерть Алексея для него ровно ничего не значит, Петр на следующий же день после казни сына пышно отпраздновал девятую годовщину победы под Полтавой. В официальных бумагах все чаще стало появляться имя единственного сына Екатерины, трехлетнего Великого князя Петра Петровича. Родители видели в нем законного наследника престола и радовались тому, что мальчик растет крепким, веселым и разумным. Но судьба решила иначе: после недолгой болезни 25 апреля 1719 года ребенок умер. А на следующий день, на траурной службе по умершему, неосторожно рассмеялся родственник Евдокии Лопухиной Степан Лопухин. Причину произошедшего объясняли тем, что не угасла еще свеча Лопухиных, ибо их семья – царевич Петр Алексеевич, бывший всего на полмесяца старше своего умершего дяди Петра Петровича, был жив и в глазах очень многих имел все права и основания на наследование российского престола.

Разумеется, последовал розыск, и были пытки, но были и выводы – Петр I решил сделать все, чтобы трон не достался ни Лопухиным, ни их родственникам, ни их сторонникам и единомышленникам.

Однако только через три года царь сумел воплотить задуманное в жизнь, издав официальный документ – «Устав о наследии престола», в котором право на трон переходило к любому удобному Петру человеку. Но прежде чем этот «Устав» появился, произошло несколько событий, важнейшими из которых было победоносное окончание войны со Швецией, принятие Петром титула Российского императора, еще одна война – с Персией и наконец коронация Екатерины, состоявшаяся 7 мая 1724 года.

Однако за два года до этого весьма важного события произошло еще одно – в Петербург возвратилась племянница Петра, Мекленбургская герцогиня Екатерина Ивановна.

Жизнь Екатерины Ивановны в Мекленбурге и возвращение в Россию

Мы расстались с Екатериной Ивановной в конце 1716 года, когда ее августейший дядя уехал из Шверина в путешествие по Европе.

А герцогская чета осталась в Шверине, где Карл-Леопольд продолжал бесконечную распрю со своими дворянами. Герцог считал их мятежниками и сразу же по отъезде Петра стал слать ему письма, требуя от царя защиты от всех и каждого. Разумеется, Петр не хотел лезть в дела, которых он не знал, и отвечал герцогу, что может вступиться за него, если дело герцога будет справедливым.

Этот отказ испортил отношения герцога с царем и косвенно мог отразиться и на его отношениях с супругой, которые нисколько не улучшились даже после того, как Екатерина Ивановна 7 декабря 1718 года родила дочь, названную Анной Карловной. (В России, куда мать и дочь приехали в 1722 году, девочку стали звать Анной Леопольдовной, однако об этом – в свое время и на своем месте.)

В апреле 1719 года, когда девочке было всего пять месяцев, Екатерина Ивановна поехала с нею к своей сестре Анне – герцогине Курляндской. Здесь Екатерина Ивановна рассказала сестре о своей горькой жизни и желании вернуться в Россию.

Анна написала об этом их матери – царице Прасковье Федоровне, – и та слезно просила царицу Екатерину Алексеевну заступиться за ее дочь перед государем Петром Алексеевичем.

Петр сообщал племяннице, что во многих письмах он писал Карлу-Леопольду о том, что ему надлежит «не все так делать, как он хочет, но смотря по времени и случаю», и не раз говорил это герцогу во время встреч с ним.

Однако Карл-Леопольд продолжал вести себя по-прежнему с женой и своими подданными: жену он держал в черном теле, и та просила денег и у матери, и у дяди, а подданных герцог бросал в тюрьмы и отнимал по своему произволу их движимое и недвижимое имущество.

Дошло до того, что император вынужден был послать свою «экзекуционную» армию, чтобы защитить мекленбургских дворян от их коронованного деспота. Герцог даже подумывал, бросив Мекленбург, бежать с женой и дочерью в Ригу.

В августе 1722 года в подмосковное село Измайлово приехала к своей матери, Прасковье Федоровне, герцогиня Екатерина Ивановна с четырехлетней дочерью Анной.

В это время Петр и Екатерина двигались к Астрахани, цесаревны Анна и Елизавета Петровны были в Петербурге, Анна Ивановна – в Митаве, а в Москве находился со своей свитой лишь жених четырнадцатилетней цесаревны Анны Петровны – Карл-Фридрих, герцог Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский. Герцогу было 22 года, он был легкомыслен, не очень трудолюбив и весьма склонен к веселому застолью в компании собутыльников, которую называл «Тост-Коллегия».

Екатерина Ивановна сразу же окунулась в старую московскую жизнь, окружив себя карликами и юродивыми, песенниками да плясуньями. Она с самого начала стала живо интересоваться всем происходящим при дворе и вскоре узнала, что намерения царя Петра весьма обстоятельны и свадьба Анны Петровны и Карла-Фридриха непременно должна состояться, но пока неизвестно когда.

Екатерина Ивановна тут же сблизилась с женихом-герцогом и 24 ноября 1722 года пригласила Карла-Фридриха на обед в честь ее именин, а 7 декабря – на день рождения своей

четырёхлетней дочери Анны. Вслед за тем герцог и Екатерина Ивановна ездили из одного аристократического дома в другой едва ли не ежедневно.

Неизвестно, были ли отношения герцога и Екатерины Ивановны платоническими, однако добрыми они оставались все время.

Теперь же необходимо сказать, что после завершения войны со Швецией, закончившейся подписанием выгоднейшего для России Ништадтского мира, по которому к ней перешла вся Прибалтика и Карелия, Петр издал 5 февраля 1722 года «Устав о наследии престола», по которому наследником мог быть объявлен любой человек, пригодный, по мысли Петра, к этой должности.

Однако время шло, а кандидата на трон император не называл.

И только через двадцать месяцев – 15 ноября 1723 года – появился Манифест, в котором объявлялось о предстоящей коронации императорской короной Екатерины. И хотя в Манифесте не говорилось, что именно Екатерина становится наследницей престола, все же было ясно, что Петр тем самым делает важный шаг на пути к реализации «Устава о наследии престола» в пользу своей жены.

22 марта 1724 года Петр и Екатерина прибыли в Москву и до начала мая проводили подготовку к этим торжествам. 5 и 6 мая трубачи и литаврщики объявляли на всех улицах и площадях Первопрестольной о том, что 7 мая в Успенском соборе Кремля состоится церемония коронации.

На площади перед императорскими палатами были построены два помоста шириною в 15 футов, крытые красным сукном. Один помост шел от Красного крыльца Грановитой палаты до дверей Успенского собора, другой – от Успенского собора до собора Михаила Архангела.

Сам Успенский собор был изукрашен золотом, серебром, богатыми коврами и семью гербами – Всероссийским, а также шестью гербами царств и княжеств – Киевского, Владимирского, Новгородского, Казанского, Астраханского и Сибирского.

Гербы эти находились над расшитым золотом балдахином, где стояли два императорских трона – правый для Петра и левый для Екатерины. Рядом с троном императора стоял стол, покрытый парчой, на котором лежали императорские регалии.

Напротив трона были поставлены скамьи для цесаревен, герцогинь Мекленбургской и Курляндской и «Его Королевского Высочества» герцога Голштинского.

По правую сторону алтаря стояли генералы, статские вельможи и придворные дамы, а по левую – знатные иностранцы во главе с послами и посланниками, аккредитованными при русском дворе.

Все приглашенные были одеты в парчу, шелк и бархат и усыпаны множеством бриллиантов.

Церемония коронации началась в 9 часов утра благовестом большого кремлевского колокола. Затем началось парадное шествие. Герцог Голштинский шел в процессии за Петром, поддерживая Екатерину под руку.

Как только началось шествие, тут же ударили все кремлевские колокола, гвардейские полки взяли «на караул», грянули музыка и барабанный бой. Петр и Екатерина

взошли на возвышение, и Екатерина села на трон, а император надел ей на голову корону и вручил скипетр. После этого Новгородский митрополит Феодосии помазал лоб императрицы миром и поднес ей державу – золотой шар с крестом.

После этого грянул первый пушечный залп, а когда в Успенском соборе, прослушав и отслужив торжественную литургию, наступила тишина, грянул второй пушечный залп, а потом с кратким поздравлением вступил Псковский архиепископ Феодосии, перечисливший многие добродетели Екатерины и отметивший ее подвиги, когда она защищала корону и Отечество.

Затем начался пир в Грановитой палате, закончившийся вручением всем гостям памятных золотых медалей в честь прошедшей коронации. Медали эти дарил Меншиков.

В то время когда в Грановитой палате шло пиршество, во дворе Кремля для простолюдинов был поставлен жареный бык, начиненный гусями, курами, утками и индейками, а рядом били два фонтана белого и красного вина.

На следующий день, 8 мая, первым поздравил с коронацией герцог Голштинский, а после него – все иностранные резиденты. Коронационные торжества закончились в ночь с 10 на 11 мая грандиозным праздником, прошедшим на Царицыном лугу, где были все гости, собравшиеся в Кремле 7 мая, и множество кавалеров, дам, военных, дипломатов, богатых купцов, искусных мастеров и ученых. Праздник закончился грандиозным фейерверком, и на том коронационные торжества прекратились.

По мнению иностранных дипломатов, совпадавшему, впрочем, с мнением иерархов русской православной церкви, главное в церемонии коронации Екатерины было именно миропомазание, поскольку персону, прошедшую через такой обряд, считается помазанником или помазанницей Божьей.

Этот обряд совершался, как правило, только при венчании на царство монарха, самодержца, а таковым 7 мая, в день коронации, был сам Петр.

Именно поэтому совершенный над Екатериной обряд помазания все присутствующие в Успенском соборе сочли в высшей степени значительным и знаменательным.

Французский посол Кампредон особо отметил: «Над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти императора, своего супруга». Особо отмечалось также и то, что императорскую корону на голову Екатерины возложил сам Петр.

Помолвка Анны Петровна и Карла Фридриха

Прошло полгода, и снова царская семья оказалась в центре всеобщего внимания: в начале зимы 1724 года сановный и родовитый Санкт-Петербург стал жить другой новостью – 22 ноября был подписан брачный контракт между Голштинским герцогом Карлом и великой княжной Анной Петровной, а еще через несколько дней состоялось и их обручение.

Невесте было шестнадцать лет, жених был восемью годами старше ее. Анна Петровна была второй дочерью Петра и Екатерины и сразу же после венчания царя и царицы вместе с младшей сестрой своей Елизаветой стала иметь собственный маленький двор, соответствующий придворный штат и особую прислугу, какая полагалась великим князьям.

Восьми лет Анна уже сама писала письма матери и отцу, с этого же возраста у девочек появилась воспитательница – итальянская графиня Марианна Маньяни, учитель немецкого языка Глюк, французского – виконтесса Латур-Лануа, в результате занятий с которыми и Анна, и сестра ее хорошо изучили три языка – французский, немецкий и итальянский. А так как вокруг девочек оказалось немало слуг – уроженцев Ингерманландии, знавших шведский язык, то они научились и шведскому языку. Кроме того, девочек учили танцам, и в них они преуспели еще более, чем в языках.

Когда Анне пошел четырнадцатый год, 17 марта 1721 года, в Ригу приехал племянник тогда уже покойного шведского короля Карла XII, герцог Голштинский-Готторпский Карл-Фридрих.

В это время Петр и Екатерина были в Риге. Герцог сразу понравился царю, и после долгих переговоров, продолжавшихся с перерывами более двух лет, было решено готовиться к заключению брака Карла-Фридриха с Анной Петровной, потому что царь имел в отношении герцога далеко идущие планы – добиться для своего будущего зятя престола Швеции.

27 июня 1721 года герцог приехал в Петербург. Он надеялся с помощью Петра как минимум вернуть под свою власть отобранный у него датчанами Шлезвиг. Однако Ништадтский мир, подписанный 30 августа того же года, одной из своих статей предусматривал невмешательство России во внутренние дела Швеции, а проблема наследования трона признавалась внутренним делом того или иного государства.

А внутреннее положение в Швеции во время подписания Ништадтского мира было достаточно сложным. 11 декабря 1718 года умер Карл XII, и престол ненадолго перешел к последней представительнице династии Пфальц-Цвайбрюккен, к которой принадлежал и Карл XII, королеве Ульрике-Элеоноре.

Она пробыла на троне чуть больше года. После смерти Карла XII в Швеции усилилась власть аристократии и высшей бюрократии, широко распространились анархия, коррупция, вместе с упадком внешним наступил и упадок внутренний. Престол в 1720 году перешел к избранному шведской аристократической олигархией Фридриху I Гессенскому. В этих обстоятельствах герцогу Голштинскому лучше всего было оставаться в России и добиваться руки Великой княжны Анны Петровны. Анна в свои 13 лет выглядела гораздо старше: все современники отмечают, что она производила впечатление вполне сформировавшейся женщины и отличалась необычайной красотой. В отца была она высокого роста, а нежная белая кожа, очаровательная улыбка и классические пропорции фигуры делали Анну совершенно неотразимой девушкой.

Карл-Фридрих, ставя перед собою прежде всего цель политическую, в то же время страстно влюбился в Анну и изо всех сил стал добиваться ее руки.

Его старания увенчались успехом лишь через три года: 22 ноября 1724 года был наконец подписан брачный контракт.

Петр не выдал бы Анну замуж, если бы она была равнодушна к герцогу, потому что царь души не чаял в своей дочери. Он буквально боготворил ее и никогда бы не пошел против ее воли.

По брачному контракту и Анна, и герцог отказывались от прав и притязаний на российский престол не только от своего имени, но и от имени своих потомков, однако обязывались беспрекословно и немедленно выполнить волю Петра, если он призовет на российский трон кого-либо из рожденных ими детей.

Подписание брачного контракта сопровождалось, как обычно, балами, фейерверками и обедами в домах знати. Эти торжества омрачались тем, что Петр редко бывал на обедах до конца, – он стал недужить уже летом и часто ложился в постель, чего раньше с ним почти никогда не случалось.

Болезнь и смерть императора Петра I

21 ноября Петр первым в столице переехал по льду через Неву, вставшую лишь накануне. Эта его выходка показалась настолько опасной, что начальник береговой стражи Ганс Юрген хотел даже арестовать нарушителя, но император проскакал мимо него на большой скорости и не обратил внимания на его угрозы.

20 декабря он участвовал в грандиозной попойке, устроенной по случаю избрания нового «князь-папы Всепьянейшего собора», а январь 1725 года начал особенно бурно, отгуляв на свадьбе своего денщика Василия Пospelова и на двух ассамблеях – у графа Толстого и вице-адмирала Корнелия Крюйса.

Особенно же поразил всех больной император, когда 6 января, в мороз, прошел во главе Преображенского полка маршем по берегу Невы, затем спустился на лед и стоял в течение всей церковной службы, пока святили Иордань, прорубь, вырубленную во льду. Все это привело к тому, что Петр сильно простудился, слег в постель и с 17 января стал испытывать страшные мучения. Эта болезнь оказалась последней в его жизни.

О диагнозе смертельной болезни Петра существует несколько версий. Французский посол в России Кампредон сообщал в Париж: царь «призвал к себе одного итальянского доктора, приятеля моего (доктора Азарити – В. Б.), с которым пожелал посоветоваться наедине». Далее Кампредон писал, что, со слов Азарити, «задержание мочи является следствием застарелой венерической болезни, от которой в мочевом канале образовалось несколько небольших язв».

Лечившие Петра врачи-немцы братья Блюментросты были против хирургического вмешательства, а когда хирург-англичанин Горн операцию все же провел, то было уже поздно и у Петра вскоре начался «антонов огонь», как в то время на Руси называли гангрену. Последовали судороги, сменявшиеся бредом и глубокими обмороками. Последние десять суток если больной и приходил в сознание, то страшно кричал, ибо мучения его были ужасными.

В краткие минуты облегчения Петр готовился к смерти и за последнюю неделю трижды причащался. Он велел выпустить из тюрьмы всех должников и покрыть их долги из своих сумм, приказал выпустить всех заключенных, кроме убийц и государственных преступников, и просил служить молебны о нем во всех церквях, не исключая и иноверческих храмов.

Екатерина сидела у его постели, не покидая умирающего ни на минуту. Петр умер 28 января 1725 года в начале шестого утра. Екатерина сама закрыла ему рот и глаза и, сделав это, вышла из маленькой комнатки-кабинета, или «конторки», как ее называли, в соседний зал, где ее ждали, чтобы провозгласить преемницей Петра.

Относительно диагноза последней болезни Петра мнения расходятся. Автор фундаментального труда «История медицины в России» В. Рихтер считал, что Петр умер из-за воспаления, вызванного задержанием мочи, не говоря о том, что было причиной воспаления. Другой видный историк медицины, Н. Куприянов, полагал, что смерть Петра наступила от воспаления мочевого пузыря, перешедшего в гангрену, и от задержания урины. И, наконец, небезынтересно и заключение, сделанное в 1970 году группой московских венерологов, изучавших все сохранившиеся документальные свидетельства о болезни и смерти Петра. Профессора Н. С. Смелов, А. А. Студницын, доктор медицинских наук Т. В. Васильева и кандидат медицинских наук О. И. Никонова пришли к заключению, что Петр «по-видимому, страдал злокачественным заболеванием предстательной железы или мочевого пузыря или мочекаменной болезнью», что и оказалось причиной его смерти.

* * *

Петр I умер, не оставив завещания. Наследниками престола могли считаться: во-первых, сын казненного Алексея – Петр, во-вторых, дочери Петра I и Екатерины – Анна и Елизавета, в-третьих, – племянницы Петра I, дочери его старшего брата Ивана Алексеевича – Анна, Екатерина и Прасковья. Анна занимала в это время герцогский трон в Курляндии, Екатерина была герцогиней в Мекленбурге, а Прасковья жила в Москве, не будучи замужем. В-четвертых, – венчанная императорской короной Екатерина Алексеевна.

Через три часа после смерти Петра в соседней зале собрались сенаторы, члены Святейшего Синода и генералитет – генералы и адмиралы всех рангов и статские чины от действительных статских советников до канцлера. Они собрались по собственному почину, как только узнали о смерти императора. Однако когда все пришли в соседний с конторкой зал, там уже были офицеры обоих гвардейских полков, стоявшие тесной группой в одном из углов зала.

Споры о праве на опустевший трон развернулись мгновенно. Каждый из сановников так или иначе выражал свои симпатии и антипатии, но офицеры хранили молчание. Когда же П. А. Толстой первым высказался в пользу императрицы, гвардейцы дружно его поддержали.

Противники Екатерины зароптали, но присутствовавший в зале подполковник Преображенского полка Иван Бутурлин подошел к окну, толкнул раму и махнул рукой. Через распахнутое окно в зал донесся барабанный бой...

Этот аргумент, оказавшийся самым веским, перечеркнул все соображения сановников о преимуществах родства и права любого из возможных претендентов на трон. Немаловажным было и то, что вторым подполковником преображенцев был Светлейший князь и генералиссимус всех Российских войск Александр Данилович Меншиков, в чьих симпатиях к Екатерине никто из присутствующих не сомневался.

* * *

В тесную конторку, где умер Петр, с трудом протиснули огромный гроб размером в косую сажень (русская мера длины – косая сажень – равнялась 216 см), разворачивая и наклоняя его во все стороны. Сорок дней прощался с забальзамированным телом императора весь Петербург, сановники, духовенство и купцы из Москвы и ближних к новой столице городов.

А через три недели после смерти Петра, 22 февраля, умерла младшая из его дочерей – шестилетняя Наталья, и в Зимнем дворце стало еще одним гробом больше.

При подготовке церемонии похорон выяснилось, что гроб с телом императора не проходит в дверь, и тогда по приказу главного распорядителя похорон генерал-фельдцейхмейстера, сенатора и кавалера, графа Якова Брюса в дверь превратили одно из окон, а к окну снизу возвели просторный помост, с обеих сторон которого шли широкие лестницы, задрапированные черным сукном.

...В полдень 10 марта 1725 года три пушечных выстрела известили о начале похорон императора. Мимо выстроившихся вдоль берега Невы полков гроб Петра снесли по лестнице на набережную, и восьмерка лошадей, покрытых попонами из черного бархата, провезла гроб к причалам главной пристани, а оттуда на специально сооруженный на льду Невы деревянный помост, ведущий к Петропавловской крепости.

За гробом несли более тридцати знамен. И первыми из них были: желтый штандарт Российского флота, черное с золотым двуглавым орлом императорское знамя и белый флаг

Петра с изображенной на нем эмблемой – стальным резцом скульптора, вырубающим из камня еще не законченную статую.

А перед этой знаменной группой шли члены семьи покойного и два «первейших сенатора». Порядок, в каком следовали они за гробом, о многом говорил и сановникам, и иностранным дипломатам, ибо он, этот порядок, точно отражал расстановку сил и значение каждого из этих людей при дворе.

Первой шла теперь уже вдовствующая императрица Екатерина Алексеевна. С обеих сторон ее поддерживали фельдмаршал и Светлейший князь Меншиков и Великий канцлер, граф Головкин.

Следом за ними шли дочери Петра и Екатерины – семнадцатилетняя Анна и пятнадцатилетняя Елизавета, затем племянницы Петра – царевна Прасковья Ивановна и Мекленбургская герцогиня Екатерина Ивановна, а за ними – родственники по матери покойного – Нарышкины. Вместе с ними шел девятилетний внук покойного, сын казненного Алексея – Петр и жених Анны Петровны, Голштинский герцог Карл-Фридрих. По тому, что герцог был в этой процессии, следует полагать, что его считали членом царской семьи, хотя свадьбы пока еще не было.

...Не пройдет и десяти лет, как почти все эти люди умрут. Долгожителями окажутся лишь Великий канцлер Головкин и дочь Петра I – Елизавета...

Гроб Петра поставили в Петропавловском соборе, который тогда еще строили, и он стоял там непогребенным шесть лет. И только после этого гроб с телом покойного предали земле...

Начало царствования Екатерины I

С первых же дней правления новой императрицы высшая бюрократия разделилась на явных сторонников Екатерины и ее скрытых недоброжелателей. Возле первого человека в государстве – Меншикова – оказались его испытанные «камрады» – начальник Тайной канцелярии П. А. Толстой, генерал-адмирал Ф. М. Апраксин и канцлер Г. И. Головкин. Их поддерживала большая и могущественная группа стойких сподвижников Петра, прежде всего военных и дипломатов.

Скрытая же оппозиция опиралась на Правительствующий Сенат, состоявший из одиннадцати членов, и потому первой важнейшей задачей Екатерины и Меншикова было, оставив Сенат как бюрократическое учреждение, отобрать у него функции правительствующего органа. Это было сделано 8 февраля 1726 года путем создания нового правительственного органа – Верховного Тайного совета. В его состав входили: Меншиков, Толстой, Апраксин, Головкин, герцог Голштинский Карл-Фридрих, вице-канцлер А. И. Остерман и сенатор, князь Д. М. Голицын. Возглавляла Верховный Тайный совет, не входя в него, сама императрица. Ведению Совета подлежали все дела, относившиеся к внешней политике, и дела, «которые до ее Величества собственного решения касаются», то есть те, что не подлежали ведению Сената. Более того, Сенат перестал официально именоваться «Правительствующим», а был переименован в «Высокий Сенат». Самым же существенным было то, что три важнейших коллегии – Иностранных дел, Военная и Адмиралтейская – были изъяты из подчинения Сенату и переданы в ведение Верховного Тайного совета, получив, в отличие от прочих коллегий, название «Государственных».

Из других событий важнейшим следует считать официальное открытие Академии Наук и Художеств, произошедшее в декабре 1725 года. А из правительственных распоряжений на первое место следует поставить ряд указов, направленных на сокращение непомерно тяжелого налогового бремени и значительное уменьшение государственных расходов.

* * *

И все же даже после существенного сокращения расходы эти оставались весьма велики. И в первую очередь это касалось затрат на содержание двора.

Датский посланник в Петербурге Вестафль утверждал, что за два года царствования Екатерины I при ее дворе было выпито заграничных вин и водок на миллион рублей, в то время как весь государственный бюджет достигал десяти миллионов.

Екатерина после смерти мужа стала в полном смысле слова веселой вдовой. Возле нее появилось несколько фаворитов – Сапега, Левенвольд, де Виейра, о которых подробнее речь пойдет чуть ниже, и периодически возникавшие кратковременные счастливики, среди которых оказывались даже дворцовые служители.

Под стать императрице были и три ее камер-фрау. Первой из них была уже известная нам Анна Крамер. Две другие камер-фрау – Юстина Грюнвальд и Иоганна Петрова – мало чем отличались от Анны Крамер. Не отставали от них и две их русских товарки – Голицына и Толстая.

Да и что переменится, если и место действия, и все главные действующие лица остались прежними?

Сам Светлейший, приходя поутру запросто в спальню императрицы, начинал беседу с вопроса: «А чего бы нам выпить?»

Поэтому бал шел за балом, званые обеды сменяли друг друга, отмечались все Великие церковные праздники – а их было двенадцать, а ведь у каждого из них были пред-празднества и попразднества, одна только Пасха продолжалась сорок дней! А сколько было именин, крестин, помолвок и свадеб – тому и вообще не было числа.

Однако же, среди всех этих праздников, следовавших друг за другом без перерыва и превращавшихся в сплошную гулянку и попойку, одно событие все же стояло обособленно: это была свадьба Великой княгини Анны Петровны с герцогом Гольштейн-Готторпским Карлом-Фридрихом.

Свадьба цесаревны Анны Петровны и герцога Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского

В июне 1725 года в Санкт-Петербурге вышла книга, сейчас являющаяся библиографической редкостью – «Описание о браке между ее высочеством Анною Петровною, цесаревною Всероссийскою, и его королевским высочеством герцогом Гольштейн-Готторпским».

Перескажем кратко содержание этой книги, переложив ее с языка начала XVIII века на современный русский язык.

Когда Екатерина I решила совершить наконец брак, который был утвержден еще ее мужем Петром I, она распорядилась к маю месяцу выстроить в ее летнем доме зал длиною в 20, а шириною в 7 сажений. Постройка была отдана под контроль Меншикова, и он собрал для этого множество мастеров и художников, которые за короткое время построили прекрасный зал, украсив его обоями и другими уборами и поставив два балдахина: один – для цесаревны, другой – для герцога.

Екатерина назначила ответственными за проведение свадьбы двух маршалов – Меншикова и Ягужинского и при них 24 шафера.

По обычаям того времени императрица назначила: вместо отцов – генерал-адмирала графа Апраксина и канцлера и кавалера графа Головкина; вместо братьев – генерал-фельдцейхмейстера и кавалера графа Брюса и генерала и подполковника гвардии Бутурлина; вместо матерей: цесаревну Российскую и герцогиню Мекленбургскую Екатерину Ивановну, Светлейшую княгиню Меншикову; вместо сестер ближними девицами были назначены: цесаревна Елизавета Петровна и Великая княжна Наталья Алексеевна.

18 мая по Петербургу прошли гвардейские офицеры с командами трубачей, барабанщиков и литаврщиков и объявили, что в пятницу, 21 мая, состоится свадьба и маршалам и шаферам предстоит собраться в 7 часов утра, а сенаторам и генералам – к 11.

18 мая, к 11 часам дня в Летний дворец из Зимнего прибыла императрица вместе со своими дочерьми – Екатериной и Елизаветой, и в полдень к дому герцога Голштинского были посланы маршалы и шаферы, чтобы привезти к Анне Карла-Фридриха.

За ним отправились в семи каретах и привезли его вместе с придворными, лакеями и пажами. Герцог нанес визит императрице и в час дня отправился вместе с невестой в церковь Святой Троицы для венчания.

Для этого молодым была подана большая баржа, покрытая коврами и украшенная цветами. За первой баржей шла вторая, и обе они были заполнены приглашенными на свадьбу гостями.

Венчание началось в 3 часа дня под звон колоколов.

К этому времени подошла еще одна баржа: на ней находилась императрица в траурном наряде: 28 января умер Петр, а через 25 дней скончалась их дочь – Великая княжна Наталья Петровна, которой было 6 лет, а со дня ее смерти прошло совсем немного времени – ровно три месяца.

Екатерина вошла в церковь, когда молодых венчал Псковский архиепископ Феофан, а как только венчание закончилось, императрица подошла к дочери и возложила на нее орден Святой Екатерины, который до тех пор носила она сама.

Как только Анна Петровна и Карл-Фридрих вышли из церкви и стали подниматься на баржу, со стен Петропавловской крепости, от Адмиралтейства и с яхты «Принцесса Анна», стоявшей у стенки рядом со свадебным залом, грянули пушечные выстрелы.

После этого молодые и гости направились в Летний дворец и сели за пиршественные столы, где собрались четыреста человек.

Через три часа гости вышли из дворца на большой луг, возле которого был царский огород, а на лугу зажарены были несколько быков, начиненных домашней птицей, и устроены два фонтана вина – белого и красного. Тут же стояли шпалерами гвардейцы, которых поротно стали подводить к вину и мясу и довольствовать их досыта и допьяна.

В 9 часов вечера свадьба закончилась, после чего двум присутствующим на свадьбе – генералу Бутурлину и Первому министру Голштинии графу Бассевицу были даны ордена Андрея Первозванного, и семнадцать гостей были награждены новым тогда орденом Александра Невского. А восемь гостей были дарованы новыми, более высокими чинами.

На другой день в той же зале те же гости продолжили веселие, а на третий день обед в своем доме давал герцог. И там все было, как в Летнем дворце, и завершилось все тем, что генерал-адмирал граф Апраксин, имевший по гражданскому ведомству чин действительного статского советника, был пожалован новым чином – действительного тайного советника.

Вот каким было описание свадьбы Анны Петровны и Карла-Фридриха, оставленное потомкам современником и свидетелем ее в 1725 году.

Вдова герцога Курляндского Анна Ивановна в Петербурге

Вскоре в Петербурге все чаще стала мелькать и еще одна фигура – герцогиня Курляндская Анна Ивановна. После скорой смерти своего семнадцатилетнего мужа она стала владелицей доставшегося ей герцогства.

Анна Ивановна горевала недолго – молодость и пылкость натуры взяли свое, и она быстро утешилась частыми посещениями Петербурга, который не шел ни в какое сравнение с бедной захолустной Митавой.

Анна Ивановна, как уже не раз упоминалось, была второй дочерью царя Ивана Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны, урожденной Салтыковой. Она родилась в Москве 28 января 1693 года и сразу же попала в обстановку, весьма для нее неблагоприятную. Отец постоянно болел, а мать почему-то невзлюбила Аннушку, и та оказалась предоставленной самой себе да опеке богомольных и темных нянек и приживалок.

Уже в детстве девочке сказали, что она вовсе и не царская дочь, потому что Иван Алексеевич бесплоден, а отцом ее является спальник Прасковьи Федоровны Василий Юшков (спальником называли дворянина, который стерег сон царя или царицы, находясь в покое рядом с опочивальней).

У девочки было только два учителя: Дитрих Остерман, брат будущего вице-канцлера барона Остермана, обучавший ее немецкому, и танцмейстер и учитель французского языка француз Рамбур. Из-за этого Анна Ивановна осталась полуграмотной и в дальнейшем не очень-то увлекалась науками. Девочка была рослой – почти на голову выше всех, полной и некрасивой.

После скоропостижной смерти мужа она имела в Петербурге различные сердечные привязанности, но в Митаве ее серьезным поклонником, а потом и фаворитом был мелкий дворцовый чиновник немец Эрнст-Иоганн Бюрен. (В России его звали Бироном, да и сам он называл себя так, настаивая на своем родстве с французским герцогским домом Биронов.)

Бирон впервые предстал перед герцогиней Курляндской, когда ему было двадцать восемь лет. Его отцом был немец-офицер, служивший в польской армии, возможно даже, как утверждали его недоброжелатели, не бывший дворянином. Во всяком случае, когда Анна Ивановна попыталась добиться признания дворянского звания своего фаворита, курляндский сейм отказал ей в этом. Что же касается матери будущего герцога, то ее дворянское происхождение бесспорно – она происходила из семьи фон дер Рааб. Эрнст Бирон был третьим сыном, причем поначалу не самым удачным. В юности он стал студентом Кёнигсбергского университета, но не закончил его, потому что чаще, чем в университетских аудиториях, сидел в тюрьме за драки и кражи. Двадцати четырех лет он приехал в

Петербург и попытался вступить в дворцовую службу, но не был принят из-за низкого происхождения. В 1723 году Анна Ивановна женила своего тридцатитрехлетнего фаворита на безобразной, глухой и болезненной старой деве Бенгине-Готлибе фон Тротта-Трейдена, происходившей, впрочем, из старинного и знатного немецкого рода.

Однако женитьба ничего не изменила в отношениях герцогини и фаворита. Более того, когда 4 января 1724 года у Бирона родился сын, названный Петром, то сразу же поползли упорные слухи, что матерью мальчика была не жена Бирона, а Анна Ивановна. Когда мальчик подрос, обнаружилось его сильное сходство с Анной Ивановной. И это еще больше утвердило тех, кто верил в эту версию, в их правоте.

Между женитьбой Бирона и поездкой в Москву с Анной Ивановной произошло несколько амурных историй, связанных со сватовством, но ничем не кончившихся, и одна

история в высшей степени романтическая. Однако все по порядку. После скоропостижной смерти мужа Анны Ивановны, герцога Фридриха-Вильгельма, Петр I решил выдать юную вдову замуж еще раз.

В 1717 году претендентом на ее руку был Саксен-Вейсенфельский герцог Иоганн-Адольф, но сватовство расстроилось, и следующий жених – принц Карл Прусский, брак с которым тоже не состоялся, появился лишь через пять лет, в 1722 году. Затем, еще при жизни Петра I, возникли четыре германских принца, заявлявших о своем желании стать мужьями Анны Ивановны, но дальше брачных переговоров, оказавшихся также бесплодными, дело не шло.

Наконец в сентябре 1725 года, через полгода после смерти Петра, Anne Ивановне, бывшей тогда в Санкт-Петербурге, сообщили о новом суженом – блестящем кавалере, храбрце и красавце, покорителе дамских сердец от Варшавы до Парижа – графе Морице Саксонском, внебрачном сыне польского короля Августа II Сильного. (Уместно вспомнить, что титул графа Саксонского появился не случайно, – ведь польский король носил титул и Саксонского герцога, Фридриха Августа, будучи одним из курфюрстов империи.)

Красавец и вертопрах Мориц был на три года моложе Анны Ивановны. Он унаследовал изысканную внешность матери, графини Авроры Кенигсмерк, и мужественность облика своего отца. А какую была его потенциальная невеста, мы уже знаем.

Еще не увидев графа Саксонского, Анна Ивановна уже влюбилась в него.

Новоявленную невесту не смущало, что Мориц слыл не только выдающимся бабником, но и столь же замечательным дуэлянтом, мотом и картежником, за которым к моменту сватовства накопилась куча долгов. Анну Ивановну не останавливало и то, что граф Саксонский по рождению не был августейшей особой. Однако и на сей раз ни брачных переговоров, ни сватовства не последовало, хотя потенциальная невеста делала для этого все, что было в ее силах.

Прошло около года, прежде чем Мориц решился на активные действия со своей стороны. Будущий знаменитый полководец – маршал Франции и выдающийся военный теоретик, отличавшийся дерзостью и быстротой маневра, – он и в данном случае избрал именно такую тактику.

Бросив все версальские дела и утехы, Мориц целиком отдался молниеносной подготовке и не менее стремительному осуществлению задуманного предприятия.

Он собрал со своих богатых парижских любовниц и уже сильно обедневшей матери все, что только мог, и помчался в Митаву.

Приключения графа Морица Саксонского в Курляндии

Для того чтобы стать мужем Анны Ивановны, Морицу предстояло получить согласие дворянского курляндского сейма, имевшего право выбирать герцога по своему усмотрению. И здесь счастье улыбнулось Морицу – его избрали герцогом. Но решение сейма требовало дальнейшего утверждения королем Польши и согласия на то российской императрицы, так как Курляндия по юридическому статусу зависела от двух этих стран. Казалось, что отец Морица, занимавший трон Польши, несомненно утвердит его избрание, но не тут-то было: политика взяла верх над родительскими чувствами, и Август воздержался от одобрения.

И уж совсем никаких надежд не мог связывать Мориц с русской императрицей, если ситуация не соответствовала ее политическим планам.

А случилось так, что в это же самое время Екатерина I решила, что герцогом Курляндии должен стать Меншиков, который и отправился в Ригу с внушительным кавалерийским отрядом. В Митаву же для переговоров с сеймом поехал Василий Лукич Долгорукий – влиятельный член Верховного Тайного совета и опытный дипломат.

Вскоре в Митаву прибыл и Меншиков, где встретился со своим соперником – претендентом на курляндский трон.

Желая сразу же поставить Морица на место, Меншиков первым делом спросил:

– А кто ваши родители?

Мориц ответил вопросом на вопрос:

– А кем были ваши?

Курляндское дело в конце концов закончилось ничем для обоих соискателей. Причем Мориц потерпел двойное фиаско – он не только лишился перспективы завладеть тронном, но и получил отказ в своих матримониальных намерениях. Последнее же обстоятельство связано было с комическим эпизодом, более смахивающим на фарс.

...Дело было в том, что Мориц поселился во дворце своей невесты, в одном из его крыльев. Ожидая благополучного исхода сватовства, пылкий кавалер не оставлял без внимания и молодых придворных красавиц. Одной из его пассий оказалась фрейлина Анны Ивановны, которую граф Саксонский среди ночи пошел провожать домой.

Это было зимой. Во дворе замка лежал глубокий снег, и Мориц понес свою любовницу на руках. Внезапно Мориц обо что-то споткнулся и упал, уронив при этом фрейлину в снег. И вдруг он услышал пронзительные женские крики. Кричала не только испуганная фрейлина, но и кто-то еще. Оказалось, что Мориц упал, споткнувшись о спящую пьяную кухарку с черной дворцовой кухни, где готовили для конюхов, кучеров и младших слуг. Падая, Мориц уронил на нее свою любовницу. Обе женщины, страшно испугавшись, начали пронзительно кричать. Во дворце возник переполох, проснулись все его обитатели, и в их числе Анна Ивановна, получившая очевидное доказательство того, что представляет собой ее жених.

Понимая, что ситуация сложилась весьма для него неблагоприятно, Мориц все же проявил упорство и оставался в Митаве до тех пор, пока туда не пришли четыре русских полка под командованием генерала Ласи. Мориц бежал, на рыбацкой лодке переправился через реку Лиелупа и затем добрался до Данцига.

Так завершилось очередное несостоявшееся замужество Анны Ивановны.

Еще одна ретирада герцогини Курляндской в Петербург

После всего произошедшего митавский герцогский двор вконец опостылел неудачливой невесте, жестоко обманутой коварным и корыстолюбивым женихом. Тем большую ценность приобрел в ее глазах не столь уж далекий императорский двор Северной Пальмиры.

Более всего петербургский двор привлекал Анну Ивановну своими непрерывными празднествами и богатством.

Приезжая в Петербург, Анна Ивановна чувствовала себя своей среди окружения Екатерины I. Посланником герцогини Курляндской в Петербурге или, как тогда говорили «резидентом» был швед Рейнгольд-Густав Левенвольде, бывший офицер Карла XII, перешедший на русскую службу после поражения шведов под Полтавой. Он был любовником Анны Ивановны и честно соблюдал ее интересы в Петербурге, ибо в значительной мере эти интересы были и его собственными. Левенвольде был фаворитом и императрицы Екатерины, и потому, как порядочный человек, офицер и дворянин, должен был заботиться и о ее интересах, которые, впрочем, тоже были в какой-то мере и его собственными.

Молодой красавец Рейнгольд-Густав Левенвольде, происходивший из древнего аристократического немецкого рода, осевшего в Ливонии еще в XIII веке, сначала был камер-юнкером Екатерины, а при ее восшествии на трон стал камергером. 24 октября 1726 года Рейнгольд-Густав Левенвольде и его брат Карл-Густав получили титул российских графов. Вслед за тем Рейнгольд стал кавалером российского ордена Александра Невского и, кроме того, получил осыпанный бриллиантами портрет Екатерины для ношения на шее.

Теперь мы на время оставим Густава Левенвольде, чтобы вскоре снова встретиться с ним и его братом при обстоятельствах чрезвычайных.

Заключительные аккорды царствования Екатерины I

Теперь же возвратимся к новой самодержице – Екатерине I. Вступив на престол, она все чаще стала болеть и вскоре почти совсем отошла от государственных дел, целиком передав их Меншикову, сила и влияние которого росли день ото дня. Постепенно он становился уже не «полудержавным властелином», как при Петре, а пожалуй, почти самодержцем. Это заставило «верховников» опасаться того, что Светлейший скоро превратит их не более чем в марионеток.

Врагами Меншикова оказались Толстой и Голицын, а вне среды «верховников» – все еще очень влиятельный де Виейра.

В апреле 1727 года Екатерина I тяжело заболела, и Меншиков нашел повод показать своим более серьезным и сильным противникам, чем де Виейра, что шутки с ним по-прежнему плохи и что всех его недоброжелателей ждет печальный конец. К тому же Меншиков был злопамятен и не простил своему ненавистному шуруину брака с его сестрой, состоявшегося вопреки его воле, по приказу самого Петра I.

И когда в апреле 1727 года Екатерина заболела, де Виейра, по приказу Меншикова, был арестован и обвинен в том, что во время болезни императрицы якобы «не только не был в печали, но и веселился, и плачущую Софью Карлусовну (Скавронскую, родную сестру Екатерины – В. Б.) вертел в танцах и говорил ей: «Не надобно плакать». В другой палате сам сел на кровать... говорил ее высочеству цесаревне Анне Петровне: «О чем печалишься? Выпей рюмку вина».

Допросы и пытки привели к тому, что в последний день своей жизни – 6 мая 1727 года – больная Екатерина, следуя настоятельному совету Меншикова, подписала приговор, по которому трое «заговорщиков» были биты кнутом и отправлены в Сибирь, а еще четверо удалены от двора.

Приговор де Виейре и его соучастникам все же не был последним из подписанных Екатериной актов. Последним, и гораздо более важным документом, было составленное и должным образом оформленное завещание, по которому наследником трона объявлялся Петр Алексеевич – двенадцатилетний внук Петра I. Завещание гласило: «Великий князь Петр Алексеевич имеет быть сукцессором» (то есть самодержцем). Однако регентом при нем не назначался Меншиков, как можно было бы ожидать, а «обе цесаревны, герцоги и прочие члены Верховного Совета, который обще из девяти персон состоять имеет».

Сразу после кончины Екатерины Рейнгольд-Густав Левенвольде уехал в свои ливонские поместья, а в Петербурге остался его брат Карл-Густав. Оба брата Левенвольде еще сыграют важную роль в истории.

Начало царствования Петра II

Когда Екатерина умерла, Великому князю Петру Алексеевичу шел тринадцатый год. Он был мягок душой, красив, достаточно развит и весьма неглуп для своих лет, напоминая во многом покойную мать – Софью-Шарлотту Вольфенбюттельскую. С самого начала своего неожиданного воцарения двенадцатилетний мальчик попал в очень непростую ситуацию, ибо кроме него претенденткой на трон могла оказаться и восемнадцатилетняя дочь Петра I и Екатерины I Елизавета Петровна – его родная тетка.

Сторонники Елизаветы стали прочить ей в мужья уже знакомого читателю Морица Саксонского. Сторонники же Петра II сватали ребенка-императора за дочь Меншикова – Марию.

Для того чтобы примирить две партии, при дворе возник еще один фантастический проект – поженить Петра Алексеевича и Елизавету Петровну, племянника и тетку, но ему не удалось осуществиться: Меншиков увез Петра к себе во дворец и там сосватал его со своей дочерью.

12 мая, когда тело Екатерины еще не было погребено, Петр II возвел Меншикова в звание генералиссимуса, дав ему очевидное преимущество перед пятью жившими и действовавшими в ту пору фельдмаршалами.

16 мая Екатерину похоронили, а уже 24-го во дворце Меншикова на Васильевском острове была необычайно пышно отпразднована помолвка Петра II и Марии. Меншикову эта великая удача не вскружила голову, и он демонстративно протянул руку примирения и дружбы ненавидевшим его Голицыным и Долгоруким. После этого серьезными его противниками остались лишь Анна Петровна и ее муж – Голштинский герцог Карл-Фридрих. Но и от них вскоре избавился умный и ловкий генералиссимус: пообещав супругам миллион флоринов и выдав им для начала всего 140 тысяч, он отправил Анну и Карла в Голштинию. Им была обещана ежегодная пенсия в сто тысяч флоринов и поддержка России в деле присоединения к Голштинии соседнего Шлезвига. 25 июля 1727 года герцогская чета отбыла из Петербурга в Киль, сопровождаемая небольшой группой придворных, среди которых были и люди, близкие к российской императорской фамилии, что объяснялось вполне понятным интересом к новой супружеской паре, являвшейся неотъемлемой частью дома Романовых. И история подтвердила это – вскоре династия Романовых стала называться «Династией Романовых-Гольштейн-Готторпов». И хотя в обиходе российскую императорскую династию продолжали называть «Романовы», но специалисты-генеалоги и серьезные историки именовали ее полным именем – «Романовы-Гольштейн-Готторпы».

Жизнь и смерть Анны Петровны в Киле

Среди русских придворных, сопровождавших в Голштинию Анну Петровну, прежде всего следует отметить девятнадцатилетнюю Мавру Егоровну Шепелеву, особенно доверенную «конфидентку» Елизаветы Петровны. Ее дядя – Дмитрий Андреевич Шепелев – был женат на родственнице пастора Эрнста Глюка, который подобрал в Мариенбурге девочку-сиротку Марту Скавронскую, будущую императрицу Екатерину, и воспитал и вырастил ее, как собственную дочь. Поселившийся в Москве пастор, как и все его родственники, пользовались особым расположением Петра и Екатерины. Породнившийся с ним Дмитрий Андреевич Шепелев также стал близким человеком в императорской семье. Сохранил он свое положение и во все последующие царствования, особенно возвысившись при Анне Ивановне. Его-то родственница, Мавра Егоровна, и отправилась в Голштинию, выполняя двойную роль – фрейлины Анны Петровны и доверенного лица Елизаветы Петровны. Находясь в Киле, она сообщала своей сердечной подружке Елизавете Петровне обо всем, что происходило во дворце и городе. Образчиками ее писем могут служить, например, такие:

«Сестрица ваша ездила в санях по Килью, и все люди дивовались русским саням». Или: «Еще ж доношу, что у нас балы были – через день, а последний был бал у графа Бассевича, и танцевали мы там до десятого часу утра, и не удовольились в комнатах танцевать, так стали польской танцевать в поварне и в погребе. И все дамы кильские также танцевали, а графиня Кастель, старая, лет пятьдесят, охотница великая танцевать, и перетанцевала всех дам, и молодых перетанцевала». В этом же письме Шепелева просила «поздравить с кавалериею», то есть с награждением орденом, одного из первых любовников Елизаветы Александра Борисовича Бутурлина.

А письмами от 12 и 19 февраля 1728 года Шепелева сообщала о рождении у Анны Петровны сына Карла-Петра-Ульриха – будущего российского императора Петра III. (Чуть ниже мы еще встретимся и с Маврой Егоровной, и с ее любовником Эрнстом Бироном, и с мужем Мавры Егоровны графом Шуваловым.)

Шепелева писала, что, как только Анна Петровна родила сына, то трижды палили из пушек, а потом пошли солдаты, играя на трубах и литаврах, извещая тем самым, что у герцогской четы родился сын. Вслед за тем во дворец пришли кавалеры и дамы, поздравляя мать и отца с новорожденным. Шепелева обещала, что сразу оповестит Елизавету Петровну о том, как пройдет крестины.

19 февраля Мавра Егоровна написала, что церемония крестин происходила так: сперва шли камер-юнкеры, затем – гоф-юнкеры, а вслед за ними четыре камергера несли балдахин. Под балдахином на подушке лежал младенец, рядом с ним, на той же подушке, лежала корона, усыпанная алмазами, а эту подушку – с принцем и короной – несли два тайных советника.

На крестинах была и Анна Петровна. Она, по словам Шепелевой, лежала под другим балдахином, в богатом наряде, и, судя по всему, пока еще никакой тревоги у Мавры Егоровны не вызывала.

Однако не успели письма Шепелевой дойти до Петербурга, как случилось неожиданное несчастье: скоропостижно умерла двадцатилетняя мать новорожденного – Анна Петровна. Произошло это из-за того, что в Киле, по случаю рождения принца Карла-Петра-Ульриха были устроены великие празднества, завершившиеся грандиозным фейерверком. Анна Петровна после родов еще недомогала и потому лежала у себя в опочивальне, не принимая участия в торжествах. Но когда она увидела за окнами своей спальни всполохи огней и россыпи звезд фейерверка, то, не удержавшись от соблазна полюбоваться всем этим, встала с постели и настезь распахнула одно из окон. Сильный холодный ветер ворвался в комнату

– за окном стоял февраль, – и герцогиня простудилась. На следующий день она заболела воспалением легких и через десять дней умерла.

Торжества и в Киле, и в Петербурге сменились глубоким трауром, особенно же скорбел овдовевший Карл-Фридрих, ибо со смертью жены сильно уменьшались его собственные шансы возвращения в большую европейскую политику, так как петербургский двор становился для него почти недостижим, по крайней мере до совершеннолетия его сына-младенца.

Падение всесильного фаворита

А в Петербурге всесильный Меншиков укрепился еще больше. Избавившись от голштинской герцогской четы и выслав остальных не угодных ему сановников из Петербурга, он, казалось, достиг вершины могущества, но внезапно серьезно заболел и на несколько недель отошел от государственных дел.

Этого времени оказалось достаточно, чтобы Петр II, рано созревший и чувственный юноша, прочно подпал под влияние своей столь же чувственной и весьма распущенной семнадцатилетней тетки Елизаветы, которая ни на шаг не отходила от племянника, всячески поощряя его к распутству и пьянству. Ей помогали в этом товарищи Петра – такой же, как и он, подросток Александр Меншиков и великовозрастный, по сравнению с ними, восемнадцатилетний князь Иван Долгоруков.

Об этой золотой молодежи рассказывали невероятные вещи, приписывая им все возможные пороки. А когда Александр Меншиков официально был награжден орденом

Святой Екатерины, которого удостаивались только женщины, то пересуды о его отношениях с императором приобрели вполне определенное направление, получив вроде бы серьезное фактическое подтверждение.

Все это привело к тому, что Петр II совершенно остыл к Марии Меншиковой – девушке нравственной и гордой, носившей среди ровесников прозвище «мраморная статуя». Когда же будущий тесть попробовал приструнить распоясавшегося юнца, то тринадцатилетний император закусил удила и пошел на открытый разрыв со всесильным еще вчера временщиком.

Петр II дал распоряжение забрать из дома Меншикова императорские экипажи и личные свои вещи, а 7 сентября 1727 года приказал арестовать Светлейшего. Через два дня и сам Александр Данилович, и несостоявшаяся невеста Мария Меншикова, и все семейство генералиссимуса были отправлены в ссылку, пока еще в Рязанскую губернию, в роскошное имение Светлейшего – Раннебург.

И 11 сентября 1727 года Светлейший отправился в путь, сопровождаемый 127 слугами и обозом в 33 экипажа. Вскоре все имущество Меншикова было конфисковано. По сделанной описи Меншикову принадлежало: 90 тысяч душ крестьян, 6 городов, 4 миллиона рублей наличными и 9 миллионов в банках Лондонском и Амстердамском, бриллиантов и других драгоценностей еще на один миллион рублей, серебряной посуды три перемены, каждая из 288 тарелок и приборов, и 105 пудов, т. е. 1680 кг, золотой посуды.

Однако в Раннебурге Меншиковы пробыли недолго: 16 апреля 1728 года их всех отправили в Березов – богом забытый сибирский городишко, закинутый в болота и тундру более чем на тысячу верст севернее Тобольска.

Сначала Меншиковы жили в тюрьме, но потом Александр Данилович сам срубил дом и даже пристроил к нему часовенку. Однако жить ему оставалось совсем немного. 12 ноября 1729 года он умер, разбитый параличом. А еще через месяц скончалась и его дочь Мария – бывшая царская невеста. Двое других детей Меншикова – сын и дочь – впоследствии были возвращены из ссылки только потому, что в банках Лондона и Амстердама хранилось девять миллионов рублей, которые могли быть выданы только прямым наследникам Меншикова. Это обстоятельство и заставило русское правительство вернуть брата и сестру Меншиковых в Петербург, и львиная часть вкладов в конце концов оказалась в руках государства и его высших сановников.

Конец царствования императора-ребенка

Избавившись от всевластного временщика, Петр II пустился во все тяжкие. Саксонский посланец Лефорт – племянник Франца Лефорта – в декабре 1727 года писал: «Император занимается только тем, что целыми днями и ночами рыскает по улицам с царевной Елизаветой и сестрой, посещает камергера (восемнадцатилетнего князя Ивана Долгорукого), пажей, поваров и бог весть еще кого.

Кто мог бы себе представить, что эти безумцы способствуют возможным кутежам, внушая царю привычки самого последнего русского. Мне известно помещение, прилегающее к бильярдной, где помощник воспитателя приберегает для него запретные забавы. В настоящее время он увлекается красоткой, бывшей прежде у Меншикова, и сделал ей подарок в пятьдесят тысяч рублей... Ложатся спать не раньше семи часов утра».

Беспрерывные попойки и ночные оргии не только подрывали не очень-то крепкое здоровье Петра II, но и сильно деформировали его характер. Он стал вспыльчивым, капризным, жестоким и упрямым.

Уже на следующий день после ареста Меншикова Петр II подписал манифест о коронации, а 9 января 1728 года выехал в Москву, чтобы по традиции совершить обряд венчания на царство в Успенском соборе Московского Кремля.

По дороге в Первопрестольную Петр заболел корью и две недели пролежал в постели, остановившись в Твери.

4 февраля наконец совершился его торжественный въезд в Москву, где старая русская аристократия, в большинстве своем ненавидевшая Петра I и благоговевшая перед памятью великомученика Алексея, встретила нового императора с неподдельной радостью и восторгом.

На волне этого приема самыми близкими людьми для Петра II оказались князья Долгорукие – Василий Лукич и Алексей Григорьевич, введенные в состав Верховного Тайного совета, а любовь юного императора к Москве оказалась столь велика, что он официально объявил ее единственной столицей.

Коронация состоялась 25 февраля 1728 года, а 29 ноября 1729 года Петр II обручился с княжной Екатериной Долгорукой и назначил день свадьбы с нею – 19 января 1730 года. Однако свадьбе не суждено было состояться: 7 января, менее чем за две недели до намеченного срока, четырнадцатилетний император сильно простудился, тут же заболел оспой и за день до свадьбы, не приходя в сознание, умер. Он не успел написать никакого завещания, и потому судьба российского престола снова оказалась весьма неопределенной.

* * *

В момент смерти Петра II возле него, в Лефортском дворце, кроме родственников, находились шесть человек: трое Долгоруких – Алексей Григорьевич, Василий Лукич и Михаил Владимирович, барон Андрей Иванович Остерман, князь Дмитрий Михайлович Голицын и генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин – брат царицы Марфы, жены царя Федора Алексеевича. Посоветовавшись друг с другом, они решили пригласить для обсуждения создавшейся ситуации еще и трех фельдмаршалов – князей Василия Владимировича Долгорукого, Михаила Михайловича Голицына, Ивана Юрьевича Трубецкого, а также морганатического мужа царевны Прасковьи Ивановны, сенатора и генерал-поручика Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова.

Первым заговорил Дмитрий Голицын, прямо заявивший, что дети Екатерины I не более чем выблядки Петра I и никаких прав на престол не имеют. Он же первым назвал в качестве претендентки на престол Курляндскую герцогиню Анну Ивановну. 19 января в десять часов утра Сенат, Синод и генералитет единогласно подтвердили принятое решение. После этого семь членов Верховного Тайного совета выработали условия, так называемые «кондиции», которые, по их мысли, должна была принять Анна Ивановна, прежде чем станет императрицей. По этим «кондициям» Анна Ивановна обязывалась: править страной вместе с Верховным Тайным советом; без его согласия не начинать войны и не заключать мира; передать в подчинение Верховному Тайному совету командование гвардией; не присваивать своей властью никаких чинов выше полковничьего; не употреблять государственные доходы для собственного пользования; не казнить без суда, по собственному произволу, никого из дворянства; не выходить замуж и не назначать себе преемника без согласия Верховного Тайного совета.

«Кондиции» завершались фразой: «А буде чего по сему обещанию не исполню, то лишена буду короны Российской».

Добавив к «Кондициям» письмо о том, что все это одобрено Сенатом, Синодом и генералитетом, чего на самом деле не было, Василий Лукич Долгорукий поехал в Митаву к Анне Ивановне.

Звездный час братьев Левенвольде

В предыдущих главах уже упоминалось, что в 1727 году, сразу после смерти Екатерины I, один из ее любовников, граф Рейнгольд-Густав Левенвольде уехал на свою родину – в Ливонию. Брат же его, граф Карл-Густав Левенвольде, остался в Петербурге и сделал после смерти Екатерины неплохую карьеру. Карл-Густав был камергером при Петре II и в связи с этим имел доступ ко многим государственным тайнам. Был он осведомлен и о замысле «верховников» ограничить самодержавную власть Анны Ивановны.

Как только Карл-Густав узнал об этом намерении, он тотчас же написал письмо своему брату Рейнгольду-Густаву, жившему под Ригой, и отправил послание с быстро-конным нарочным, который примчался к адресату, на сутки обогнав «верховников», медленно ехавших в каретах.

Рейнгольд-Густав, прочитав письмо и тоже не теряя ни минуты, сам понесся в Митаву к Анне Ивановне, чтобы вовремя предупредить ее о коварных планах Долгоруких «со товарищи».

Рейнгольд-Густав не только передал письмо, но и посоветовал Анне Ивановне подписать «кондиции», не показав вида, что она знает о чем-либо, а потом, в Петербурге, уничтожить эту бумагу. Анна Ивановна не забыла этой услуги братьев Левенвольде и, став императрицей, произвела Рейнгольда-Густава в обер-гофмаршалы, а Карла-Густава в генерал-поручики и генерал-адъютанты.

28 января 1730 года Анна Ивановна подписала «Кондиции» и на следующий день выехала из Митавы в Москву.

Анна Ивановна, «верховники» и Эрнст Бирон

Встретившие Анну Ивановну «верховники» с удовлетворением отметили, что Бирон не приехал с нею вместе, о чем специально просил ее Василий Лукич Долгорукий. Зато жена Бирона и его дети были рядом с нею, что было дурным предзнаменованием – вслед за женой в Москве мог появиться и муж.

На следующий день, 11 февраля, состоялись похороны Петра II, которые откладывались из-за ожидания приезда новой императрицы.

Когда похоронная процессия стала выстраиваться за гробом Петра II, его невесту Екатерину Долгорукую просто-напросто не подпустили к покойному, и «порученная невеста», как стали ее называть, осталась вся в слезах во дворце, а потом уехала к себе домой. Брат ее, князь Иван, был поставлен в середину процессии, хотя как ближайший друг покойного порывался встать сразу за гробом.

Все это красноречиво свидетельствовало о том, что звезда Долгоруких закатилась.

20 февраля в Успенском соборе Кремля Анна приняла присягу высших сановников империи и князей церкви, а 25 февраля при большом стечении московских дворян и гвардейских офицеров на клочки изорвала «кондиции», но все же пригласила «верховников» вместе со своими сторонниками к пиршественному столу, накрытому в Грановитой палате.

Во главе стола был поставлен малый императорский трон, и, пока собравшиеся устраивались на своих местах, императрица вдруг встала и сошла к князю Василию Лукичу Долгорукому. Вплотную приблизившись к нему, Анна Ивановна взяла князя двумя пальцами за большой нос и повела вокруг опорного столба, поддерживавшего своды Грановитой палаты.

Обведя Долгорукого вокруг столба, Анна Ивановна остановила его против портрета Ивана Грозного и спросила:

– Князь Василий Лукич, ты знаешь, чей это портрет?

– Знаю, государыня. Царя Ивана Васильевича.

– Ну, так знай, что я хотя и баба, но такая же буду, как и он. Вы, семеро дураков, собирались водить меня за нос, да прежде-то я тебя провела.

Через десять дней специальным Манифестом Анна Ивановна упразднила Верховный Тайный совет, а с течением времени все его члены оказались либо в ссылке, либо на плахе.

Сделавший более прочих для укрепления самодержавной власти офицер-преображенец Семен Андреевич Салтыков – двоюродный брат императрицы по матери, Прасковье Федоровне Салтыковой, на следующий же день после переворота стал генерал-лейтенантом, а вскоре и генерал-аншефом. Кроме того, он получил придворный чин гофмейстера и имение с десятью тысячами душ.

Теперь и Бирон мог приехать к своей возлюбленной, что он вскоре и сделал.

Анна Ивановна снова перенесла столицу в Петербург и со всем двором переехала на берега Невы, оставив Салтыкова генерал-губернатором и главнокомандующим Москвы, а 9 февраля 1732 года пожаловала ему и титул графа.

* * *

И все же Салтыков не стал первым сановником империи. Им несомненно являлся обер-камергер Анны Ивановны Эрнст-Иоганн Бирон, пока еще остававшийся Бюреном.

И в Митаве, и в Москве, и в Петербурге Бирон и его семья жили в одном дворце с Анной Ивановной. И до женитьбы Бирона, и после спальни герцогини Курляндской и ее фаворита находились рядом и соединялись дверью. То же самое было потом и в России. Казалось бы,

фаворит должен был сохранять абсолютную верность своей государыне или уж, во всяком случае, скрывать от нее свои похождения. Однако не тут-то было. Как и при дворе Петра I, Екатерины I и Петра II, ветреность и переменчивость сердечных привязанностей оставались неизменными в царствование Анны Ивановны. Правда, первое время Бирон был осторожен и не подавал императрице поводов к ревности. Но когда Анна Ивановна стала стареть и все чаще болеть, он увлекся по-прежнему влиятельной «конфиденткой» – доверенной подругой и наперсницей Елизаветы Петровны, уже знакомой нам Маврой Егоровной Шепелевой, которая после смерти Анны Петровны возвратилась из Киля в Петербург и снова перешла к цесаревне в прежнем своем качестве – «фрейлины двора Ее Императорского Высочества». Шепелева была умна, богата, но некрасива, хотя последнему ее качеству мало кто из мужчин придавал значение, вполне довольствуясь двумя первыми. Кроме того, она слыла большой искусницей в альковных делах, а эту сторону женского нрава мужчины всегда считали наизначительнейшей. Что же касается ее влияния на Елизавету Петровну, то здесь Мавра Егоровна не имела равных.

Всего этого в совокупности оказалось вполне достаточно, чтобы Эрнст Бирон, имевший свои политические, и не только, виды на цесаревну, стал любовником Шепелевой, а вскоре уже и искренне, насколько он был на это способен, полюбил ее.

Анна Ивановна знала об их романе, сердясь, называла Шепелеву не иначе, как «Маврушка», но ничего поделать не могла, хотя однажды не постеснялась прибегнуть к помощи нелюбимой кузины, чтобы образумить изменника. В одном из немногих писем Елизавете Петровне раздосадованная Анна Ивановна писала: «Герцог и Маврушка окончательно опошлились. Он ни одного дня не проводит дома, разъезжает с нею совершенно открыто в экипаже по городу, отдает с нею вместе визиты и посещает театры».

Разумеется, что амурные похождения фаворита были не самым важным его делом: для Бирона на первом месте всю жизнь стояла «одна, но пламенная страсть» – обладание властью. И чем более безграничной была эта власть, тем более счастлив он был. Все же иные свои стремления, увлечения и привязанности Бирон ставил в прямую зависимость от того, способствуют ли они достижению его главной цели – безграничной, практически самодержавной, власти. Он хорошо понимал, что одного влияния на императрицу, хотя и беспредельного, недостаточно, как недостаточно и признания его первым сановником империи со стороны российских министров и фельдмаршалов. Требовалась еще и известность в этом качестве при важнейших иноземных дворах.

Курляндское захолустье не могло сделать Бирона широко известным в Европе, во всяком случае в Европе Западной. Но после приезда в Россию Анна сделала его сначала камергером, а потом и обер-камергером своего двора, затем выхлопотала у австрийского императора титул графа и наконец наградила фаворита орденом Андрея Первозванного. Иноземные дворы, союзные России, последовали примеру Австрии, поднося Бюрену ордена и иные знаки отличия. Тогда-то Бюрен и стал известен в Западной Европе, в том числе и во Франции, как Бирон, где среди французских аристократов блистала фамилия герцогов де Биронов.

После того как Эрнст-Иоганн в 1737 году стал герцогом Курляндским, французский герцог Бирон учтиво поздравил своего очевидно искусственного однофамильца, но все же спросил его, в каком родстве находятся их герцогские династии? Эрнст-Иоганн не ответил на это письмо.

* * *

Следом за фаворитом вскоре приехали в Россию и два его брата – старший и младший.

Старший брат Бирона, Карл, еще в ранней молодости поступил на русскую службу, но вскоре попал в плен к шведам. Карл бежал из плена и, вступив в польскую армию, дослу-

жился до подполковника. Как только Анна Ивановна стала императрицей, Карл приехал в Москву и был удостоен чина генерал-аншефа и должности военного коменданта Москвы. Однако образом дисциплины военный комендант не был: из-за постоянных драк в пьяном виде Карл Бирон получил так много ран и увечий, что стал инвалидом и вследствие этого оказался неспособным к службе.

Младший брат герцога, Густав, приехал в Россию тоже из Польши и тоже из военной службы. И появился при дворе Анны Ивановны одновременно с Карлом. Сначала Густаву был дан чин майора гвардии, а потом, очень скоро, и генерал-аншефа.

Он не отличался ни умом, ни храбростью, и если бы не его знаменитый брат, то о нем не осталось бы ни следов, ни памяти.

Крушение фаворита повлекло за собою арест и ссылку обоих его братьев, которые и потом разделяли участь Эрнста-Иоганна. Но об этом – чуть позже.

* * *

Вырвавшись из митавского захолустья, Анна Ивановна с головой окунулась в роскошь и удовольствия. Однако удовольствия были грубыми и довольно однообразными, а развлечения скорее напоминали утехы средневековых восточных владык, нежели европейский поли-тес XVIII века. Единственное, чем отличалась от своих предшественников Анна Ивановна в лучшую сторону – это тем, что она не любила пьянства.

Двор был забит юродивыми и приживалками, ворожеями и шутами, странниками и предсказателями. В шуты не гнушались идти князь Голицын, князь Волконский, родственник царицы Апраксин, гвардейский офицер Балакирев.

День новой императрицы проходил так.

Вставала Анна Ивановна в семь утра, ела за завтраком самую простую пищу, запивая ее пивом и двумя рюмками венгерского вина. Гуляла за час до обеда, который был в полдень, и перед ужином – с четырех и до половины девятого, а затем полтора часа ужинала и в десять часов ложилась спать.

День ее был заполнен игрой в карты, разговорами и сплетнями с приживалками и гадалками, разбором драк шутов и дураков.

Очень любила она стрельбу из ружей и была столь в ней искусна, что на лету била птицу. Во всех ее комнатах стояло множество заряженных ружей, и Анна стреляла через открытые окна в сорок, ворон и даже ласточек, пролетающих мимо.

В Петергофе был заложен для нее зверинец со множеством зайцев и оленей, завезенных из Германии и Сибири. Если заяц или олень пробегали мимо ее окон, участь их была решена – Анна Ивановна стреляла без промаха.

Для нее был сооружен и тир, и императрица стреляла по черной доске даже зимой при свечах. Остаток дня проводила она в манеже, обучаясь верховой езде, в чем ей очень способствовал Бирон, пропадавший в манеже и в конюшне целыми днями.

Летом же Анна Ивановна превращалась в страстную охотницу, выезжавшую со сворой гончих на травлю зайцев и лис, на ловлю зверей в силки и капканы, чтобы затем перевести своих четвероногих пленников в дворцовый зверинец.

Государственные же дела были у Анны Ивановны в таком же загоне, как и у Екатерины I и у Петра II. Ими занимались Бирон, Остерман, Миних и Артемий Петрович Волынский. О фактическом правителе России, герцоге Бироне, уже и при его жизни сложилось противоречивое мнение. Одни считали его глупцом и грубияном, другие – истинно государственным человеком.

Австрийский посол при Петербургском дворе граф Остейн сказал как-то о Бироне: «Он о лошадях говорит, как человек, а о людях, как лошадь». Однако было бы чересчур опрометчиво полагать, что Бирон был

глуп или бездарен. Сохранилось много доказательств и его высокой образованности, и ума, и, если было нужно, такта.

* * *

Приехав в Россию, Анна начала с того, что оправила в ссылку всех Долгоруких с женами и детьми. Фамилия была велика и потому разнообразна и в отношении к случившемуся, и в характерах, и в судьбах. Автор не имеет возможности в этой книге рассказать о каждом из них, тем более что история рода князей Долгоруких не имеет отношения к брачным сюжетам Романовых с немецкими династиями. Кратко коснемся лишь роли немцев, которую играли они в России того времени. Укрепляя доставшуюся ей власть, Анна Ивановна восстановила Сенат, а 18 октября 1731 года по инициативе Остермана был образован Кабинет министров «для лучшего и порядочнейшего отправления всех государственных дел, подлежащих рассмотрению императрицы». Будучи Советом при императрице, Кабинет министров обладал широкими правами в области законодательства, управления, суда и контроля за всеми государственными учреждениями в столице и на местах.

В его состав вошли три кабинет-министра: граф Гавриил Иванович Головкин, родственник матери Петра I Натальи Кирилловны Нарышкиной, при Петре I канцлер и президент Коллегии иностранных дел, князь Алексей Михайлович Черкасский, сенатор и один из активнейших врагов «верховников», и граф Андрей Иванович Остерман, фактический руководитель русской внешней политики во все годы правления Анны Ивановны.

В 1735 году по указу императрицы подписи всех трех кабинет-министров равнялись ее собственной подписи. После смерти Головкина его место в Кабинете занимали последовательно Павел Иванович Ягужинский, Артемий Петрович Волынский и ближайший сподвижник Бирона Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. По властным прерогативам Кабинет министров стал верховным учреждением государства, отодвинув Сенат на второе место.

Выдающиеся немцы – вице-канцлер Остерман и фельдмаршал Миних

Теперь настала пора хотя бы кратко рассказать и о двух выдающихся деятелях эпохи Анны Ивановны – Генрихе-Иоганне, на русский манер Андрее Ивановиче, Остермане и фельдмаршале Бурхарде-Христофоре Минихе. Первый из них был видным соратником Петра I. Остерман поступил на русскую службу еще в 1703 году, в Амстердаме. Он и тогда уже был одним из самых образованных сотрудников Посольского приказа, а впоследствии сделал блестящую дипломатическую карьеру, подписав Ништадтский мир и став в тридцать семь лет вице-президентом Коллегии иностранных дел. Он вовремя отошел от «верховников» и тем сохранил свое влияние на Анну Ивановну и Бирона. Миних, прозванный на русский лад Христофором Антоновичем, начал службу в России намного позже Остермана – с 1721 года. Петр I сразу же дал Миниху звание инженер-генерала и поручил ему строительство шлюза на реке Тосне и прокладку двух каналов – Обводного и Ладожского. В 1728 году Миних был назначен генерал-губернатором Ингерманландии, Карелии и Финляндии, тогда же получив и графский титул, а с воцарением Анны Ивановны стал фельдмаршалом и Президентом Военной коллегии, обойдя по должности шестерых фельдмаршалов, имевших перед ним преимущество в старшинстве. Миних обладал крутым характером, был смел, жесток, талантлив в воинском деле и с успехом командовал армией, воюя в Польше, а также против татар и турок – в Крыму и Бессарабии.

Благодаря военным успехам в Польше, к власти в этой стране пришел угодный России Август III, предоставивший трон Курляндского герцогства Бирону. А военные успехи на юге, в борьбе против татар и турок привели к захвату армией Миниха Крыма. Прорвавшись через Перекоп, русские войска 17 июня 1736 года заняли столицу Крымского ханства – Бахчисарай, но из-за недостатка провианта, воды и начавшихся болезней вынуждены были отойти на Украину. Следующим летом войсками Миниха были взяты Очаков и Азов. И снова из-за эпидемии чумы русские вынуждены были оставить занятые ими позиции и вернуться на Украину. И все же по Белградскому мирному договору, подписанному 18 сентября 1739 года, Россия возвращала себе Азов и получала право на строительство крепости на Дону, на острове Черкасе.

Мекленбург-Шверинская герцогиня Анна – наследница русского трона

5 октября 1740 года императрица Анна Ивановна слегла, страдая сразу множеством тяжелейших болезней – воспалением костей, цингой, подагрой и каменной болезнью в почках. Главная проблема, занимавшая ее во время болезни, была проблема престолонаследия.

Из-за острой и стойкой неприязни к цесаревне Елизавете Петровне умирающая считала единственной наследницей российского трона племянницу Анну Леопольдовну – дочь своей родной сестры Екатерины Ивановны и герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского.

Екатерина Ивановна, дочь царя Ивана Алексеевича и родная племянница Петра I, была выдана замуж, когда ей исполнилось двадцать четыре года. Мы встречались с нею весной 1716 года. Екатерина Ивановна только-только приехала в Шверин, как к ней пожаловал ее дядюшка Петр Алексеевич и совершенно бесцеремонно утащил ее на глазах молодого мужа в спальню.

И этот эпизод, и некоторые другие пассажи такого же свойства не могли способствовать любви Карла-Леопольда к Екатерине Ивановне. К тому же герцог был мелочен, сварлив и деспотичен, а Екатерина Ивановна – вольнолюбива, независима и горда своим царским происхождением. На первых порах жизнь супругов перемежалась ссорами и примирениями и полтора-два года была кое-как терпима.

7 декабря 1718 года у них родилась дочь, которую крестили по протестантскому обряду и нарекли Елизаветой-Христиной. После ее рождения семейная жизнь Карла-Леопольда и Екатерины Ивановны вконец разладилась, и после трех лет мучений Екатерина Ивановна, забрав с собою трехлетнюю дочь, уехала в Россию.

Петр встретил ее неприветливо, и Екатерина Ивановна поселилась у своей матери, пятидесятишестилетней вдовы царя Ивана – Прасковьи Федоровны, урожденной Салтыковой.

И Екатерина Ивановна, и Прасковья Федоровна были плохо образованы, суеверны, почитали за грех чтение богопротивных, еретических нецерковных книг, и потому маленькую Елизавету-Христину обучили только православному катехизису и началам богословия, тем более что она должна была переменить религию и креститься еще раз по православному обряду.

Так дело шло до восшествия на престол ее родной тетки, бездетной Анны Ивановны, которая сохраняла старый, полувековой уже, но все еще непреодолимый антагонизм между Милославскими и Нарышкиными и, будучи сама по бабке Милославской, хотела сохранить трон за своей кровной родней, отказывая в этом родственникам Нарышкиных.

Поэтому, вступив на престол, Анна Ивановна приблизила к себе единственную племянницу и стала подготавливать ее к наследованию престола. В православии ее наставником был Феофан Прокопович – образованнейший богослов, один из высших иерархов русской церкви, автор «Истории об избрании и восшествии на престол государыни Анны Иоанновны», которую он считал продолжательницей дела Петра Великого, чьим непоколебимым сторонником был до конца своих дней. Прокопович подготовил Анну Леопольдовну к крещению по православному обряду.

С другими науками дело обстояло похуже. Анна Леопольдовна выучила немецкий и французский языки, пристрастилась к чтению светских книг, но дальше дело не пошло – девочка плохо усваивала и географию, и арифметику, и историю.

Когда ей исполнилось двадцать лет, встал вопрос о замужестве. Поиском жениха занялся Левенвольде и вскоре представил две кандидатуры – Бранденбургского марк-графа Карла и Брауншвейг-Беве́рн-Люнебургского принца Антона-Ульриха. Из политических соображений Карл был отвергнут, ибо за ним стояла Пруссия, сближение с которой было нежелательно, а за Антоном-Ульрихом стояла Австрия, так как он доводился племянником австрийскому императору Карлу VI, что представлялось намного предпочтительней.

Появление в России принца Антона-Ульриха Брауншвейг-Беверн-Люнебургского

Выбор был сделан в пользу Австрии, и 28 января 1733 года Антон-Ульрих приехал в Россию. 12 мая того же года жених присутствовал при крещении невесты по православному обряду, когда Елизавета-Христина получила имя Анны Леопольдовны, разумеется, в честь ее крестной матери императрицы Анны.

Однако со свадьбой не торопились из-за совершенно очевидной холодности и даже враждебности Анны Леопольдовны к навязанному ей жениху. Сторонники принцессы объясняли это юностью невесты – ей шел всего лишь пятнадцатый год, и на этом основании решили отложить свадьбу до ее совершеннолетия. А дело было не в возрасте, а во вкусах невесты – Антон-Ульрих был низкого роста, хрупок и женоподобен, сильно заикался, а его мягкость и податливость воспринимались как бесхарактерность и трусость.

Решение было разумным, потому что и жених тоже был еще молод – ему сравнялось только восемнадцать, и императрица считала, что со временем все образуется и жених с невестой привыкнут друг к другу.

А пока решено было отдать принца в военную службу, и здесь оказалось, что он и расторопен, и смел, и любим своими солдатами.

В 1735 году, когда Анне Леопольдовне шел семнадцатый год, она вдруг влюбилась в тридцатипятилетнего саксонского посланника при петербургском дворе, красавца и щеголя, графа Линара. Екатерина II, увидевшая Линара через пятнадцать лет, так обрисовала его: «По внешности это был в полном смысле фат. Он был высокого роста, хорошо сложен, рыжевато-белокурый, с нежным, как у женщины, цветом лица. Говорят, что он так ухаживал за своей кожей, что каждый день перед сном покрывал лицо и руки помадой и спал в перчатках и маске. Он хвастался, что имел восемнадцать детей и что все их кормилицы могли заниматься этим делом по его милости. Граф Линар имел белый дамский орден и носил одежду самых светлых цветов – небесно-голубого, абрикосового, лилового, телесного».

А ведь речь шла о пятидесятилетнем селадоне. Что же можно было рассказать о Линаре пятнадцатью годами раньше?

Разумеется, Анна Ивановна вскоре узнала об этом и выслала графа обратно в Саксонию.

Между тем Антон-Ульрих дослужился до чина полковника и стал командиром кирасирского полка. В 1737 году он, поступив под команду фельдмаршала Миниха, принял участие в войне с Турцией и отличился при штурме Очакова. Принц все более укреплялся в глазах императрицы как достойный претендент на руку ее племянницы, и наконец 3 июля 1739 года, после шестилетнего пребывания в России Антона-Ульриха в ранге жениха, была сыграна его свадьба с Анной Леопольдовной, и он стал ее мужем.

Рождение императора и смерть императрицы

12 августа 1740 года у Антона-Ульриха и Анны Леопольдовны родился сын, названный Иваном. В это время императрица была уже сильно озабочена вопросом о престолонаследии из-за того, что часто болела, и потому поспешила стать крестной матерью младенца, еще раз подчеркнув его близость к своей августейшей особе. После крестин Анна Ивановна тут же забрала младенца к себе во дворец и поместила его в покои рядом с собственной спальней. 5 октября того же года, когда мальчику еще не было и двух месяцев, Анна Ивановна слегла в постель, потеряв всякую надежду на выздоровление. И первое, что она сделала, почувствовав себя на пороге смерти, – объявила в манифесте, что Иван Антонович является Великим князем с титулом Императорского Высочества и объявляется наследником российского престола.

А через одиннадцать дней, чувствуя, что кончина ее совсем близко, императрица подписала еще один манифест, которым назначала регентом при Иване Антоновиче герцога Бирона. Не отец младенца – герцог Брауншвейг-Люнебургский Антон-Ульрих, и не мать младенца – Анна Леопольдовна, Великая княгиня, внучка законного русского царя Ивана Алексеевича, были объявлены регентами, а курляндский выходец сомнительного происхождения, к тому же не пользовавшийся симпатиями многих сановников империи.

В этом была заложена мина замедленного действия, и она вскоре сработала.

Подписав манифест, Анна Ивановна попрощалась с каждым из собравшихся у ее постели, последним удостоив Миниха.

– Прощай, фельдмаршал. Простите все, – сказала она и умерла.

Падение герцога Бирона

На следующий день, 18 октября 1740 года, все присягнули новому императору-младенцу и его регенту. Но на этом тихое и благополучное для Бирона развитие событий кончилось. Гвардия открыто призвала к его свержению, называя регентами при Иване VI или мать, или отца императора. На сторону гвардейцев стали и Антон-Ульрих, и Анна Леопольдовна, а первым и важнейшим действующим лицом неминуемого переворота сделался главный соперник Бирона фельдмаршал Миних.

Он действовал решительно и энергично. В ночь с 8 на 9 ноября Миних с тремя десятками преображенцев и со своим адъютантом Манштейном пришел в Летний дворец, где жили регент и его жена, и арестовал их. В ту же ночь были арестованы братья Бирона и его немногочисленные сторонники.

Во время всего переворота не произошло ни единого выстрела, и к шести утра все было кончено. А уже в восемь утра всех взятых под стражу в арестантских каретах повезли в Шлиссельбург.

Регенство, продолжавшееся двадцать два дня, закончилось. На смену ему пришло новое правление, в котором роль регентши должна была играть Анна Леопольдовна. Но и ее правление оказалось очень недолгим. Однако в день переворота этого никто еще не знал.

Как только Бирона и его прозелитов отвезли в Шлиссельбург, тотчас же приступили к конфискации его имущества, находившегося в Петербурге.

Утверждали, что он накопил денег и драгоценностей на 14 миллионов рублей. Среди вещей был у его жены и туалетный стол из чистого золота, украшенный драгоценными камнями. Все дома Бирона в Курляндии были опечатаны, но дружественно настроенный к опальному герцогу польский король Август III попросил пока что ничего не трогать.

Король просил и о высылке Бирона из России в Курляндию, но получил отказ, ибо, как ему было сказано, вины Бирона велики и неисчислимы. Когда же был наконец составлен приговор, то его читали народу в церквах три воскресенья подряд. Бирона обвинили во всех смертных грехах, но прежде всего в том, что он покушался на жизнь покойной императрицы, что сам написал акт о передаче ему власти, а также в многократных случаях превышения власти. 8 апреля 1741 года его приговорили к четвертованию, но Анна Леопольдовна заменила мучительную смерть вечной ссылкой в Пелым, на Северный Урал, за три тысячи верст от Петербурга.

Там быстро выстроили четырехкомнатный дом по чертежам, сделанным лично Мини-хом – вот где пригодились ему знания инженера, – не подозревавшим, что в этом самом доме вскоре придется очутиться ему самому и прожить в нем двенадцать лет. Но пока дом предназначался для Бирона и его семьи. В соседних домах были поселены шестеро слуг, а содержание от казны оказалось весьма щедрым – 450 рублей в месяц.

Регентша российской короны Анна Леопольдовна

Очередная «коронная перемена», произошедшая в Петербурге, отдала судьбу России в руки двадцатидвухлетней женщины – ленивой, чувственной и весьма недалекой.

Анна Леопольдовна почти все время валялась в постели, читая душещипательные романы и постоянно беседуя со своей возлюбленной фрейлиной Юлией Менгден, о которой ходил упорный слух, что она и регентша – лесбиянки. Возможно, такой слух распространился из-за того, что Анна Леопольдовна могла сутки напролет проводить время в одной постели с Юлией Менгден. И хотя многие современники утверждали, что это – не порочная любовь, а платонические чувства двух близких друг другу душ и сердец, все же находились и такие, которые утверждали обратное. Как бы то ни было, но обе женщины не могли и часа провести друг без друга и постоянно находились рядом.

Как только Анна Леопольдовна превратилась в первую персону в государстве, она стала делать то, чего раньше делать не могла из-за покойной императрицы. Первым делом возле нее появился граф Линар. На сей раз его амурная игра была несколько усложнена – граф, приехав в Петербург, продолжал при каждом удобном случае выказывать глубочайшую влюбленность в Анну Леопольдовну, но одновременно откровенно волочиться и за Юлией Менгден.

Наконец, с благословения регентши, он сделал предложение ее фрейлине, но было решено, что они останутся пока втроем, ибо невозможно было разлучить двух любящих женщин. Таким образом, возник классический треугольник, впрочем, вскоре распавшийся, ибо Линар срочно уехал в Дрезден, взяв с собой кучу денег и шкатулку с бриллиантами, которые, как говорили, он повез дрезденским ювелирам для того, чтобы сделать корону для Анны Леопольдовны, желавшей превратиться из регентши и Великой княгини в Российскую императрицу.

Во время поездки Линар получал нежнейшие письма от Анны Леопольдовны, а в Петербурге уже видели в нем нового Бирона и полагали, что Антон-Ульрих вскоре станет не более чем марионеткой в руках всемогущего фаворита.

Пока Линар занимался ювелирными забавами, в верхних этажах власти начались новые баталии. Миних, арестовавший Бирона и занявший пост Первого министра, продолжая оставаться и Президентом Военной коллегии, стал внушать Остерману и его сторонникам большие опасения из-за почти неограниченной власти, сосредоточившейся в его руках. Чтобы создать фельдмаршалу достаточно серьезный противовес, Антону-Ульриху присвоили звание генералиссимуса, князю Алексею Михайловичу Черкасскому – генерал-адмирала, и таким образом Миних перестал быть бесспорно первым военным России. К тому же его противниками были и регентша, и, что не менее опасно, граф Остерман – хитрый, умный, очень осторожный и дальновидный политик. Воспользовавшись тем, что Миних в декабре 1740 года заболел, Остерман сумел внушить регентше мысль, что это – надолго, что фельдмаршал не только болен, но и стар и нуждается в покое от непосильных для него государственных дел.

С этого момента Брауншвейгская чета начала откровенно пренебрегать Минихом: регентша не принимала его, отсылая к мужу, а тот, если и удостоивал фельдмаршала краткой и холодной аудиенции, то подчеркнуто вел себя с ним, как с подчиненным, давая понять старому воину, что перед ним не только герцог, но и генералиссимус. Не выдержав нового для себя унижительного положения, Миних в марте 1741 года подал в отставку, и она была принята.

За всеми этими коллизиями внимательно следили все противники Брауншвейгской фамилии и ее окружения. А ими прежде всего были гвардейские офицеры. Они сделали

ставку на цесаревну Елизавету Петровну и составили «комплот», как на французский манер именовали тогда заговор.

Подготовка заговора против Брауншвейгской фамилии

Брауншвейгская фамилия, ее немецкие и русские сторонники располагали кое-какими сведениями о готовящемся заговоре, но, как минимум, недооценивали его опасности для себя. Остерман знал, что одним из заговорщиков является французский посол, маркиз Иоахим-Жак де Шетарди, имевший прямое указание своего правительства всячески способствовать приходу к власти Елизаветы Петровны. Другим иностранным дипломатом, сориентированным на то же самое, был извечно враждебный России шведский посол Нолькен, становившийся таким образом естественным союзником де Шетарди.

Хуже обстояло у правительства дело с осведомленностью о своих собственных, отечественных заговорщиках. По-видимому, подозреваемых было много, так как в гвардии каждый второй мог почитаться сторонником Елизаветы, и потому никаких действий до поры до времени не предпринимали.

Весной 1741 года в Петербурге распространились слухи о раскрытии заговора, об ожидаемом заключении Елизаветы в монастырь и даже о ее предстоящей казни. Говорили, что Елизавета и ее очередной фаворит – Семен Кириллович Нарышкин – тайно обвенчались, и теперь у новой августейшей четы появилось намерение овладеть российским тронem. Дело кончилось, однако, не тюрьмой, а высылкой Нарышкина в Париж.

Разговоры прекратились, когда 24 июля 1741 года началась очередная война России со Швецией, и общественное мнение теперь оказалось полностью поглощено военными действиями, происходившими неподалеку от Петербурга. Но война – войной, а заговор – заговором. Тем более что в него потихоньку вовлекались все новые люди, среди которых немало важную роль стал играть и еще один иностранец – лейб-медик Елизаветы Петровны Арман Лесток.

Француз-протестант Иоганн-Герман Лесток, на французский лад – Арман, в России – Иван Иванович, родился в Ганновере, куда его родители уехали из-за религиозных преследований. Его отец – искусный хирург, ставший в Ганновере врачом герцога Люнебургского, обучил своему ремеслу и Иоганна-Германа, сразу же проявившего немалые к тому способности.

Однако молодому Лестоку было тесно в немецкой провинции, и он уехал в Париж, вступив врачом во французскую армию. Но здесь молодому, красивому, жадному до удовольствий и бедному лекарю хронически не хватало денег. К тому же Лесток был безудержный волокита и повеса, и его амурные приключения следовали беспрерывно. Страдая от бедности и невозможности удовлетворить свои желания, он отправил в 1713 году письмо в Петербург, предлагая свои услуги хирурга, и получил приглашение из Аптекарской канцелярии при Коллегии иностранных дел. По приезде в Россию он был представлен Петру I и так понравился царю своим нравом, внешностью, образованностью, что тут же был назначен лейб-хирургом Его Величества. Лесток вскоре стал своим человеком у царя и царицы и завсегдатаем их застолий. А когда Петр и Екатерина в 1716 году более чем на год отправились за границу, Лесток был назначен лейб-хирургом Екатерины и провел рядом с нею все путешествие, давая немало поводов к довольно нескромным пересудам.

По возвращении в Петербург молодого хирурга неожиданно постигла немилость царской семьи, и Петр велел Лестоку немедленно покинуть Петербург и уехать в Казань для занятий все тем же ремеслом. Причиной опалы стало желание Лестока поухаживать за женой и дочерьми любимого шута Петра I, испанского еврея д'Акосты. Шут не стал жаловаться царю, а посадил жену и дочерей под домашний арест в дом его соседа кухмистра

Матиса, а Лестоку сказал, что если тот еще раз появится возле дома, то он прикажет побить кавалера палками. Лесток все же решил переговорить с одной из дочерей д'Акосты, желая сделать ей официальное предложение руки и сердца, но не успел он войти в дом, как на него напали четыре человека и, повалив на землю, начали избивать его, отняли у него парик, часы, бумажник и футляр с хирургическими инструментами. А потом отвели Лестока под стражу, откуда он попал в Преображенский приказ, где и просидел под караулом четыре месяца.

Начальник приказа, знаменитый Андрей Ушаков, докладывая Петру, отметил, что ни в чем другом Лесток не виноват, а кроме того, из-за четырехмесячной отсидки в тюрьме «он в великой десперации находится, опасно, дабы не учинил какой над собой причины». И предложил ограничиться ссылкой Лестока в Казань.

Через четыре года, как только Петр I умер, Екатерина I тут же вернула своего лейб-хирурга в Петербург и приставила его к цесаревне Елизавете. С этих пор Лесток прочно вошел в высший петербургский свет, сохранив прекрасные отношения и со старой московской знатью. Умел он ладить и с Бироном, и с Остерманом, и с кабинет-секретарем Артемием Волынским, который конфиденциально читал ему свои секретные сочинения «Генеральное рассуждение о поправлении внутренних государственных дел» и «Записку о недостойности окружающих императрицу людей и о печальном положении людей достойных», за что незадолго до смерти Анны Ивановны, в апреле 1740 года, был обезглавлен. Не попав вместе с Волынским на плаху и даже избежав ссылки, Лесток опасался новой опалы, гораздо худшей, чем прежняя, и потому примкнул к заговору, составленному сторонниками Елизаветы, а вскоре стал играть в нем одну из ведущих ролей.

По роду своей профессии он был вхож в любой дом, а благодаря хорошему знанию нескольких языков незаменим в сношениях с иностранцами. По этой причине он стал посредником между французским послом де Шетарди и шведским Нолькеном, которые, по указанию своих правительств, должны были всемерно содействовать свержению Брауншвейгской фамилии и переходу власти к Елизавете Петровне из соображений собственной выгоды Франции и Швеции.

Маркиз де Шетарди прибыл в Петербург в 1739 году, а более-менее сблизился с Елизаветой лишь после падения Бирона, в конце 1740 года, но и тогда вел себя с ней крайне сдержанно и осторожно, так как еще не имел инструкций своего министра иностранных дел. От союзного Франции шведского посла Шетарди узнал, что на организацию заговора Швеция ассигновала сто тысяч червонцев. И хотя солидность суммы говорила и об основательности намерений, и о достаточной прочности задуманного предприятия, но долгое время прошло в колебаниях, проявляемых обоими иностранными заговорщиками.

Так обстояло дело до последней декады ноября 1741 года, когда в действие вступило испытанное средство неожиданных и насильственных «коронных перемен» – петербургская гвардия.

Толчком к совершению государственного переворота послужили два обстоятельства. Во-первых, 23 ноября на куртаге (торжественном приеме), состоявшемся в Зимнем дворце, Анна Леопольдовна сказала Елизавете, что попросит отозвать Шетарди во Францию, а Лестока прикажет арестовать.

Во-вторых, 24 ноября гвардии было приказано выступить в поход к Выборгу, где шли военные действия против шведов. Да и чисто по-человечески можно было вполне понять нежелание гвардейцев уходить в самом начале зимы из теплых петербургских квартир под Выборг. А кроме того, Елизавета и ее сторонники-гвардейцы не без оснований опасались, что если они покорно уйдут из столицы, то заговор, лишенный своей единственной серьезной опоры, будет немедленно разгромлен.

И в этих обстоятельствах решающую роль сыграли не холодность расчета, не полная готовность заговорщиков, а, как это ни парадоксально, трусость Лестока, более всего бояв-

шегося пыточного каземата Петропаловской крепости. Он ежечасно торопил Елизавету и пугал ее тем, что и она разделит его участь и будет не просто насильно пострижена и навечно заточена в монастырь или пожизненно заключена в крепость, но и, возможно, повешена.

Лесток рассказывал, что поздним вечером 24 ноября 1741 года он в последний раз пришел к Елизавете и положил перед нею две игральные карты. На одной из них Лесток нарисовал цесаревну в короне и мантии, на другой – ее же в монашеском клобуке и черной рясе, стоящей под виселицей.

Взглянув на рисунки Лестока, Елизавета решила. Переворот начался.

Долгий пролог к молниеносному действию

Мы расстались с Елизаветой Петровной после того, как в Москву на коронацию приехала Анна Ивановна, настолько не любившая свою двоюродную сестру, что порой даже подумывала о ее аресте и заточении в крепость.

Немаловажно заметить, что такие идеи подавал Анне Ивановне Миних, а Бирон и Остерман возражали против этого. Особенно категорическим противником ареста Елизаветы Петровны был Бирон, что впоследствии отразилось на его судьбе. Впрочем, на судьбах Миниха и Остермана их отношение к Елизавете Петровне тоже сказалось должным образом. Но об этом – чуть впереди.

Близкие ей люди утверждали, что Елизавета Петровна спаслась от тюрьмы и ссылки вследствие веселого, легкомысленного нрава, а также своей удивительной необразованности. До конца дней своих она, например, так и не поверила, что Англия – это остров (действительно, что за государство на острове!).

В «Записке о воцарении Екатерины II» граф Никита Панин, говоря об Елизавете Петровне, замечал: «Государыня эта была очень умна от природы, но столь мало образованна, что недостатком образования выделялась даже среди женщин».

Зато внешне цесаревна была необыкновенно хороша и по справедливости считалась одной из красивейших женщин России. По словам одного современника, во время коронации Анны Ивановны принцессу Елизавету разглядел некий гамбургский профессор, который «от красоты ее сошел с ума и вошел обратно в ум, только возвратившись в город Гамбург».

Восторг, приведший некоего гамбургского профессора к безумию, разделяли по отношению к цесаревне почти все, кто ее видел. Ее бесспорно считали одной из самых красивых, буквально умопомрачительных женщин России. Видный русский историк, прекрасный знаток XVIII века В. А. Бильбасов так писал о Елизавете Петровне: «Стройная, с густою каштановою косою и темными бровями, оттеняющими большие голубые глаза, с привлекательною улыбкой, легко переходившей в шаловливый смех, выказывавший строй белых зубов, всегда приветливая с чужими, ласковая с близкими, живая, любезная, веселая, цесаревна Елизавета Петровна производила чарующее впечатление.

Враждебно относившийся к цесаревне испанский посланник герцог де Лириа называл ее красоту сверхъестественной. Французские резиденты Лави и Кампредон считали ее красавицей...

Трудно пересчитать все проекты брачных союзов, составлявшихся ради Елизаветы Петровны, всех искателей ее руки и счастливцев, избранных ее сердцем».

Во всяком случае, ее сватали и за Людовика XV, и за трех французских герцогов, и за семерых германских принцев, и за наследника португальского престола, и за сына персидского шаха Надира, не считая русских претендентов – ее племянника Петра II и двух князей – Ивана Долгорукого и Алексея Александровича Меншикова, единственного сына всесильного фаворита.

Что же касается «счастливцев, избранных ее сердцем», то наиболее близкими и любимыми ею были не короли и принцы, а чаще всего люди простого звания.

Первым галантом цесаревны считается Александр Борисович Бутурлин, солдат гвардии, определенный в Морской шляхетский корпус. Выпущенный из него мичманом, Бутурлин был взят царем Петром в денщики. После смерти Петра Екатерина I обратила на него свое благосклонное внимание и в 1725 году сделала Бутурлина гоф-юнкером двора своей дочери – цесаревны Елизаветы.

В ту пору Елизавете было шестнадцать лет, а Бутурлину шел 31-й год. Несмотря на то что до этого он был одним из денщиков Петра I, он сохранял хорошие отношения и со сторонниками царевича Алексея, и с окружением императора.

Как только Петр II взошел на престол, он отблагодарил Бутурлина за расположение к своему отцу, наградив его орденом Александра Невского и пожаловав чины действительного камергера и генерал-майора. Однако благополучие Бутурлина было нарушено, как только Петр II узнал о его истинных отношениях с Елизаветой, в которую юный император был тогда влюблен. Бутурлина отправили на Украину, в армию князя Голицына, а в 1731 году еще дальше – на границу с Персией. Это произошло и потому, что в политической борьбе при дворе он занял сторону Бестужева, своего старого друга и единомышленника, и именно из-за этого враждебные Бестужеву князья Долгоруковы донесли Петру II о близости Елизаветы с Бутурлиным.

Столь же неудачным оказался и роман Елизаветы Петровны со вторым ее любовником – обер-гофмейстером императорского двора Семеном Кирилловичем Нарышкиным. В 1739 году его даже прочили в мужа Елизавете Петровне, а потом из-за слухов о произошедшем тайном венчании отослали в Париж. Об этом, впрочем, говорилось раньше, а здесь я повторяюсь, чтобы не нарушить последовательность хронологии романов любвеобильной «дщери Петровой».

Перед отъездом в Париж С. К. Нарышкину было строго наказано соблюдать глубочайшее инкогнито, проживая во Франции под фамилией дворянина Тенкина.

Вернуться в Россию Семену Кирилловичу удалось лишь после вступления Елизаветы на престол, когда ему уже ничто не могло угрожать. Вскоре по возвращении в Петербург именно он встречал в 1744 году Ангальт-Цербстскую принцессу Софью-Шарлотту – будущую российскую императрицу Екатерину II.

В том же году он стал гофмаршалом «малого двора» и во все время царствования Елизаветы Петровны пользовался ее симпатией и расположением.

После того как Петр II разлучил Елизавету Петровну с Нарышкиным, она нашла утешение в бурной и искренней страсти с Алексеем Яковлевичем Шубиным, бедным дворянином из окрестностей Александровой слободы. Он привлек Елизавету своей сказочной красотой, ласковым и ловким обхождением и веселостью нрава. Елизавета приблизила Шубина, когда он был прапорщиком лейб-гвардии Семеновского полка.

Цесаревна уехала со своим новым возлюбленным на его родину и там, наслаждаясь любовью, с утра до вечера гуляла по окрестным полям и лугам, водила хороводы с деревенскими девушками, играла в горелки с парнями и очень любила щеголять в тесно обтягивающем ее офицерском мундире.

Эта связь почему-то особенно не понравилась императрице Анне Ивановне, и она приказала сослать Шубина на Камчатку, повелев женить его там на камчадалке.

Поговаривали и о том, что ссылка Шубина не обошлась без Бирона, тайно любившего красавицу Елизавету и считавшего, что из-за прапорщика он не может добиться взаимности цесаревны.

А между тем ссыльный прапорщик был едва ли не самым любимым мужчиной в жизни Елизаветы. Может быть, только два будущих ее фаворита – Алексей Разумовский да Иван Шувалов – лишь в какой-то степени могли с ним сравниться.

Во всяком случае, Шубин был единственным возлюбленным, которому цесаревна посвятила стихи.

Вот они:

*Я не в своей мочи огонь утушить,
Сердцем болею – да чем пособить,*

*Что всегда разлучно
И без тебя скучно.
Лучше бы ты не злати,
Нежель так страдати
Всегда по тебе.*

Не будем строго судить Елизавету-поэта. Ведь эти стихи были написаны во времена Кантемира и Тредиаковского, которые, ей-богу, писали не лучше.

Только после вступления Елизаветы на престол Шубина с большим трудом после двух-летних поисков нашли на Камчатке. Причем ни сам Шубин, ни жители его стойбища не знали, что в России уже два года царствует Елизавета Петровна – в столь глубокой глуши они жили. Привезя Шубина в Петербург, его «за невинное претерпение» произвели в генерал-майоры и наградили орденом Александра Невского. Получив богатые поместья в Ярославском и Нижегородском уездах и очередной чин генерал-поручика, Шубин через год вышел в отставку и удалился на покой в одну из своих деревень.

А Елизавета Петровна, пока ее возлюбленный пребывал в ссылке, с истинно поэтическим легкомыслием утешалась в объятиях целой череды кратковременных любовников. Это были: конюх Никита Андреянович Возжинский, не имевший фамилии из-за своего «подлого» происхождения и получивший ее от названия одного из атрибутов своей профессии; юный прелестник, камер-паж Пимен Лялин; столь же юный сын другого кучера – Ермолай Скворцов.

Все они, как только Елизавета оказалась на троне, мгновенно стали камергерами, получив и значительные поместья, и потомственное дворянство.

Среди близких Елизавете людей был и дворцовый истопник Василий Васильевич Чулков. В отличие от своих более удачливых товарищей, природа не одарила его ни красотой, ни ростом. Он был безобразен лицом и очень мал. Но у Чулкова было и очевидное преимущество перед ними – Василий обладал исключительно тонким слухом и, когда дремал, был необычайно чуток. Елизавета очень боялась ночного ареста, и потому Чулков все ночи проводил в комнате перед ее спальней, подремывая, но не засыпая, в кресле. Оттого-то и он, знавший о всех галантах своей госпожи, проходивших мимо него в ее опочивальню, так же, как и они, был удостоен императорских милостей. Да только милости эти были большими, чем у мимолетных фаворитов. Если каждый из них стал только камергером, то истопник Чулков получил все, что и они, а кроме того орден Александра Невского, чин генерал-поручика и большие богатые поместья.

Однако и Лялин, и Возжинский, и Скворцов оказались не более чем мотыльками-однодневками по сравнению с новым их соперником, прочно завладевшим сердцем цесаревны.

В 1731 году из Венгрии возвратился в Петербург полковник Федор Степанович Вишневецкий, куда он ездил покупать вино для Анны Ивановны. Он привез императрице не только обоз с вином, но и прекрасного лицом и статью двадцатидвухлетнего казака-малоросса Алексея Розума, встреченного им по дороге из Венгрии возле села Чемер, что неподалеку от города Глухова на пути из Киева в Чернигов. Полковник, остановившись на отдых, услышал, как поет Розум, и упросил чемерского дьячка, у которого Алексей жил, отпустить певца в Петербург. Там парень был представлен обер-гофмаршалу Рейнгольду Левенвольде, и тот поместил его в дворцовый хор Анны Ивановны. А оттуда забрала Розума к себе цесаревна Елизавета, пораженная и дивным голосом, и сказочной красотой своего ровесника-певчего.

Французский посол, маркиз де Ла Шетарди, хорошо осведомленный об интимных делах двора, писал в 1742 году о событиях, произошедших за десять лет до того: «Некая Нарышкина, вышедшая с тех пор замуж (речь идет об Анастасии Михайловне Нарышки-

ной, вышедшей замуж за генерал-майора Василия Андреевича Измайлова и ставшей затем статс-дамой Екатерины II. – *В.Б.*), женщина, обладающая большими аппетитами и приятельница цесаревны Елизаветы, была поражена лицом Разумовского, случайно попавшегося ей на глаза. Оно действительно прекрасно. Он брюнет с черной, очень густой бородой, а черты его, хотя и несколько крупные, отличаются приятностью, свойственной тонкому лицу. Он высокого роста, широкоплеч... Нарышкина, обыкновенно, не оставляла промежутка времени между возникновением желания и его удовлетворением. Она так искусно повела дело, что Разумовский от нее не ускользнул. Изнеможение, в котором она находилась, возвращаясь к себе, встревожило цесаревну Елизавету и возбудило ее любопытство. Нарышкина не скрыла от нее ничего. Тотчас же было принято решение привязать к себе этого жестокосердого человека, недоступного чувству сострадания».

К этому времени Шубин уже томился в неволе, а конюхи и истопники не шли ни в какое сравнение с неожиданно появившимся могучим чернобородым любовником.

Елизавета пришла в восторг от альковных утех с ним и огромной силы его страсти. Приближая Разумовского к своей особе, Елизавета сначала переименовала своего нового друга из певчих в «придворные бандуристы», а затем он стал и «гоф-индентантом», получив под свое начало двор и все имения своей благодетельницы.

Став одним из влиятельных придворных, Розум, превратившийся в Алексея Григорьевича Разумовского, остался добрым, скромным, умным человеком, каким и был прежде. Он любил свою мать, заботился о брате и трех сестрах, посылая им деньги, принимал своих деревенских земляков, приезжавших в Петербург, и старался никому не делать зла.

Приблизившись к Елизавете Петровне в 1731 году, Алексей Разумовский оказался чуждым дворцовых интриг, политических игр, коварства, хитростей, борения страстей и не изменил себе на протяжении всей своей жизни. Этими качествами он снискал уважение многих сановников и аристократов. В числе его друзей были и многие родственники Елизаветы Петровны. И сама цесаревна, казалось, приняла тот образ жизни и характер отношений, какой был свойственен ее «другу нелицемерному», как в одном из писем назвала она своего возлюбленного Алексея Разумовского.

Кроме того, не следует забывать, что и Алексей, и Елизавета были необычайно сладострастны, молоды и сильны и обуревавшую их страсть ставили на первое место среди всех прочих чувств.

Уже в самом конце описанных здесь событий, когда заговор вот-вот должен был развиться, произошел эпизод, красноречиво свидетельствующий об интимных отношениях Елизаветы с Разумовским, а в связи с этим и о подлинных ее отношениях с Лестоком, о чем в довольно изысканной манере и вместе с тем не без натуралистических подробностей информировал прусского короля Фридриха II его посол Мардефельд: «Особа, о которой идет речь, соединяет в себе большую красоту, чарующую грацию и чрезвычайно много приятного с большим умом и набожностью, исполняя внешние обряды с беспримерной точностью». (Добавим, что эта ее набожность, любовь к церковным службам и особенно к их обрядовой стороне, как и сердечная склонность цесаревны к русским песням, хороводам и простой народной пище приводили в восторг патриотов, негодовавших против засилья немцев, руководивших страной, но не знавших даже ее языка. Переходя же к личным отношениям цесаревны и ее лейб-медика, Мардефельд продолжал: «Родившаяся под роковым созвездием, то есть в самую минуту нежной встречи Марса с Венерой, она ежедневно по несколько раз приносит жертву на алтаре матери Амура, значительно превосходя такими набожными делами супруг императора Клавдия и Сигизмунда. Первым жрецом, отмеченным ею (Елизаветой. – *В. Б.*), был подданный Нептуна, простой рослый матрос. Теперь эта важная должность не занята в продолжение двух лет. До того ее исполняли жрецы, не имевшие особого значения (Возжинский, Лялин, Скворцов и др. – *В. Б.*). Наконец, нашелся

достойный, в лице Аполлона с громовым голосом, уроженец Украины, и должность засияла с новым блеском. Не щадя сил, он слишком усердствовал, и с ним стали делаться обмороки, что побудило однажды его покровительницу отправиться в полном дезабилье к Гиппократу, посвященному в тайны, чтобы просить его оказать помощь больному. Застав лекаря в постели, она уселась на край ее и упрашивала его встать. А он, напротив, стал приглашать ее позабавиться. В своем нетерпении помочь другу сердечному (т. е. потерявшему сознание Разумовскому. – В. Б.) она отвечала с сердцем: «Сам знаешь, что не про тебя печь топится!» – «Ну, – ответил он грубо, – разве не лучше бы тебе заняться этим со мной, чем со столькими из подонков?» Но разговор этим ограничился, и Лесток повиновался».

Из этого письма Мардефельда следует, что, несмотря на известную зависимость Елизаветы от Лестока как одного из главных участников заговора, она не ответила на его притязания, хотя легкость нрава цесаревны подавала лейб-медику основательные к тому надежды. И все же любовь к Разумовскому и желание помочь ему как можно быстрее оказались сильнее плотской чувственности, постоянно бушевавшей Елизавету.

Можно предположить также, что в это время на первое место у цесаревны выступили вполне понятные политические амбиции и мотивы, ранее не столь для нее важные.

А теперь экстремальные обстоятельства, при которых неотвратимой реальностью могли стать и тюрьма, и плаха, все чаще заставляли Елизавету вспоминать, что она – не кто-нибудь, а дочь всемирно прославленного первого Всероссийского императора. И потому, делая вид, что грязная политика ее не касается, что вся она поглощена любовью и удовольствиями, молодая женщина пела, плясала, охотилась и кутила едва ли не больше любой из своих предшественниц.

Так и проходила жизнь родной дочери Петра Великого и при племяннике ее Петре II, и при кузине Анне Ивановне, и при формальном императоре Иване VI, ее внучатом племяннике, который ее отцу-императору Петру Великому был и вовсе десятая вода на киселе. А уж о регенте Бироне и вообще говорить не приходилось: был он – теткин сожитель, хахаль, как говаривал казак Разумовский. А Елизавета Петровна почти никому не говорила, да зато ни на минуту не забывала, чья она дочь, и, конечно же, знала, что и многие в России помнят о том и вместе с нею свято верят, что ее права на российский императорский трон единственно законные и самые из всех основательные.

Так наступила ночь с 24 на 25 ноября 1741 года – ночь очередного дворцового переворота, когда волею судьбы рядом с цесаревной оказались: врач-француз Арман Лесток, русский аристократ, камер-юнкер Михаил Воронцов, мелкий служитель из Академии наук – немец Карл Шварц и рядовой Преображенского полка, крещеный еврей Петр Грюнштейн.

Главные заговорщики

Именно этот квартет сыграл главную партию в грядущем перевороте, поэтому имеет смысл поближе познакомиться с каждым из новых героев.

Об Армане Лестоке мы уже знаем.

Второй заговорщик, Михаил Илларионович Воронцов, был камер-юнкером Елизаветы с четырнадцати лет. Он пользовался расположением цесаревны еще и потому, что в трудных для нее финансовых обстоятельствах ссужал деньги, которые давал ему старший брат – Роман Воронцов, женатый на богатой купчихе Марфе Ивановне Сурминой. Эта сторона отношений была скрыта от непосвященных и придавала им оттенок дружеской доверительности, которая впоследствии переросла в прочное доверие, позволившее ввести Михаила Воронцова в круг главных участников переворота.

Третий участник заговора – Христофор-Якоб, на русский манер Карл Иванович, Шварц – был вначале трубачом в Семеновском полку, но из-за скудости заработка играл еще и на свадьбах и похоронах, безуспешно пытаясь стать дворцовым музыкантом.

Не добившись успеха в Петербурге, Шварц решил поправить свои дела в чужих краях и добился назначения в русскую дипломатическую миссию, отправлявшуюся в Китай. Эта миссия готовилась еще при жизни Петра I, но начало ее деятельности относится к осени 1725 года. Остановимся более подробно на биографии

Карла Шварца, потому что до сих пор он не привлекал внимания наших историков и оставался в тени забвения.

На подмостках истории Шварц появился тогда, когда рядом с ним оказался Савва Лукич Рагузинский-Владиславич – «действительный статский советник, чрезвычайный посланник и полномочный министр, иллирический граф».

Савва Рагузинский перед отъездом в Китай 1 сентября 1725 года подал в Государственную Коллегию иностранных дел «до-ношение», в коем просил включить в состав уезжающих с ним в Китай людей и четырех музыкантов – двух валторнистов и двух трубачей. Среди этих музыкантов значился и трубач Семеновского полка Христофор Шварц. Эти музыканты, по-видимому, умели играть и на других инструментах, потому что посол запросил дать им скрипки, виолончель, флейты, гобой и др. Из последующих донесений Владиславича мы узнаем, что Христофор-Якоб Шварц исполнял роль не только трубача, но был еще – а может быть, прежде всего – и на роли инженера. «Шварц, – писал Владиславич, – в Швеции инженерству учился и в практике фортецы (фортеции – т. е. крепости. – В. Б.) строил, хотя ныне и трубачом при мне обретается». Когда посольство доехало до Селенги, Шилки и Амура, Шварц после долгих поисков нашел отличное место для строительства двух новых крепостей – Селенгинской и Нерчинской, а после того составил и чертежи для их строительства. Владиславич сообщал также, что Шварц, с его слов, «при швецких и дацких войсках в инженерном деле служил, и рассказывает, что такому делу из младенчества обучался».

Возвратившись из Китая в Россию, Шварц поступил в Академию наук, используя познания, приобретенные им во время путешествия в Пекин и жизни в Китае. В Академию наук его пристроил Лесток, но не смог добиться для своего протеже приличного оклада и предложил ему войти в число заговорщиков, используя прежние связи в гвардии и агитируя солдат и офицеров в пользу Елизаветы. Шварц согласился, ревностно принялся за новое дело и стал получать от цесаревны и Лестока довольно значительные суммы, которые он передавал их сторонникам.

И, наконец, следует упомянуть и о еще одном активном участнике заговора – Юрии или, по другим данным, Петре Грюнштейне. Он был рядовым в Преображенском полку и вместе со Шварцем вел агитацию в пользу Елизаветы Петровны в гренадерской роте, кото-

рая и стала главной силой в совершении государственного переворота, произошедшего в ночь с 24 на 25 ноября 1741 года.

Однако прежде чем это случилось, произошли и другие события, предопределившие успех задуманного предприятия.

Вспомним, что 25 ноября гвардия должна была выступить в поход, и письменные приказы об этом уже были разосланы в гвардейские полки.

Вспомним также, что Лесток принес Елизавете рисунки, на которых были изображены трон и виселица.

Вместе с Лестоком вечером 23 ноября 1741 года пришли к Елизавете и несколько гвардейцев, самым решительным и красноречивым из которых оказался солдат Грюнштейн.

Было решено, что на следующую ночь гвардейцы арестуют Антона-Ульриха и Анну Леопольдовну. Для того чтобы быть уверенным в успехе, Грюнштейн предложил цесаревне выдать деньги на жалованье гвардейцам. У Елизаветы денег не было, но на следующее утро она отдала петербургским ювелирам свои бриллианты под залог и получила необходимую сумму.

В одиннадцать часов вечера 24 ноября Грюнштейн с двенадцатью гвардейцами, его приятелями, пришли к цесаревне и заявили, что для них предпочтительнее совершить государственный переворот, нежели идти среди зимы под Выборг.

Елизавета собрала у себя людей, которым абсолютно доверяла. К ней были созваны: Лесток, Шварц, Алексей Разумовский, трое Шуваловых – Петр, Александр и Иван, Михаил Воронцов, дядя Анны Ивановны Василий Салтыков и четверо дядьев Елизаветы Петровны – все четверо либо братья покойной императрицы Екатерины I, либо мужья ее разных сестер, в прошлом – крепостные лифляндские крестьяне, а теперь – графы российские – Карл и Фридрих Скавронские, Симон Гендриков, Михаил Ефимовский, а также принц Эссен-Гамбургский с женою. И хотя все собравшиеся были достаточно единодушны, главная героиня заговора – Елизавета – все еще колебалась.

Первый дворцовый переворот

Тогда Лесток надел ей на шею орден Святой Екатерины, учрежденный в память о мужестве и предприимчивости ее матери, дал в руки серебряное распятие и вывел из дворца к ожидавшим у ворот саням.

Усадив цесаревну в сани, Лесток сел с нею рядом, а Воронцов и Иван Шувалов встали на запятки. За ними следом помчались Грюнштейн с товарищами, Разумовский, Салтыков и Шуваловы – Александр и Петр.

Все заговорщики остановились возле кордегардии Преображенского полка и попытались пройти в казармы, но часовой ударил в барабан, выбивая сигнал тревоги. Тогда Лесток ударом кинжала пробил барабанную шкуру, и Грюнштейн с товарищами побежали в казармы полка. Преображенцы жили не в корпусах, а в отдельных избах, и их военный городок представлял из себя деревню. В избах жили солдаты, сержанты, капралы и дежурные офицеры, а свободные от службы офицеры ночевали по своим особнякам в городе. Заговорщики разбудили всех, и Елизавета вышла к собравшимся с распятием в руках.

Она взяла с них клятву верности и приказала никого не убивать. Солдаты поклялись, и 364 человека пошли по Невскому проспекту к Зимнему дворцу. У Адмиралтейства заговорщики остановились. Лесток отобрал ударную группу из двадцати пяти человек, а из их числа выбрал восемь солдат, которые, изобразив ночной патруль, подошли к четырем часовым, стоявшим у входа в Зимний, и, внезапно напав на них, обезоружили.

Затем заговорщики пошли во дворец, арестовали Анну Леопольдовну и Антона-Ульриха, а младенца Ивана передали на руки Елизавете Петровне. Она бережно завернула ребенка в теплое одеяло и повезла к себе во дворец, приговаривая: «Бедный, невинный крошка! Во всем виноваты только твои родители!» Разумеется, это было бесспорно, да только «бедный невинный крошка» после этого двадцать два года просидел в разных секретных тюрьмах и в конце концов 4 июля 1764 года в возрасте двадцати четырех лет был убит стражей при попытке освободить его из Шлиссельбургской крепости подпоручиком Смоленского пехотного полка Василием Яковлевичем Мировичем...

Однако и этому сюжету будет уделено внимание в свое время и в своем месте, и историю «заговора Мировича» читатель узнает в подробностях.

Горестная судьба Брауншвейгской фамилии

Под утро 25 ноября Елизавета привезла в свой дворец не только низложенного императора-младенца, но и его родителей – Антона-Ульриха и Анну Леопольдовну, где их всех взяли под арест. Кроме герцогской четы, были арестованы еще шесть человек: Юлия Менгден, Головкин, Остерман, Миних, Левенвольде и Лопухин.

Чтобы навсегда расстаться с Брауншвейгской фамилией, забегая вперед, скажем, что сначала их всех решили выслать на родину, но, доведя до Риги, посадили там в крепость, а затем стали перевозить как арестантов из одного острога в другой.

Анна Леопольдовна умерла от неудачных родов 7 марта 1746 года в Холмогорах, под Архангельском, на двадцать восьмом году жизни. На руках Антона-Ульриха осталось пятеро детей – Иван, Петр, Алексей, Елизавета и Екатерина. Обращало на себя внимание и то, что имена детей были родовыми, царскими, и даже это, казалось, таило в себе определенную опасность.

Мертвую Анну Леопольдовну, по приказу Елизаветы, увезли в Петербург и там торжественно похоронили в Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря, объявив, что причиной смерти была горячка-«огневица», а не роды, так как появление на свет еще нескольких претендентов на трон нужно было скрыть. А в 1756 году у Антона-Ульриха забрали шестнадцатилетнего сына Ивана и увезли в Шлиссельбург, в одиночный каземат, не сказав, разумеется, несчастному отцу, куда и зачем увозят от него сына.

Когда в 1762 году, более чем через двадцать лет после ареста «Брауншвейгской фамилии» на трон взошла Екатерина II, Антону-Ульриху была предложена свобода, при условии, что все его дети останутся там же, где и жили – в Холмогорах. Однако Антон-Ульрих отказался оставить детей и не поехал в Данию, где королевой была его родная сестра Юлиана-Мария. Он предпочел неволю с детьми одинокой жизни без них на воле и в достатке. От горя и нервных потрясений, от страданий и тоски по своему первенцу – Ивану Антоновичу, о чьей судьбе ему ничего не было известно, Антон-Ульрих ослеп. Он умер 4 мая 1774 года в Холмогорах в возрасте шестидесяти лет. Место его захоронения неизвестно.

О судьбе Ивана Антоновича будет рассказано дальше, что же касается его братьев и сестер, то судьба их была такова: проведя сорок лет в заточении и ссылке, в 1780 году они были освобождены и отправлены из Ново-Двинской крепости в датский город Горсенс. Там они и доживали свой век, получая ежегодную пенсию от Екатерины по восемь тысяч рублей в год на каждого. Да только не всем им оставалось долго жить – через два года умерла Елизавета, еще через пять – Алексей.

Петр прожил на свободе восемнадцать лет и умер в 1798 году. Последней осталась одинокая, глухая и косноязычная Екатерина, к тому же умевшая говорить только по-русски. Она долго просилась обратно в Россию, чтобы умереть монахиней в одном из монастырей, ибо и по крещению была православной, но ей было отказано. Екатерина умерла последней, 9 апреля 1807 года.

Судьба Бирона, Миниха и Остермана

Новое царствование, как и всякое иное, началось с раздачи наград и милостей тем, кто оказался «в случае», и гонениями на тех, кто в глазах новой императрицы представлял или мог представлять какую-либо угрозу. Если даже тихое, спокойное и легитимное восшествие на престол непременно сопровождалось отличиями и пожалованиями, то чего же следовало ожидать от победительницы в борьбе без правил, которую еще вчера ждал каземат, монастырь или даже эшафот?

Разумеется, отмечена по-царски была вся преображенская рота, возведшая Елизавету Петровну на престол. Все солдаты стали офицерами, а все офицеры – генералами. Рота стала называться «Лейб-компанией» и получила особую форму, а все солдаты не из дворян получили права потомственных дворян, поместья и крепостных.

А главные заговорщики получили ордена, служебные повышения и десятки тысяч рублей каждый.

Немногочисленные сторонники Анны Леопольдовны и Антона-Ульриха были по национальности немцами, и их удаление со всех постов посчитали победой русской национальной политики.

Современникам казалось, что с воцарением Елизаветы изменилось само существо национальной политики России. Но это только казалось, ибо новые русские министры – Бестужев-Рюмин, Воронцов, Олсуфьев и Волков, получали от иностранных дворов не меньшие пенсии и подношения, чем немецкие предшественники. Правда, сама императрица при каждом удобном случае любила говорить, что русский офицер или русский чиновник для нее всегда предпочтительнее иноземца, но существа дела это не изменило, ибо система оставалась прежней и в своей основе, и в принципах.

А вот судьбы трех выдающихся немцев оказались весьма различными. Помня хорошее к себе отношение Бирона, Елизавета велела возвратить его из Пелыма, однако въезд в Петербург и Москву для него остался закрытым, но место поселения было далеко не самым худшим – герцог и все его семейство переехали в Ярославль.

Елизавета приказала купить для него большой дом и вернуть опальному временщику полтора десятка слуг, мебель, кареты, серебряную посуду и библиотеку. На его содержание казна отпускала большие деньги, но сам герцог все равно находился под стражей и даже на охоту ездил в сопровождении караульных. Так прожил Бирон все царствование Елизаветы, – все двадцать лет, – и вернулся в Петербург лишь после ее смерти, когда ему уже перевалило за семьдесят.

Другая судьба ожидала врагов Бирона – Остермана и Миниха. Их обоих приговорили к четвертованию.

На Васильевском острове, против здания Двенадцати коллегий, построили эшафот и приготовили все необходимое для мучительной смертной казни.

Первым подвели к эшафоту Миниха. Он шел из расположенной недалеко от места казни Петропавловской крепости с высоко поднятой головой, твердой походкой, чисто выбритый, в сверкающих ботфортах и красном фельдмаршальском плаще. Офицеры стражи, шедшие с ним рядом, вспоминали, что старый фельдмаршал рассказывал им о сражениях, в которых довелось ему побывать, был совершенно спокоен и даже улыбался.

Миних быстро и решительно взошел на эшафот и без тени страха подошел к плахе с воткнутым в нее огромным топором, которым его через несколько минут должны были разрубить на куски.

Ему прочитали приговор о четвертовании, но потом, после недолгой паузы, сообщили, что смертная казнь заменяется вечной ссылкой. Фельдмаршал, не переменяя в лице, выслу-

шал и это и, так же спокойно сойдя с эшафота, отправился обратно в Петропавловскую крепость.

С Остерманом была проделана та же процедура, и очевидцы утверждали, что он держался столь же достойно и мужественно.

Остермана повезли в Березов, где до него жили Меншиковы и Долгорукие. Его поселили в доме Меншикова, и он, проведя в его стенах шесть лет, умер.

Миниха отвезли в Пелым, где он оказался в доме Бирона: план этого дома Миних нарисовал собственноручно, – ведь он был инженером, – не предполагая, что здесь ему самому придется прожить более двадцати лет. Миних еще ждал, когда его отправят в Пелым, когда Бирон уже выехал в Ярославль. По иронии судьбы случилось так, что экипажи Бирона и Миниха встретились на столбовой дороге и бывшие великие сановники – герцог и фельд-маршал – посмотрели друг на друга и, даже не кивнув один другому, молча разъехались.

Живя в Пелыме, Миних писал мемуары, учил детей местных жителей математике, разводил скот, оставаясь спокойным и равнодушным к постигшему его несчастью.

Его возвратили в Петербург одновременно с Бироном, и оба они, несмотря на то что Миниху было уже 79 лет, а Бирону – 72, еще сумели сыграть немаловажную роль в истории России. Но об этом будет рассказано в свое время.

Жизнь герцога Карла-Петера-Ульриха в Голштинии

Для всякого монарха одним из важнейших государственных актов является акт коронации. И Елизавета Петровна, подобно своим предшественникам, готовилась к этой важнейшей церемонии. Однако до обряда коронации новая императрица, три года назад перешагнувшая порог тридцатилетия и уже оставившая надежду произвести на свет наследника или наследницу Российского престола, решила уладить свои семейные и наследственные дела и приказала привезти в Петербург своего ближайшего родственника – сына ее родной сестры Анны Петровны, вышедшей замуж за Шлезвиг-Голштинского герцога Карла-Фридриха.

Анна Петровна родила мальчика, названного Карлом-Петером-Ульрихом, 10 февраля 1728 года, и меньше чем через месяц после его рождения умерла от неудачных родов, осложненных воспалением легких.

Племянник Елизаветы Петровны, внук Петра I, будущий российский император Петр III в детстве был очень несчастен. Мать он не помнил, а отец его скончался, когда Петру было одиннадцать лет. Чтобы пристроить сироту хоть куда-нибудь, Петра отправили к его дальнему родственнику в Любек, где этот человек занимал епископскую кафедру. Епископ дал в наставники мальчику двух учителей – фон Брюммера и Берггольца. Оба этих наставника были невежды, пьяницы и грубияны. Они часто били мальчика, держали его на хлебе и воде, а то и просто морили голодом, ставя на колени в угол столовой, откуда он наблюдал за тем, как проходит обед.

Если же Петр крал из кухни кусок хлеба, то к экзекуции добавлялось и нечто новое: поставив принца на колени, в руки ему давали пучок розог, а на шею вешали рисунок, на коем был изображен осел.

Петр рос худым, болезненным, запуганным и начисто лишенным чувства собственного достоинства. Ко всему прочему, он стал лжив и патологически хвастлив. Учителя, порой пребывавшие в добром расположении духа, приучили своего воспитанника к спиртному, и он пристрастился к питию почти с детства, предпочитая всем прочим общество кучеров, лакеев, слуг и служанок, которых трудно было считать скромными или добродетельными. Он не любил учиться, все свое время посвящал забавам и потехам. Любимым его занятием были игры с оловянными солдатиками, а любимым зрелищем – пожары. Впоследствии эта страсть стала почти маниакальной: став Великим князем, Петр Федорович велел будить себя даже среди ночи, лишь бы не пропустить очередного пожара.

И вдруг этому праздному и бездеятельному времяпрепровождению пришел конец.

Как только на российский престол взошла Елизавета, Петру было велено начинать изучение русского языка и православных канонov, которые стали ему преподавать два приехавших из России наставника. Однако дело заглохло в самом начале, потому что возникло предположение, что Петра ждет не российский трон, а шведский, так как по матери он был внуком Петра I, а по отцу – внуком сестры шведского короля Карла XII. По-видимому, именно на его примере природа решила убедительно продемонстрировать очевидность того постулата, что на потомках великих людей она отдыхает.

Не успел несчастный принц взяться за шведский язык и протестантский катехизис, как Фортуна вновь обернулась к нему лицом – в конце 1741 года его судьба была окончательно решена – Петра ждала Россия.

Приезд Карла-Петера-Ульриха в Россию

В январе 1742 года он въехал в Петербург под радостные клики тысяч людей, устроивших ему торжественную и теплую встречу.

Карла-Петера-Ульриха начали сразу же обучать русскому языку и догматам православного вероисповедания, причем во втором случае дело было поручено высокообразованному священнику, хорошо знавшему немецкий язык.

А пока принц с великим трудом и со столь же великой неохотой занимался науками, началась подготовка к коронации его августейшей тетки Елизаветы, которая по традиции должна была происходить в Москве.

28 февраля 1742 года Елизавета торжественно въехала в Москву, а коронация состоялась через два месяца – 25 апреля. В этот же день Алексей Разумовский стал кавалером ордена Андрея Первозванного и обер-егермейстером.

Гендриковы, Ефимовские, Петр Михайлович Бестужев-Рюмин и два его сына – вице-канцлер Алексей Петрович и обер-гофмаршал Михаил Петрович – получили графские титулы, а секретарь Елизаветы Петровны, Иван Антонович Черкасский, стал бароном.

Вскоре после коронации Елизавета Петровна без всякой помпы обвенчалась с Разумовским в бедной небольшой церковке подмосковного села Перово. Обряд венчания произвел ее духовник Федор Яковлевич Дубянский, очень образованный богослов, пользовавшийся большим уважением у набожной императрицы.

После венчания Елизавета Петровна зашла к местному священнику, выпила с ним и с попадьей чаю, а выходя из дома, сказала Алексею Григорьевичу Разумовскому – теперь уже ее законному, венчанному мужу, что она хочет познакомиться со своей свекровью – Натальей Демьяновной, овдовевшей крестьянкой, содержавшей корчму неподалеку от города Глухова, и велела послать за нею карету.

Необыкновенная история, произошедшая в глухове и Петербурге

Три сестры Алексея Григорьевича – Агафья, Анна и Вера и младший брат Кирилл жили в Черниговской губернии, в Козелец-ком уезде, на хуторе Лемеша вместе с матерью Натальей Демьяновной. Мать держала шинок, Кирилл пас скотину, а сестры все были замужем за местными: Агафья – за ткачом Будлянским, Анна – за закройщиком Закревским, а Вера – за казаком Дараганом.

Когда в Лемеша прибыл целый кортеж придворных карет, изумлению хуторян не было предела.

– Где живет здесь госпожа Разумовская? – спросили приехавшие.

– У нас никогда не было такой пани, а есть, ваша милость, вдова Розумиха, шинкарка, – по-украински отвечали хуторяне.

Когда же Наталья Демьяновна вышла к ним, то приехавшие поднесли ей богатые подарки и среди прочего – соболью шубу. Затем они стали просить ее вместе со всеми детьми поехать в Москву, к сыну.

– Люди добрые, не насмехайтесь надо мною, что я вам плохого сделала? – отвечала Наталья Демьяновна, в глубине души уже веря случившемуся, потому что кое-какие слухи все же доходили до нее.

Потом она постелила соболью шубу у порога своей хаты, посадила на нее родных – и дочерей, и зятьев, и кумовьев, и сватьев со свахами, выпила с ними горилки – «погладить дорожку, щоб ровна була», – и, обрядившись во все самое лучшее, отправилась в Москву, где после коронации все еще оставался двор.

Почтительный сын выехал ей навстречу и в нескольких верстах от Москвы увидел знакомые ему кареты. Он приказал остановить собственный экипаж и пошел навстречу матери, одетый в расшитый золотом камергерский мундир, в белом пудреном парике, в чулках и туфлях, при шпаге и орденой ленте. Когда возница, увидев Разумовского, остановил карету Натальи Демьяновны, она, выглянув в окно, не узнала в подошедшем вельможе своего некогда бородатого сына, носившего широкие казацкие шаровары да бедную свитку.

А когда поняла, кто это, то от счастья заплакала.

Разумовский обнял маменьку и, пересадив в свою карету, повез в Москву. По дороге он наказал Наталье Демьяновне при встрече с невесткой не чиниться, а помнить, что Елизавета не только невестка, но и российская императрица, дочь Петра Великого.

Наталья Демьяновна была женщиной умной и дала слово, что проявит к Лизаньке всяческую почтительность.

В Москве императрица занимала Лефортовский дворец, имевший высокое парадное крыльцо в два марша.

Наталья Демьяновна обмерла, когда двое придворных, бережно взяв ее под руки, повели к огромной резной двери мимо великанов-лакеев, одетых в затканые серебром ливреи и стоявших двумя рядами на лестнице. (Потом свекровь императрицы признавалась, что приняла их всех за генералов, – так богат был их наряд и такими важными они ей показались.)

Сопровождавшие Наталью Демьяновну придворные ввели ее в маленькую комнатку и передали в руки женщин-служанок. А те попросили ее, самым вежливым образом, снять роскошную, расшитую шелками кофту и прекрасную новую юбку, а также

дорогие модные черевички, сказав, что все это для встречи с государыней непригодно, а взамен почтительно настояли, чтоб надела она все другое – обруч и каркас из китового

уса, на который они тут же ловко натянули неимоверно широкую златотканую юбку, столь же прелестную кофту-некофту, на руки надели ей высокие, до локтей, белые перчатки, на ноги – золотые черевички и в довершение всего на голову водрузили высокий белый парик, усыпанный пудрой.

После того нарумянили щеки, насурьмили брови, покрасили губы и повели по еще одной, теперь уже внутренней парадной лестнице – во дворец.

Нужно отметить, что в комнатке, где Наталью Демьяновну обряжали, не было зеркала, и ловкие женщины сделали все это без его помощи.

На новой лестнице стояли такие же «генералы», что и перед входом во дворец, и Наталья Демьяновна, совсем уж оробев, подошла к еще одной огромной двери.

Ах, как не хватало ей сына, который, будь он рядом, успокоил бы ее и все объяснил! Но Алешеньки не было. Оставив ее у ловких служанок, он сказал, что уходит к государыне и вместе с нею выйдет к маменьке, когда Лизанька будет готова к встрече.

Двое лакеев медленно и торжественно, будто царские врата на Пасху, раскрыли перед Натальей Демьяновной двери, и деревенская шинкарка вошла в огромный зал сказочной красоты. Она в мгновение ока оглядела сверкающий паркет, огромные окна, расписанный летящими ангелами и прелестными женами потолок и вдруг увидела, что прямо напротив нее, в другой стороне зала, стоит императрица – в златотканом платье, золотых туфельках, в белых, до локтя, перчатках и высоком – волосок к волоску – парике. Издали Наталья Демьяновна не разобрала, красива ли ее невестка, увидела только широкие черные брови и румяна во всю щеку.

Затаив дыхание, Наталья Демьяновна пошла императрице навстречу и увидела, что та тоже двинулась к ней. И тут, вспомнив слова Алешеньки, что надобно быть с государыней почтительной, свекровь, хоть и было то, вроде бы, и не по обычаю, смиренно опустила на колени и опустила глаза долу.

Она простояла так несколько мгновений, но невестка почему-то не подходила, и тогда Наталья Демьяновна подняла голову, глянула вперед и увидела, что и Лизанька стоит на коленях и тоже смотрит на нее.

Наталья Демьяновна испугалась, растерялась – видимое ли дело, чтоб царица стояла перед шинкаровкой на коленях? – и, протянув к невестке руки, проговорила напевно, ласково, с материнской добротой и всеконечной уважительностью:

– Лизанька, донюшка, царица-матушка! Встань с колен, то мне, простой мужичке, не по чести.

И с удивлением увидела, что и невестка тоже протянула к ней руки и тоже стала что-то говорить, но Наталья Демьяновна, хоть и сохранила отменный слух, ничего не слышала, кроме собственного голоса, и, в растерянности поглядев налево и направо, вдруг заметила, что возле небольшой двери, которую, войдя в зал, она и не разглядела, стоит ее Алешенька, а рядом с ним несказанной красоты барыня. Они стояли, держась за руки, и тихонько смеялись. А потом подошли к ней, и краса-барыня подняла ее с колен, обняла и поцеловала. А Алешенька, улыбаясь, сказал:

– То зеркало такое – от пола до потолка.

И Наталья Демьяновна все сразу поняла. Умная она была женщина, но никогда не думала, что зеркало может быть таким большим – во всю стену.

А с Лизанькой они ладили сразу и любили друг друга всю жизнь, потому что много общего оказалось в характерах и нравах деревенской шинкарки и императрицы Всея Руси.

И все же венчание с Разумовским династических проблем не разрешало: он не мог быть наследником трона, да и сам совершенно не хотел этого. И посему 7 ноября 1742 года Карл-Петер-Ульрих, принявший православие и ставший Петром Федоровичем, был объявлен «Великим князем, с титулом Его Императорского Высочества и наследником престола».

А вслед за тем Елизавета Петровна решила женить племянника, и ее выбор окончательно остановился на четырнадцатилетней принцессе Софии-Августе-Фредерике Ангальт-Цербстской.

Детство и юность принцессы Ангальт-Цербстской

Девочка, как уверяли Елизавету Петровну, была умна, красива, получила очень неплохое образование и, что весьма немаловажно, провела несколько лет в Берлине, при дворе прусского короля Фридриха II, вошедшего в историю под именем «Великого» и доводившего Софии-Августе-Фредерике двоюродным дядей со стороны матери.

Будущая императрица России родилась 21 апреля (2 мая) 1729 года в Штетине, в семье тридцативосьмилетнего генерал-майора прусской армии, князя Христиана-Августа Ангальт-Цербстского. Матерью девочки была семнадцатилетняя жена генерала Иоганна-Елизавета, происходившая из княжеской фамилии Гольштейн-Готторпов.

Существовала версия, что подлинным отцом будущей Екатерины II был один из сотрудников русского посольства в Париже Иван Иванович Бецкой, по другой версии отцом называли самого прусского короля Фридриха Великого.

И действительно, Екатерина была очень похожа на Бецкого, что же касается Фридриха, то его «отцовство» выводили из особо дружеских и доверительных отношений прусского короля с матерью Екатерины, доводившейся ему двоюродной сестрой, однако серьезные историки эту версию достоверной все-таки не признают.

Девочку называли в честь трех ее теток Софией-Августой-Фредерикой, а называли уменьшительным именем Фике. Фике была не только хороша собой, но и отменно трудолюбива, обладала веселым нравом и добрым сердцем.

Однажды, в начале 40-х годов, маленькая София вместе с матерью приехала в гости к герцогине Брауншвейгской, у которой в то время гостили принцесса Марианна Бевернская и несколько священников. Один из них, некто Менгден, славился как прорицатель. Взглянув на принцессу Бевернскую, он не сказал ничего об ожидавшем ее будущем. Зато посмотрев на Софию Ангальт-Цербстскую, заявил ее матери: «На лбу вашей дочери вижу короны, по крайней мере три».

Девочку учили французскому и немецкому языкам, танцам, истории и географии, музыке и чистописанию. Она училась легко и быстро схватывала все, чему ее обучали.

Когда Софии было десять лет, ее привезли в столицу Любекского княжества город Эйтин, и там при дворе местного епископа она впервые встретила с одиннадцатилетним голштинским принцем Петером-Ульрихом, будущим ее мужем и российским императором.

А просватали ее за Петера-Ульриха в 1743 году, когда он жил уже в Петербурге и официально был объявлен наследником российского престола. Немало способствовал этому сватовству давний доброхот княгини Иоганны-Елизаветы Фридрих Великий. 30 декабря 1743 года он писал матери будущей императрицы: «Я не хочу дольше скрывать от Вас, что вследствие уважения, питаемого мною к Вам и к принцессе, Вашей дочери, я всегда желал доставить ей необычное счастье, и у меня явилась мысль, нельзя ли соединить ее с ее троюродным братом, русским Великим князем. Я приказал хлопотать об этом в глубочайшем секрете». Далее Фридрих советовал княгине ехать в Россию без мужа, не говоря никому ни слова об истинной цели поездки... По приезде в Москву княгине Иоганне-Елизавете следовало говорить, что эта поездка предпринята единственно для того, чтобы поблагодарить Елизавету Петровну за ее милости к Голштинскому дому.

Первые годы жизни в России

10 января 1744 года мать и дочь выехали из Цербста и через Берлин, Кенигсберг и Ригу 3 февраля прибыли в Петербург, а 9 февраля достигли Москвы, где находились и Елизавета Петровна, и Петр Федорович, и весь императорский двор. В Москву они приехали в канун дня рождения Петра Федоровича, когда ему должно было исполниться шестнадцать лет.

За три версты до Первопрестольной, на Тверской дороге, Софию и ее мать встретил Карл Сиверс, тогдашний кофешенк императрицы и один из ее мимолетных любовников, вскоре ставший камер-юнкером двора Петра-Ульриха, а через некоторое время и графом. Сиверс выразил большую радость в связи с приездом дорогих гостей, которых, по его словам, с нетерпением ожидали в Кремле.

Встреча превзошла все ожидания: обе женщины были обласканы, засыпаны подарками и награждены орденом Святой Екатерины.

Елизавета Петровна была очарована невестой племянника и при любом удобном случае ласкала и одаряла ее. Да и жених в первые дни был очень внимателен и предупредителен по отношению к невесте, но вскоре она поняла, что перед нею не более чем неразвитый, хвастливый и физически очень слабый подросток, хотя в это время ему уже сравнялось шестнадцать лет.

Готовясь к свадьбе, София-Августа-Фредерика много сил и времени отдавала изучению русского языка и проникновению в премудрости православного богословия, чем крайне расположила к себе Елизавету Петровну и многих придворных.

28 июня произошло принятие Ангальт-Цербстской принцессой нового, православного, исповедания и нового имени – Екатерины Алексеевны. Это и была будущая Российская императрица Екатерина Великая.

Без ошибок и почти без акцента произнесла Екатерина символ веры, чем поразила всех, присутствовавших в церкви. А на следующий день состоялась помолвка Петра и Екатерины, официально объявленных женихом и невестой, сопровождаемая и обрядом обручения. Новой Великой княжне, объявленной и «Императорским Высочеством» был придан и придворный штат, который возглавляла приставленная к ней метрессой-оберегательницей сорокачетырехлетняя графиня Мария Андреевна Румянцева – жена графа Румянцева, поймавшего царевича Алексея Петровича.

Хуже обстояло дело с будущим мужем: к Петру Федоровичу для досмотра за ним и опеки не приставили никого, и он в ожидании свадьбы пил водку и слушал от своих лакеев, камердинеров и слуг разные сальности об обращении с женщинами. А Екатерина, зная это, все более охладевала к своему жениху.

Наконец, 21 августа 1745 года состоялось венчание и началась свадьба, продолжавшаяся десять дней, в которой принял участие весь Петербург. Город был украшен арками и гирляндами, из дворцового фонтана било вино, столы, заполненные яствами, стояли на площади перед дворцом, предоставляя каждому, кто хотел побывать на свадьбе Петра и Екатерины, возможность поесть, выпить и повеселиться.

Свадебный пир проходил под орудийные залпы, при свете большого праздничного фейерверка. В эти дни Екатерина была усыпана сапфирами, бриллиантами и изумрудами. На верфях Адмиралтейства произвели спуск на воду 60-пушечного корабля, десять дней в Петербурге звонили во все колокола, а с Невы палили десятки корабельных пушек. Но веселье занимало всех, кроме Екатерины.

Петр и Екатерина, оставаясь наедине, вскоре почувствовали неодолимую неприязнь друг к другу. И эта неприязнь, разрастаясь все более, не оставила их более никогда. Дове-
ряясь дневнику, Екатерина писала: «Мой возлюбленный муж мною вовсе не занимается, а

проводит свое время с лакеями, то занимаясь с ними шагистикой и фрунтом в своей комнате, то играя с солдатиками или же меняя на дню по двадцати разных мундиров. Я зеваю и не знаю, куда деться со скуки».

Вскоре размовка переросла в отчуждение, и императрица приставила к Екатерине свою двоюродную сестру графиню Марию Симоновну Гендрикову, в замужестве Чоглокову, почтенную 23-летнюю мать семейства, чтобы она своим примером и влиянием помогла Екатерине выполнить свой главный долг – родить наследника престола. Мария Симоновна была единственной в истории российского императорского двора статс-дамой, возведенной в это звание еще до замужества, когда ей было девятнадцать лет. Правда, исправляя этот промах, через три месяца она уже вышла замуж за обер-церемониймейстера Николая Наумовича Чоглокова, став образцовой женой и матерью, что, по мысли императрицы, должно было воодушевить к тому же и Екатерину.

Однако время шло, а молодая жена наследника престола не беременела. И дело было не в ней, а в ее супруге. «Если бы великий князь желал быть любимым, то относительно меня это вовсе было не трудно, – писала Екатерина, – я от природы была наклонна и привычна к исполнению своих обязанностей». А Петр Федорович, не обращая внимания на молодую жену, сразу же после свадьбы стал волочиться за фрейлиной Корф, потом за девицей Шафировой, затем почти за всякой придворной дамой, которая проявляла к нему интерес.

В «Записках» за 1746 год Екатерина писала: «Я очень хорошо видала, что Великий князь совсем меня не любит. Через две недели после свадьбы он мне сказал, что влюблен в девицу Карр, фрейлину императрицы... Он сказал графу де Виейре, своему камергеру, что не было и сравнения между этой девицей и мною».

История сохранила, кроме уже названных имен, и многие другие, но ни одну из этих мимолетных любовниц Петра Федоровича нельзя было назвать фавориткой.

К этому разряду могла быть отнесена лишь одна его пассия – главная страсть Петра Федоровича – Елизавета Романовна Воронцова, которую Екатерина называла «фаворит-султаншей». Воронцова была дочерью Романа Илларионовича, ссужавшего некогда бедную цесаревну Елизавету Петровну капиталами своей жены-купчихи, и племянницей одного из героев дворцового переворота – Михаила Илларионовича.

Все современники согласны в том, что любовницы Петра, как на подбор, были некрасивы, невоспитанны и глупы. Особенно уродливой была Воронцова – маленькая, толстая, с лицом, покрытым оспой, с дурным вспыльчивым характером, скандальная, злая и весьма недалекая. И тем не менее именно она имела на Петра Федоровича наиболее сильное влияние. Под горячую руку Воронцова могла и побить наследника престола.

И хотя Елизавета Романовна Воронцова имела на Петра сильное влияние, единственной его любовницей она не была. Особенно неразборчив был император в связях во время бесконечных кутежей, длившихся иногда по несколько суток. Сам он нередко допивался до бесчувствия, и лакеи выносили его из-за стола, взяв под мышки и за ноги, в то время как под столом оставались допившиеся до последней степени титулованные и нетитулованные сотрапезники, лежавшие рядом с городскими девками и танцовщицами.

Вместе с тем Петр иногда начинал говорить о том, что заточит Екатерину в монастырь, разведется с ней и обвенчается с Воронцовой, а как только станет императором, то тотчас же возведет Елизавету Романовну на трон.

Красивая, молодая, цветущая, остроумная и веселая Екатерина, конечно же, имела на успех у мужчин гораздо больше шансов, чем ее муж – неказистый, инфантильный, болезненный и недоразвитый во многих отношениях – у женщин. Она хорошо осознавала это и так писала в «Записках»: «Я получила от природы великую чувствительность и наружность, если не прекрасную, то во всяком случае привлекательную; я нравилась с первого разу и не употребляла для того никакого искусства и прикрас. Душа моя от природы была до такой

степени общительна, что всегда, стоило кому-нибудь пробыть со мною четверть часа, чтобы чувствовать себя совершенно свободным и вести со мною разговор, как будто мы с давних пор были знакомы. По природной снисходительности моей, я внушала к себе доверие тем, кто имел со мною дело; потому что всем было известно, что для меня нет ничего приятнее, как действовать с доброжелательством и самою строгою честностью. Смеем сказать (если только позволительно так выразиться о самой себе), что я походила на рыцаря свободы и законности; я имела скорее мужескую, чем женскую, душу, но в том ничего не было отталкивающего, потому что с умом и характером мужским соединялась во мне привлекательность весьма любезной женщины.

Да простят мне эти слова и выражения моего самолюбия: я употребляю их, считая их истинными и не желая прикрываться ложною скромностью. Впрочем, само сочинение это должно показать, правду ли я говорю о моем уме, сердце и характере. Я сказала о том, что я нравилась; стало быть, половина искушения заключалась уже в том самом; вторая половина в подобных случаях естественно следует из самого существа человеческой природы, потому что идти на искушение и подвергнуться ему – очень близко одно от другого. Хотя в голове запечатлены самые лучшие правила нравственности, но, как скоро примешивается и является чувствительность, то непременно очутишься неизмеримо дальше, нежели думаешь. Я по крайней мере не знаю до сих пор, как можно предотвратить это. Может быть, скажут, что есть одно средство – избегать; но бывают случаи, положения, обстоятельства, где избегать невозможно; в самом деле, куда бежать, где найти убежище, как отворачиваться посреди двора, который перетолковывает малейший поступок. Итак, если не бежать, то, по-моему, нет ничего труднее, как уклониться от того, что вам существенно нравится. Поверьте, все, что вам будут говорить против этого, есть лицемерие и основано на незнании человеческого сердца. Человек не властен в своем сердце; он не может по произволу сжимать его в кулак и потом опять давать свободу».

Искренне следуя тому, о чем она здесь написала, Екатерина не стала смирять чувства, овладевавшие ее сердцем, – плоть, кажется, она еще смиряла и сердечно привязалась к одному из камер-лакеев своего мужа – Андрею Гавриловичу Чернышову, сыну крепостного крестьянина, служившего недавно рядовым в Гренадерской роте Преображенского полка. Андрей Чернышов оказался в числе лейб-компанцев и вместе с другими солдатами стал прапорщиком и наследственным дворянином. Вместе с ним служили во дворце и два его брата – Алексей и Петр. Все они были любимцами Петра Федоровича, но особенно благоволил он к старшему – Андрею.

Из-за своей редкой красоты, силы и высокого роста он был взят камер-лакеем к Петру Федоровичу и стал одним из его ближайших и доверенных людей.

Он понравился и Екатерине, и она тоже подружилась с ним, шутиливо называя его «сыном», а Чернышов ее – «матушкой». В мае 1746 года де Виейра застал Чернышова и Екатерину возле спальни Великой княгини, донес об этом Елизавете, – и та распорядилась арестовать Чернышова и его братьев.

Два года просидел Чернышов в заключении, а потом был отправлен на службу – далеко на Урал, на границу с Сибирью, в Оренбург, в армейский полк.

Эти подозрения основывались не более чем на сплетнях, потому что, кроме братьев Чернышовых, были допрошены и Петр с Екатериной, и другие их придворные, но никаких доказательств найдено не было. Однако несмотря на невиновность Екатерины, приставленную к ней обер-гофмейстерину Чоглокову постигла опала, так как она не только не добилась того, ради чего была приставлена к молодым супругам, но и не замечала очевидного, о чем, кроме нее, знали все придворные: а именно, что ее собственный муж обер-гофмейстер и камергер Николай Наумович Чоглоков смело заглядывается на Екатерину и одновременно откровенно волочится за фрейлиной Кошелевой, что брат мужа императрицы Кирилл Раз-

умовский тоже открыто бросает влюбленные взоры на жену Петра Федоровича, а последний, пренебрегая всеми правилами приличия, откровенно увивается вокруг любой юбки.

Чоглокова отставили от должности, назначив вместо него гофмаршалом двора Петра Федоровича князя Репнина, который был полной противоположностью Чоглокову – умным, честным, спокойным и добрым человеком.

К этому времени произошел окончательный разрыв отношений между Петром и Екатериной. Тому способствовало многое, но наиболее сильное и неблагоприятное впечатление произвело на Екатерину то, что ее муж начал проявлять еще и жестокость по отношению к животным.

Сначала Екатерина стала свидетельницей того, как во время игры в солдатики, слепленные, кстати сказать, из теста, выскочившая из-под пола крыса прыгнула на бруствер игровой крепости и съела одного из часовых. Кто-то из партнеров Петра, забавлявшихся вместе с ним игрой в солдатики, поймал крысу, и над ней был учинен военно-полевой суд, после чего преступницу под барабанный бой повесили.

Кроме того, Петр поселил в своих комнатах, расположенных рядом со спальней Екатерины, целую свору собак и под видом дрессировки постоянно истязал их.

От собачьего воя Екатерина буквально не знала куда деваться, но августейший дрессировщик был неумолим.

Молодая женщина сначала скучала в одиночестве, потом с головой погрузилась в книги, а досуги проводила на охоте, на рыбалке, занимаясь, кроме того, танцами и верховой ездой.

Как и следовало ожидать, таких невинных забав оказалось недостаточно для сильной, молодой женщины, обладавшей к тому же более чем пылким темпераментом.

Роман Екатерины с графом Сергеем Салтыковым

Ее первым любовником стал камергер Петра Федоровича Сергей Васильевич Салтыков.

Салтыков был двумя годами старше Екатерины. Он принадлежал к старшей линии знаменитого рода Салтыковых, известного с XIII века. Его отец – граф и генерал-аншеф Василий Федорович Салтыков – был родным братом царицы Прасковьи Федоровны, жены царя Ивана Алексеевича, и таким образом приходился Елизавете Петровне родней. Немаловажно было также и то, что Василий Федорович Салтыков был женат на княжне Марии Алексеевне Голицыной, чьи многочисленные родственники пользовались популярностью в гвардейских полках, и немалое число их оказалось на стороне Елизаветы Петровны.

В 1750 году двадцатичетырехлетний Сергей Васильевич Салтыков женился на фрейлине императрицы Матрене Павловне Балк – племяннице уже известных нам, близких к Петру I и Екатерине немцев Балков и Монсов. Благодаря обширным родственным связям, а также своей редкой красоте, Сергей Салтыков, став камергером Великого князя Петра Федоровича, одновременно стал душой «малого» или, как его называли, «молодого» двора. Он не пропускал повода постоянно появляться возле Екатерины.

Однажды «Сергей Салтыков, – пишет Екатерина, – дал мне понять, какая была причина его частых посещений... Я продолжала его слушать; он был прекрасен, как день, и, конечно, никто не мог с ним сравняться ни при большом дворе, ни тем более при нашем. У него не было недостатка ни в уме, ни в том складе познаний, манер и приемов, какие дают большой свет и особенно двор. Ему было 25 лет; вообще, и по рождению, и по многим другим качествам это был кавалер выдающийся... Я не поддавалась всю весну и часть лета».

Как-то во время охоты на зайцев, оставшись наедине с Екатериной, Салтыков признался ей в страстной любви. Ответному чувству Екатерины способствовало то, что Петр Федорович в это время стал волочиться за девицей Марфой Исаевной Шафировой – внучкой петровского сподвижника барона П. П. Шафирова. В это же время Елизавета Петровна запретила Екатерине ездить верхом по-мужски, а не амазонкой, утверждая, что именно поэтому у нее и нет до сих пор детей. Вслед за тем Елизавета Петровна присмотрела в Ораниенбауме хорошенькую молодую вдовушку художника Грота и через придворных стала склонять ее к любовной связи с Петром Федоровичем.

14 декабря 1752 года двор выехал из Петербурга в Москву, и Екатерина «отправилась с кое-какими легкими признаками беременности», но по дороге у нее случился выкидыш, и ожидавшиеся роды не состоялись.

«Заподозрив Екатерину в неверности и окончательно возненавидев ее, – писал известный мемуарист и ученый-агроном Андрей Тимофеевич Болотов, – Петр Федорович стал обходиться с нею с величайшею холодностью и слюбился напротив того с дочерью графа Воронцова и племянницею тогдашнего великого канцлера, Елисаветою Романовною, прилепясь к ней так, что не скрывал даже ни пред кем непомерной к ней любви своей, которая даже до того его ослепила, что он не восхотел от всех скрыть ненависть свою к супруге и сыну своему и при самом еще вступлении своем на престол сделал ту непростительную погрешность и с благоразумием совсем несогласную неосторожность, что в изданном первом от себя Манифесте не только не назначил сына своего по себе наследником, но не упомянул об нем ни единым словом.

Не могу изобразить, как удивил и поразил тогда еще сей первый его шаг всех россиян и сколь ко многим негодованиям и разным догадкам и суждениям подал он повод».

Когда же Болотов во время дворцового приема впервые увидел Елизавету Романовну Воронцову, то, не зная еще, что за дама прошла перед ним, спросил дежурного полицейского

офицера: «Кто б такова была толстая и такая дурная, с обрюзглою рожею, боярыня?» И был поражен, когда тот сказал, что это Воронцова. «Ах, Боже мой! Да как это может случиться? Уж этакую толстую, нескладную, ширококорую, дурную и обрюзглую совсем любить, и любить еще так сильно, государю?... ибо в самом деле была она такова, что всякому даже смотреть на нее было отвратительно и гнушно».

К этому времени Елизавета Петровна окончательно изверилась в способности своего племянника стать отцом наследника престола. Императрица очень хотела иметь внука, точнее внучатого племянника, во всяком случае, цесаревича и продолжателя династии – и нетерпение ее стало столь велико, что она даже приказала найти для Екатерины надежного фаворита, который сумел бы сделать то, чего не мог добиться венчанный августейший супруг.

Александр Михайлович Тургенев – столбовой московский дворянин, живший в конце XVIII – начале XIX веков и прекрасно осведомленный о тайных делах двора, оставил любопытнейшие «Записки», основывавшиеся на семейном архиве, дневниках и преданиях его семьи и рода. Да и сам Тургенев много знал, а еще больше был наслышан о секретнейших делах двора, потому что с четырнадцати лет стоял на часах в императорских дворцах, был на посту и в день смерти Екатерины II и с первых же дней нового царствования состоял при императоре Павле ординарцем. Тургенев служил при штабах князя Волконского и графа Салтыкова, был в ближайшем окружении статс-секретаря Александра I – Михаила Михайловича Сперанского. Он был дружен с воспитателем царских детей Василием Андреевичем Жуковским и многое знал от него.

В «Записках» Тургенева сохранилось много интересных подробностей, в том числе и некоторые фрагменты из истории взаимоотношений Екатерины Алексеевны и графа Салтыкова.

Тургенев сообщал, что канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин узнал от самой Великой княгини Екатерины Алексеевны пикантную комическую подробность ночного ее времяпрепровождения с Петром Федоровичем.

Тургенев писал: «Бестужев... был ее министром, поверенным всех тайных ее помыслов. От нее непосредственно Бестужев сведал, что она с супругом своим всю ночь занимается экзерцицею ружьем, что они стоят попеременно на часах у дверей, что ей занятие это весьма наскучило, да и руки и плечи болят у нее от ружья. Она просила его (Бестужева) сделать ей благодеяние, уговорить Великого князя, супруга ее, чтобы он оставил ее в покое, не заставлял бы по ночам обучаться ружейной экзерциции, что она не смеет доложить об этом императрице, страшась тем прогневить ее величество... Пораженная сею вестью, как громовым ударом, Елизавета казалась онемевшею, долго не могла вымолвить ни слова. Наконец зарыдала и, обращаясь к Бестужеву, сказала ему:

– Алексей Петрович, спаси государство, спаси меня, спаси все, придумай, сделай, как знаешь!

Бестужев предложил для действия прекрасного собою, умного и отличного поведения перед прочими камергера Сергея Салтыкова...»

Поручив Бестужеву уладить это дело, императрица, по-видимому для надежности, дала такое же задание уже известной нам статс-даме Марии Семеновне Чоглоковой, и та, отозвав однажды Екатерину в сторону, сказала, что сама она, Чоглокова, абсолютно верна своему мужу, но бывают «положения высшего порядка, которые вынуждают делать исключения из правила». Таким «положением высшего порядка» было продолжение династии. Причем Чоглокова предложила Екатерине одного из двух претендентов в фавориты – или Сергея Салтыкова, или Льва Нарышкина.

Это предложение императрицы Чоглокова передала уже после того, как роман между Екатериной и Салтыковым был в полном разгаре и когда она уже забеременела от него, хотя и неудачно.

Между тем Салтыков, хотя, кажется, и любил Екатерину, но только еще более любил себя и свою карьеру, за которую при сложившихся обстоятельствах не мог не опасаться.

Все происходившее вокруг него заставило Сергея Васильевича в конце 1752 года взять отпуск и уехать к родным, но не прошло и трех месяцев, как Салтыков вновь появился при «малом дворе», который вместе с «большим двором» на весь 1753 год переехал из Петербурга в Москву.

Салтыков то появлялся возле Екатерины, то исчезал, объясняя такую тактику нежеланием ее компрометации. Так проходило время в обеих столицах. Лето 1754 года двор снова провел в Москве и Подмосковье, а затем тысячи телег и экипажей двинулись из Первопрестольной в Петербург. На сей раз Елизавета Петровна решила не спешить и приказала проезжать каждые сутки только от одной станции до другой. Между столицами было тогда 29 станций, и потому дорога заняла ровно месяц.

Рождение наследника престола Павла Петровича

Екатерина, вновь беременная, успела благополучно добраться до Петербурга и в среду, 20 ноября 1754 года, около полудня в Летнем дворце родила сына.

«Как только его спеленали, императрица ввела своего духовника, который дал ребенку имя Павла, после чего тотчас же императрица велела акушерке взять ребенка и следовать за ней... – писала потом Екатерина. – Как только удалилась императрица, Великий князь тоже пошел к себе, и я никого не видела ровно до трех часов. Я много потела, я просила Владиславову (одну из статс-дам Екатерины) сменить мне белье, уложить меня в кровать; она мне сказала, что не смеет. Она посылала несколько раз за акушеркой, но та не приходила; я просила пить, но получила тот же ответ... Со следующего дня я начала чувствовать невыносимую ревматическую боль, и притом я схватила сильную лихорадку. Несмотря на это, на следующий день мне оказывали почти столько же внимания; я никого не видела и никто не справлялся о моем здоровье. Я то и дело плакала и стонала в своей постели».

А в городе, как бы намеренно подчеркивая контраст в положении несчастной роженицы и прочих родственников появившегося на свет цесаревича, начались пышные торжества. Во всех церквах Петербурга служили благодарственные молебны, над городом плыл густой, непрерывающийся колокольный звон, а сановники наперебой поздравляли императрицу и Петра Федоровича с рождением цесаревича, начисто забыв о Екатерине.

Вечером было объявлено, что крестными отцом и матерью новорожденного будут «оба Римско-Императорские Величества», персоны которых при крестинах станут представлять посол Австрии в Петербурге граф Эстергази.

Во дворце и в домах знати вспыхнули великие празднества – пиры и маскарады, на улицах появились длинные ряды столов с даровыми яствами и питьями, а в ночном небе полыхал фейерверк, изображавший написанную огненными красками картину: коленопреклоненная женщина, символизировавшая Россию, стояла пред алтарем, на коем красовалась надпись: «Единого еще желаю». Как только картина угасла, вспыхнула новая: на облаке возлежал на пурпуровой подушке младенец, а под облаком сверкала другая надпись: «Тако исполнилось твое желание».

Был не только фейерверк, – были также и стихи. Фейерверк вскоре отполыхал и угас, а стихи остались, ибо были они написаны первым пиитом России Михаилом Васильевичем Ломоносовым:

*С великим прадедом сравнися,
С желаньем нашим восходи.
Велики суть дела Петровы,
Но многие еще готовы
Тебе остались наперед.*

На шестой день после родов, в день крестин, Елизавета сама принесла Екатерине на золотом блюде указ своему Кабинету о выдаче ей ста тысяч рублей. Кроме того, она принесла и небольшой ларчик. Этот ларчик Екатерина открыла, когда императрица ушла. В нем лежало «очень бедное маленькое ожерелье с серьгами и двумя жалкими перстнями, которые мне, – писала Екатерина, – совестно было бы подарить моим камер-фрау».

После крестин младенца не оставили у матери, – на крестины, кстати, не приглашенную, а потому на оных и не бывшую, – а отнесли к августейшей его бабке – бездетной и потому совершенно неопытной в уходе за новорожденным. Мальчика, завернув во фланелевые пеленки, положили в колыбель, обитую мехом черно-бурых лисиц, закрыли двумя оде-

ялами и оставили в жарко натопленной опочивальне, под надзором кормилицы и нянек. Из-за этого Павел всю жизнь боялся простуды и все же часто ею болел.

Праздник еще гудел, сверкал и разливался, а по Петербургу уже пополз слухок, что отцом новорожденного является никак не Великий князь, а граф Сергей Салтыков – полубовник Екатерины Алексеевны. Уже известный нам Тургенев писал: «Секретнее еще всего сказанного говорили старики вполголоса, что Великая княгиня разрешилась от бремени дочерью, одни утверждали – живою, другие спорили, что дитя было мертвое. Что наскоро было сыскано новорожденное дитя в селе Галичине и заступило место рожденного Великою княгинею».

Когда Екатерина родила Павла, Бестужев доложил императрице, что «начертанное по премудрому соображению Вашего Величества восприяло благое и желанное начало, – присутствие исполнителя высочайшей воли Вашего Величества теперь не только здесь не нужно, но даже к достижению всесовершенного исполнения и сокровению на вечные времена тайны было бы вредно. По уважению сих соображений, благоволите, всемилостивейшая государыня, повелеть камергеру Салтыкову быть послом Вашего Величества в Стокгольме, при короле Швеции».

(В «Записки» А. М. Тургенева вкралась небольшая неточность: С. В. Салтыков не был назначен послом России в Швеции, а был послан в Стокгольм с почетной миссией протокольного характера – известить о рождении наследника шведского короля Адольфа-Фредерика, близкого родственника Петра Федоровича, из одной с ним Гольштейн-Готторпской династии.)

Правда, кривотолки только еще более усилились, так как поездка в недалекий в общем-то от «Северной Пальмиры» Стокгольм предусматривалась на необычайно долгий для такой миссии срок – более чем на полгода: Салтыков, выехав 7 октября 1754 года, должен был возвратиться лишь на масленицу, то есть к проводам зимы и началу весны. Но и к этому времени Салтыков не вернулся. Прямо из Стокгольма его отправили в Гамбург, главой русской дипломатической миссии, куда он и прибыл 2 июля 1755 года. Однако по дороге туда Салтыкова ждал поистине царский прием в Варшаве и еще более теплый и радушный у родителей Екатерины в Цербсте, после чего слухи о его отцовстве распространились и по Европе. И, наконец, когда 22 июля

1762 года, через две недели после прихода Екатерины к власти, она назначила Салтыкова русским послом в Париже, прозвучал последний аккорд в признании его необычайной близости к Екатерине.

А Салтыков после Парижа, побывав еще и посланником в Дрездене, заслужил от Екатерины нелестную характеристику «пятого колеса у кареты» и никогда более не появлялся при дворе, умерев в почти полной безвестности.

Екатерина – ученица и наставница

«Когда прошло сорок дней со времени моих родов, – писала Екатерина II, – императрица пришла вторично в мою комнату. Я встала с постели, чтобы ее принять, но она, видя меня такой слабой и такой исхудавшей, велела мне сидеть, пока ее духовник читал молитву. Сына моего принесли в мою комнату: это было в первый раз, что я его увидела после его рождения». Но его тут же унесли обратно.

Дальнейшие события – с 1754 по 1760 год – мы будем, главным образом, освещать с помощью «Записок» Екатерины, потому что этот период отражен в них весьма интересно, полно и очень подробно. Историк Карамзин в письме к поэту Дмитриеву писал: «Нынешней зимой читал я „Записки“ Екатерины Великой... очень, очень любопытно! Двор Елизаветы как в зеркале...»

Давайте же взглянем в это зеркало и мы.

...После рождения Павла отношения между Екатериной и мужем еще более ухудшились. Дело дошло до того, что однажды Петр, придя в апартаменты жены, несколько раз сказал, что сумеет образумить ее. А когда Екатерина спросила: «Как же?», Петр до половины вытянул из ножен шпагу.

Между тем к этому времени Екатерина сумела приобрести среди многих придворных, – и поголовно у всех дворцовых слуг – большой авторитет. Она была равна в обращении, ничуть не высокомерна, свободно и почти без акцента говорила по-русски, питая слабость к простонародным оборотам речи и зная множество пословиц и поговорок. Екатерина при каждом удобном случае подчеркивала свою набожность, почитание и пылкую любовь к своей новой Родине – России.

Первые два года русскому языку обучал ее по рекомендации Кирилла Григорьевича Разумовского, родного брата Алексея Григорьевича, один из лучших русских лингвистов и лексикографов Василий Евдокимович Адогуров. Писатель и переводчик, он был первым русским адъюнктом Академии наук по высшей математике, избранным по представлению великого Эйлера. Выбор К. Г. Разумовского был не случаен – Адогуров свободно владел немецким и французским языками, которые знала его ученица, а это являлось неременным условием того, чтобы образование было высококачественным.

Английский посол Уильямс так отзывался об Адогурове: «Я не видел ни одного из туземцев, столь совершенного, как он; он обладает умом, образованием, прекрасными манерами; словом, это русский, соизволивший поработать над собой».

Адогуров стал для Екатерины не только учителем русского языка, но и на всю жизнь остался большим и преданным другом, сохранив ее верность в несчастьях, постигших его в 1759 году, когда он был обвинен в соучастии в заговоре, якобы имевшем целью возвести Екатерину на престол.

Когда же его ученица стала императрицей, она не забыла своего учителя, друга и слугу – Адогуров стал сразу сенатором, куратором Московского университета и президентом Мануфактур-коллегии, а скончался он Почетным членом Академии наук и действительным тайным советником, что по «Табели о рангах» соответствовало званию генерал-аншефа. Через два года занятий русским языком проискавшими недоброжелателей Адогуров был отстранен от преподавания и перешел на службу в Коллегию иностранных дел к А. П. Бестужеву-Рюмину.

После этого Екатерина начала упорно заниматься самообразованием, вставая в шесть часов утра и не тратя времени попусту. Принято думать, что большую часть времени занимали у нее штудии иноземных авторов-немцев и французов, однако это не так – на первом месте стояли у нее книги по русской словесности, по истории и географии России. Именно

это впоследствии позволило ей стать одним из лучших историков России, уступая лишь таким корифеям, как И. Н. Болтин, Г. – Ф. Миллер, В. Н. Татищев, А. – Л. Шлецер и М. М. Щербатов. А ее литературные труды поставили Екатерину в ряд русских писателей-профессионалов. Екатерина оставила после себя тысячи писем, сказки, стихи, комедии, драмы, учебники, записки мемуарного характера, свидетельствующие об универсальности и энциклопедичности знаний.

Ее самообразование носило и чисто прагматичный, утилитарный характер – она хотела знать страну, которой всерьез готовилась управлять.

А что касается ее научных и литературных интересов, связанных с Западом, то и они были весьма многообразны и широки. Екатерина переписывалась с французскими энциклопедистами – Вольтером, Дидро, Монтескье, с великим естествоиспытателем Бюффеном, со скульптором Фальконе – будущим автором «Медного всадника», украшенного лапидарной надписью: «Петру Первому от Екатерины Второй», читала множество французских и немецких книг, заказывая, кроме того, переводы с английского, с латыни, с итальянского, если эти книги почему-либо интересовали ее.

Ее чтение не было искусством для искусства. Когда Дидро спросил Екатерину о населении России, о сословных отношениях и русском земледелии, то получил в ответ несколько статей, тщательно и серьезно написанных императрицей.

Вместе с тем Екатерина находила время заниматься верховой ездой, игрой в бильярд, любила гравировать по металлу, работать за токарным станком, рисовать карандашом.

К этому следует добавить страстную любовь Екатерины встречаться со всеми выдающимися людьми, приезжавшими в Петербург из разных стран, постоянное общение с крупнейшими русскими учеными, литераторами, издателями, актерами, музыкантами, живописцами. Причем очень часто знаменитые иноземные визитеры оказывались в России по ее приглашению.

Все это впоследствии привело к тому, что Екатерину по справедливости стали считать самой просвещенной государыней Европы.

Барон Гримм, дважды побывавший в Петербурге, основываясь на непосредственных впечатлениях от общения с Екатериной, отзывался о ней так: «Надо было видеть в такие минуты эту необычайную голову, эту смесь гения с грацией, чтобы понять увлекавшую ее жизненность; как она своеобразно схватывала, какие остроты, пронизательные замечания падали в изобилии одно за другим, как светлые блески природного водопада. Отчего не в силах моих воспроизвести на письме эти беседы! Свету досталась бы драгоценная, может быть, единственная страница истории ума человеческого. Воображение и разум были одинаковы поражаемы этим орлиным взглядом, обширность и быстрота коего могли быть уподоблены молнии. Да и возможно ли было уловить на лету ту толпу светлых движений ума, движений гибких, мимолетных! Как перевести их на бумагу? Расставаясь с императрицей, я бывал обыкновенно до того взволнован, наэлектризован, что половину ночи большими шагами разгуливал по комнате».

Однако все это будет потом, а сейчас мы оставили Екатерину еще не императрицей, а Великой княгиней, только что родившей наследника престола, и вот к ней-то мы и возвратимся.

Первые шаги в европейской политике

Отрешенная от сына, покинутая мужем, деятельная, умная и энергичная Екатерина не могла ограничиться чтением, письмом, охотой и ремеслами. Она понимала, что ее удел – политика, и стала исподволь готовить себя к той роли, которую вскоре стала играть столь блистательно. Следует отметить, что Петр Федорович, будучи наследником российского престола, оставался и герцогом Голштинским.

Управление Голштинией было его прерогативой, требовало знания дел в герцогстве, проникновения во внешнеполитические коллизии, связанные с соседями этого государства, верного понимания проблем большой европейской политики. На все это у Петра Федоровича не было ни времени, ни желания, ни способностей.

И, мало-помалу, Екатерина прибрала голштинские дела к своим рукам, к вящему удовольствию Петра Федоровича. Для нее занятия голштинскими делами оказались очень полезны, ибо она стала стажироваться в управлении государством, входя во все аспекты внутренней и внешней политики. А в начале 1755 года Петр Федорович и официально передал ей занятия голштинскими делами.

Чуть раньше произошло сближение Екатерины с канцлером Бестужевым. Канцлер был рад потеплению отношений с Екатериной и стал одним из верных и преданных ее сотрудников, вводя ее в сферу наиболее важных государственных дел и исподволь готовя Екатерину к мысли, что российский трон после смерти Елизаветы должен перейти не к Петру Федоровичу, а к ней.

Такого рода идеи пали на хорошо подготовленную почву – Екатерина и сама думала о том же, и не только думала, но и готовилась к такого рода развитию событий, хотя и очень неспешно и осторожно.

Вопрос о том, кому будет принадлежать трон, приобретал жгучую актуальность из-за того, что Елизавета Петровна, подорвавшая свое здоровье непрерывными кутежами и совершенно безалаберной жизнью, стала все чаще болеть и месяцами не прикасалась к государственным бумагам.

И русские вельможи, и резиденты иностранных дворов, и живо на все реагиовавшие офицеры гвардии хорошо понимали серьезность ситуации и, задумываясь над всем происходящим, отдавали предпочтение Екатерине.

Прусский резидент в Петербурге Мардефельд, слывший умным и проницательным человеком, сказал однажды Екатерине: «Вы будете царствовать, или я совсем глупец».

Все это происходило в условиях резкого изменения международной обстановки, когда на первый план выдвинулись англо-французские противоречия и России надлежало либо сохранять нейтралитет, чего она не сделала, либо принять чью-либо сторону.

В 1754 году произошли вооруженные столкновения между англичанами и французами в Канаде, а в 1756 году военные действия были перенесены на территорию Европы.

К этому времени возникло две коалиции: англо-прусская, поддержанная рядом северогерманских государств, и франко-австрийская, на стороне которой были Саксония и Швеция. Россия сохраняла нейтралитет до конца 1756 года, ибо в правительстве Елизаветы Петровны не было единства, и вопрос этот был сначала передан на усмотрение канцлера – ярого сторонника англорусского союза.

Энергично взявшись за дело, он быстро подготовил союзный русско-английский договор, и сэр Уильямс без замедления подписал его. Однако буквально на следующий день на пути этой, уже свершившейся, инициативы, возникло непреодолимое препятствие – Конференция при Высочайшем дворе. Конференция была детищем Бестужева, совсем недавно созданная по его собственному почину. В состав Конференции при Высочайшем дворе вхо-

дили: канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, его старший брат Михаил, генерал-прокурор Сената Н. Ю. Трубецкой, вице-канцлер М. И. Воронцов, начальник Тайной канцелярии А. И. Шувалов, фельдмаршалы А. Б. Бутурлин и С. Ф. Апраксин, сенаторы П. И. Шувалов и М. М. Голицын, а также Великий князь Петр Федорович. Секретарем Конференции был Д. В. Волков. Большинство членов Конференции были противниками Бестужева, а первую скрипку в ней играли братья Шуваловы и Воронцов.

Конференция при Высочайшем дворе являлась советом по внешнеполитическим делам при императрице, и она-то и приняла совершенно другое решение: Россия отказывалась от только что подписанного союзного договора с Англией и, сделав крутой поворот в другую сторону, присоединялась к врагам Англии и Пруссии – Австрии и Франции, подписавшими 1 мая 1756 года в Версале Конвенцию о совместной борьбе с общими противниками. Английский посланник Уильямс оказался обманутым и терялся в догадках о причинах столь резкой и внезапной перемены. Однако дело объяснялось просто – так, во всяком случае, представляет ситуацию Екатерина в своих «Записках». Екатерина пишет, что неожиданную роль в перемене ориентации России сыграла любовница французского короля Людовика XV маркиза де Помпадур. Фаворитке надоела обстановка ее дворца, и она продала мебель своему любовнику – королю. А Людовик подарил эти ненужные ему мебельные гарнитуры вице-канцлеру Воронцову, который, по сообщению французского посла в Петербурге маркиза де Лопиталья, только что отстроил себе новый дом и еще не купил мебель. Подарок пришелся весьма кстати, и за него надо было отплатить признательностью, не без расчета на будущие благодеяния.

Что же касается братьев Шуваловых, то у них был свой резон: Петр Иванович, один из крупнейших предпринимателей России, не пропускавший ни одного случая нажиться за счет казны, в это время успешно добивался откупа на табачную монополию и рассчитывал, что именно Франция станет его потенциальным заграничным рынком сбыта.

Вступление России в состав австро-французской коалиции состоялось в канун нового, 1757 года, и послы Версаля и Вены были официально о том уведомлены канцлером, как ни горько было ему сообщать им об этом. А над канцлером стали сгущаться тучи царской немилости, и ему надлежало принимать собственные контрмеры.

Роман будущей императрицы с будущим королем

Канцлер мог опереться при этом на своих испытанных сторонников, в ряду которых на первом месте стояла Екатерина с близкими ей людьми, на старого друга фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина и по-прежнему сохранявшего с канцлером дружественные отношения сэра Уильямса.

Кроме того, среди сторонников канцлера находился человек, который был близок и Бестужеву, и Екатерине, и английскому послу. Это был польский дипломат в России Станислав-Август Понятовский. Он появился в Петербурге менее двух лет назад, но за это время значение его в столице и при дворе очень выросло. Понятовский приехал в Петербург вместе с английским посланником сэром Генбюри Уильямсом, в свите которого и находился. Это произошло весной 1755 года, и Екатерина впервые увидела Понятовского в начале июня – на Троицын день. Было хорошо известно, что отец Станислава-Августа, князь Станислав Понятовский, краковский кастелян, был адъютантом шведского короля Карла XII, дрался рядом с ним под Полтавой, разделил со своим сюзереном изгнание, скитания и опасности и до кончины Карла XII оставался ярким врагом России. Затем он активно поддерживал то одного претендента на польский трон, то другого, не выдвигая собственной кандидатуры. Его сын – Станислав-Август, был тремя годами младше Екатерины. Он слыл истинным великосветским бонвиваном, любившим пожить в свое удовольствие, покутить и поволочиться. В 1753 году, когда Станиславу-Августу шел двадцать первый год, его отослали в Париж, где он жил в лучших традициях французской аристократической «золотой молодежи».

Вскоре от английского посланника Екатерина узнала, что мать Понятовского – урожденная Чарторийская – является решительной сторонницей России, а ее родственники составляют основу русской партии в Польше. Уильямс сказал Екатерине, что родители Понятовского поручили Станислава-Августа именно ему, чтобы сэр Генбюри воспитал их сына в чувствах любви и преданности к России. Это не было чем-то странным, ибо английский посланник хотел видеть Россию союзницей своей страны, и дружественная Польша хорошо бы дополнила такой альянс.

В это самое время Екатерине донесли, что Сергей Салтыков и в Швеции, и в Саксонии не пропускает ни одной юбки, и чувства к нему, если они еще у нее были, очень скоро исчезли совершенно.

Меж тем на следующий год Станислава-Августа назначили посланником Польши в России, хотя канцлер Бестужев и был против, желая видеть на этом посту кого-нибудь из своих прозелитов. Новый посланник стал все более определенно выказывать симпатии Екатерине, которая заметила, что все ее фрейлины – либо любовницы, либо наперсницы ее мужа и, рассчитывая на его защиту, не оказывают ей должного почтения и пренебрегают своими обязанностями.

Весной 1756 года Петр Федорович всерьез рассорился с Елизаветой Воронцовой и тут же стал волочиться за племянницей Разумовского, женой Григория Николаевича Теплова. «Кроме этой дамы, – писала Екатерина в своих „Записках“, – ему приводили еще по вечерам, чтобы ужинать с ним, немецкую певичку, которую он содержал и которую звали Леонорой». Петр Федорович оттого что был совершенно бестактен, подробно рассказывал о своих интрижках и победах Екатерине, а иногда спрашивал у нее совета и даже искал сочувствия, если почему-либо не мог добиться успеха.

Все это еще больше сблизило Екатерину с Понятовским, который несколько раз совершенно недвусмысленно говорил с нею о нежных чувствах, которые он испытывает.

Секретарь французского посланника в Петербурге барона Бретейля – талантливый молодой писатель Рюльер, оставил интереснейшую рукопись «История и анекдоты револю-

ции в России в 1762 году», изданную его наследниками после смерти Екатерины II и самого Рюльера. Хорошо знавший российский двор, с интересом вникавший в интимные подробности личной жизни главных действующих лиц, особенно членов императорской фамилии, Рюльер сохранил в своей книге массу интереснейших подробностей.

Описывая историю романа Екатерины и Понятовского, Рюльер сообщает, что Уильямс свел Екатерину с Понятовским и «после тайного свидания, где Великая княгиня была переодета, изъявила она всю свою благосклонность».

Рюльер знал о случившемся достаточно много, но все же не больше Екатерины и Понятовского. И потому прочтем воспоминания обо всем этом деле самого любовника Екатерины.

В то лето Понятовский жил в Петергофе, а Екатерина – неподалеку от него – в Ораниенбауме. 25 июня Понятовский сел в карету и поехал к Екатерине на свидание, предупредив ее заранее. Когда карета подъезжала к Ораниенбауму, Понятовский увидел в лесу пьяного Петра с неизменной Елизаветой Воронцовой и всей его свитой. Кучера спросили, кого он везет, и тот ответил, что везет портного.

Однако Елизавета Воронцова узнала Понятовского и при нем ничего не сказала, а когда он уехал, стала, насмехаясь, намекать Великому князю, кто был на самом деле в карете. Петр сначала не обращал на ее слова внимания, но через несколько часов послал трех кавалеристов к павильону, где жила Екатерина.

Они схватили Понятовского в нескольких шагах от павильона, откуда он только что вышел, и за шиворот потащили к Петру Федоровичу.

Петр прямо обвинил Понятовского, что он был у Екатерины, и, назвав вещи своими именами, сказал, что именно он там делал.

Понятовский категорически отказался, и Петр велел задержать его.

Через два часа к Понятовскому зашел «великий государственный инквизитор» Александр Шувалов, и Понятовский заметил ему, что для чести русского двора необходимо, чтобы вся эта история закончилась без всякого шума. И Шувалов, согласившись, отвез польского посланника в Петергоф, а сам рассказал обо всем Екатерине.

Понятовский писал потом только о том, что произошло с ним самим и было ему досконально известно. Однако он не знал, что произошло в Ораниенбауме после того, как его привезли в Петергоф. Невероятно скрытная Екатерина, по-видимому, ничего не рассказала Понятовскому об очень важной встрече ее с Петром Федоровичем. А вот Рюльер откуда-то узнал об этом, и потому мы опять предоставляем ему слово, ибо он – единственный, на кого мы можем сослаться.

«Узнав о случившемся, Екатерина пошла к разгневанному мужу и честно призналась ему в любовной связи с польским посланником, – пишет Рюльер. – Она сказала, что если кто-нибудь узнает о произошедшем казусе, то Петр Федорович прослышет рогоносцем по всей Европе. Екатерина сказала также, что ее связь с Понятовским возникла после того, как Петр Федорович приблизил к себе Воронцову, что и стало известно всему Петербургу. Далее она обещала не только переменить свое отношение к Воронцовой на значительно более любезное, но и давать ей из своих средств ежегодную пенсию, освободив от непосильных расходов Петра Федоровича».

Петр согласился и обещал молчать. «Случай, долженствовавший погубить Великую княгиню, доставил ей большую безопасность и способ держать на своем жалованье и самую любовницу своего мужа; она сделалась отважнее на новые замыслы и начала обнаруживать всю нелепость своего мужа столь же тщательно, сколь сперва старалась ее таить».

29 июня в Петергофе был бал в честь именин и Петра Великого, и Петра Федоровича. Понятовский, сговорившись с Елизаветой Воронцовой, пришел в «Монплеизир», где были апартаменты Великого князя и его жены.

К этому времени Екатерина уже во всем призналась Петру, о чем загодя уведомила Понятовского, и ему пришлось во всем сознаться, на что обманутый муж ответил, смеясь: «Ну, не большой ли ты дурак, что не открылся мне вовремя! Если бы ты это сделал, не произошла бы вся эта распря!»

После этого Петр ушел в спальню своей жены, вытащил ее из кровати, – был второй час ночи, – и привел ее к Понятовскому и Воронцовой в одной рубашке. Потом все они стали болтать, смеяться и шалить и разошлись только к четырем часам утра.

Описав все случившееся, Понятовский добавляет: «Я уверяю, что такое сумасшествие, каким все это могло казаться, было сущей правдой. На другой день все заискивали у меня. Великий князь заставил меня повторить до четырех раз еще мои поездки в Ораниенбаум. Я приезжал вечером, поднимался по потайной лестнице в комнату Великой княгини. Там я находил Великого князя и Воронцову. Мы ужинали вместе, после чего он уводил ее (Воронцову), говоря нам: „Ну, итак, дети мои, я вам больше не нужен, я думаю“.

Семилетняя война России с Пруссией в 1757—1760 годах

После того как 11 января 1757 года Россия присоединилась к Версальскому союзному договору, заключенному 1 мая 1756 года между Австрией и Францией против Англии и Пруссии, к усилившейся за счет России антипрусской коалиции примкнули Швеция, Саксония и некоторые мелкие государства Германии.

Война, начавшись в 1754 году в колониальных владениях Англии и Франции в Канаде, лишь в 1756 году перешла в Европу, когда 28 мая прусский король Фридрих II вторгся с армией в 95 тысяч человек в Саксонию. Фридрих разбил в двух сражениях саксонские и союзные им австрийские войска и занял Силезию и часть Богемии.

Следует заметить, что внешняя политика России в царствование Елизаветы Петровны отличалась почти все время миролюбием и сдержанностью. Доставшаяся ей в наследство война со Швецией была завершена летом 1743 года подписанием Абоского мирного договора, и до 1757 года Россия не воевала.

Что же касается Семилетней войны с Пруссией, то участие в ней России оказалось случайностью, роковым образом связанной с интригами международных политиков-авантюристов, о чем уже говорилось, когда речь зашла о мебели мадам Помпадур и табачной торговле братьев Шуваловых.

Но теперь, после побед, одержанных Фридрихом II в Саксонии и Силезии, Россия не могла оставаться в стороне. К этому ее обязывали опрометчиво подписанные союзные договоры с Францией и Австрией и реальная угроза ее владениям в Прибалтике, так как Восточная Пруссия была пограничной территорией, прилегавшей к новым российским провинциям.

В мае 1757 года семидесятитысячная русская армия, находившаяся под командованием фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина, одного из лучших русских полководцев того времени, двинулась к берегам пограничной с Пруссией реки Неман.

Уже в августе была одержана первая крупная победа – при деревне Гросс-Егерсдорф русские войска разгромили корпус прусского фельдмаршала Левальда.

Однако вместо того чтобы идти на близкую отсюда столицу Восточной Пруссии Кенигсберг, Апраксин отдал приказ возвращаться в Прибалтику, объясняя это недостатком продовольствия, большими потерями и болезнями в войсках. Этот маневр породил в армии и в Петербурге слухи о его измене и привел к тому, что на его место был назначен новый главнокомандующий – обрусевший англичанин, генерал-аншеф, граф Вилим Вилимович Фермор, успешно командовавший войсками в войнах со Швецией, Турцией и в последней войне – с Пруссией.

Апраксину же было предписано отправиться в Нарву и ждать дальнейших распоряжений. Однако распоряжений не последовало, а вместо этого в Нарву пожаловал «великий государственный инквизитор», начальник Тайной канцелярии А. И. Шувалов. Следует иметь в виду, что Апраксин был другом канцлера Бестужева, а Шуваловы – ярыми его врагами. «Великий инквизитор», приехав в Нарву, незамедлительно учинил опальному фельдмаршалу строгий допрос, касающийся главным образом его переписки с Екатериной и Бестужевым.

Шувалову нужно было доказать, что Екатерина и Бестужев склоняли Апраксина к измене с тем, чтобы всячески облегчить положение прусского короля. Допросив Апраксина, Шувалов арестовал его и перевез в урочище Четыре Руки, неподалеку от Петербурга.

Апраксин отрицал и какой-либо злой умысел в своем отступлении за Неман и утверждал, что «молодому двору никаких обещаний не делал и от него никаких замечаний в пользу прусского короля не получал».

Тем не менее, он был обвинен в государственной измене, и все, заподозренные в преступной с ним связи, были арестованы и привезены на допросы в Тайную канцелярию.

14 февраля 1758 года, неожиданно для всех, был арестован и канцлер Бестужев. Его сначала арестовали и только потом стали искать: в чем бы обвинить? Сделать это было трудно, ибо Бестужев был честным человеком и патриотом, и тогда ему приписали «преступление в оскорблении Величества и за то, что он, Бестужев, старался посеять раздор между Ея Императорским Величеством и Их Императорскими Высочествами».

Дело окончилось тем, что Бестужева выслали из Петербурга в одну из его деревень, но в ходе следствия подозрения пали на Екатерину, ювелира Бернарди, Понятовского, бывшего фаворита Елизаветы Петровны, генерал-поручика Бекетова, учителя Екатерины Адодурова. Все эти люди были связаны с Екатериной, Бестужевым и английским посланником Уильямсом. Из них всех лишь Екатерина, как Великая княгиня, да Понятовский, как иностранный посол, могли бы чувствовать себя относительно спокойно, если бы не их тайные интимные отношения и сугубо секретные отношения с канцлером Бестужевым, которые легко было расценить как антиправительственный заговор. Дело в том, что Бестужев составил план, по которому, как только Елизавета Петровна скончается, Петр Федорович станет императором по праву, а Екатерина будет соправительницей. Себе же Бестужев предусмотрел особый статус, который облакал его властью, не меньшей, чем у Меншикова при Екатерине I. Бестужев претендовал на председательство в трех важнейших коллегиях – Иностранной, Военной и Адмиралтейской. Кроме того, он желал иметь звание подполковника во всех четырех лейб-гвардейских полках – Преображенском, Семеновском, Измайловском и Конном. Свои соображения Бестужев изложил в виде манифеста и прислал его Екатерине.

К счастью и для себя, и для Екатерины, Бестужев успел сжечь манифест и все черновики и таким образом лишил следователей серьезнейшей улики в государственной измене. Более того, через одного из своих преданнейших слуг – камердинера Василия Григорьевича Шкурина (запомните имя этого человека, вскоре, уважаемый читатель, вы вновь встретитесь с ним в обстоятельствах более чем неординарных), Екатерина узнала, что бумаги сожжены и ей опасаться нечего.

И все же подозрение осталось, и Елизавета Петровна стараниями братьев Шуваловых, Петра и Александра, была уведомлена об альянсе Бестужев – Екатерина. Импульсивная и неуравновешенная императрица решила, хотя бы внешне, выказать свое неудовольствие Екатериной и перестала принимать ее, что повлекло охлаждение к ней и значительной части «большого двора».

А Станислав-Август оставался по-прежнему любовником Великой княгини, и есть много оснований полагать, что в марте 1758 года Екатерина именно от него забеременела еще раз и 9 декабря родила дочь, названную Анной. Девочку унесли в покои Елизаветы Петровны сразу же после рождения, и дальше все происходило, как и четыре года назад, когда на свет появился ее первенец – Павел: в городе начались балы и фейерверки, а Екатерину вновь оставили одну. Правда, на этот раз у ее постели оказались близкие ей придворные дамы – Мария Александровна Измайлова, Анна Никитична Нарышкина, Наталья Александровна Сенявина и единственный мужчина – Станислав-Август Понятовский.

Анна Нарышкина, урожденная графиня Румянцева, была замужем за обер-гофмаршалом Александром Нарышкиным, а Измайлова и Сенявина были урожденными Нарышкиными – родными сестрами гофмаршала и доверенными наперсницами Екатерины. В «Записках» Екатерина сообщает, что эта компания собралась тайно, что Нарышкины и Понятовский прятались за ширмы, как только раздавался стук в дверь, а кроме того,

Станислав-Август прошел во дворец, назвав себя музыкантом Великого князя. То, что Понятовский был единственным мужчиной, оказавшимся после родов у постели Екатерины, выглядит достаточно красноречивым свидетельством, подтверждающим версию о его отцовстве.

В своих «Записках» Екатерина приводит любопытный эпизод, произошедший незадолго до родов в сентябре 1758 года: «Так как я становилась тяжелой от своей беременностью, то я больше не появлялась в обществе, считая, что я ближе к родам, нежели была на самом деле. Это было скучно для Великого князя... А потому Его Императорское Высочество сердился на мою беременность и вздумал сказать однажды у себя, в присутствии Льва Нарышкина и некоторых других: „Бог знает, откуда моя жена берет свою беременность, я не слишком-то знаю, мой ли это ребенок и должен ли я его принять на свой счет“.

И все же, когда девочка родилась, Петр Федорович был рад произошедшему. Во-первых, ребенка назвали точь-в-точь, как звали его покойную мать – родную сестру императрицы – Анной Петровной. Во-вторых, Петр Федорович получил, как отец новорожденной, 60 000 рублей, которые, конечно же, были ему более чем необходимы.

Девочка прожила очень недолго и умерла 8 марта 1759 года. Ее почему-то похоронили не в Петропавловском соборе, который с 1725 года стал усыпальницей дома Романовых, а в церкви Благовещения Александро-Невской лавры. И это обстоятельство тоже не ускользнуло от современников, наводя их на мысль о том, была ли Анна Петровна законной царской дочерью?

* * *

А события за стенами императорских дворцов шли своим чередом. 11 января 1758 года войска Вилима Фермора заняли столицу Восточной Пруссии – Кенигсберг.

Затем 14 августа последовало кровопролитное и упорное сражение при Цорндорфе, в котором противники потеряли только убитыми около тридцати тысяч человек. Екатерина писала, что в бою под Цорндорфом было убито более тысячи русских офицеров. Многие из погибших прежде квартировали или жили в Петербурге, и потому сообщение о цорндорфском побоище вызвало в городе скорбь и уныние, но война продолжалась, и пока ей не было видно конца. Вместе со всеми переживала и Екатерина. Совсем по-другому и чувствовал, и вел себя Петр Федорович.

С известием о Цорндорфском сражении в Петербург прибыл полковник Розен. Денщик Розена стал болтать, что русские под Цорндорфом потерпели поражение. За это денщика посадили на гауптвахту. Когда тот освободился, Петр Федорович призвал его к себе. В зале, где произошла их встреча, стояла группа офицеров-голландцев. В их присутствии Петр сказал: «Ты поступил как честный малый. Расскажи мне все, хотя я и без того хорошо знаю, что русские никогда не могут побить пруссаков». И указывая на стоящих рядом голландцев, добавил: «Смотри, это все пруссаки, – разве такие люди могут быть побиты русскими?» Разумеется, и этот эпизод вскоре стал известен многим.

Меж тем 6 августа 1758 года, так и не дождавшись суда, внезапно скончался С. Ф. Апраксин. Он умер от паралича сердца, но по Петербургу тут же распространились слухи о насильственной смерти – ведь он умер в заточении. Еще более убедило сторонников этой версии то, что фельдмаршала похоронили без всяких почестей, наспех и втайне ото всех на кладбище Александро-Невской лавры.

Апраксин умер от паралича сердца, однако отчего паралич произошел, можно было только гадать. Косвенным признанием невиновности Апраксина было то, что все привлеченные к следствию по делу Бестужева, – а оно возникло после ареста Апраксина – были

либо понижены в должностях, либо высланы из Петербурга в свои деревни, но никто не понес уголовного наказания.

Екатерина еще некоторое время пребывала в немилости у императрицы, но после того как попросила отпустить ее в Цербст, к родителям, чтобы не испытывать унижений и оскорбительных для нее подозрений, Елизавета Петровна сменила гнев на милость и восстановила с невесткой прежние отношения.

* * *

А на театре военных действий удачи сменялись неудачами, и, как следствие этого, сменялись и главнокомандующие: Фермора в июне 1759 года сменил фельдмаршал, граф Петр Семенович Салтыков, а в сентябре 1760-го появился еще один фельдмаршал, граф Александр Борисович Бутурлин. Любимец императрицы блеснул мимолетной удачей – без боя занял Берлин, малочисленный гарнизон которого ушел из города при приближении русского кавалерийского отряда.

Однако через трое суток так же поспешно ретировались и русские, узнав о подходе к столице Пруссии превосходящих сил Фридриха II. «Диверсия» на Берлин ничего не изменила в ходе войны. А решающим для ее исхода оказалась не военная кампания, а приход к власти в Англии нового правительства, которое отказало Пруссии в дальнейших денежных субсидиях.

Братья Орловы

Следствие по делу Бестужева все же бросило тень на Понятовского, он вынужден был оставить свой пост и уехать в Польшу.

...После отъезда Понятовского из Петербурга Екатерина недолго пребывала в одиночестве. На сей раз ее избранником оказался один из самых популярных гвардейских офицеров, красавец, силач, буян и задира, 25-летний капитан Григорий Григорьевич Орлов, один из пяти братьев Орловых, четверо из которых служили в гвардии, в разных, дислоцированных в Петербурге, полках.

Орловы происходили из тверских дворян и свое благородное происхождение могли подтвердить грамотой, относящейся к концу XVI века. Основателем своего рода они считали помещика Лукьяна Ивановича Орлова, владельца села Люткино, Бежецкого уезда, Тверской губернии.

Его внук Иван Иванович Орлов в конце XVII века служил подполковником одного из московских стрелецких полков. Его полк выступил против Петра, и, когда царь примчался из Вены выводить крамолу, то среди тех, кто был приговорен к смерти, оказался и Иван Орлов. Когда Орлова и его товарищей привели к эшафоту, вдруг приехал Петр и поднялся на эшафот, став рядом с палачом. А следом за царем на помост ступил Иван Орлов. И как только он поднялся, под ноги ему подкатилась отрубленная стрелецкая голова. Орлов засмеялся и пнул голову так, что та слетела с помоста на землю. А потом подошел к плахе и с улыбкой сказал Петру: «Отодвинься, государь, здесь не твое место – мое». И с улыбкой положил голову на плаху.

Петру понравилось и то, что он видел, и слова, ему сказанные, и он помиловал Орлова за бесстрашие и удаль.

Таким был родной дед братьев Орловых. А их отцом стал сын Ивана Ивановича – Григорий Иванович. Он тоже пошел по стезе военной службы и уже с юных лет стал солдатом, проводя в походах и сражениях все царствование Петра I, участвуя и в Северной войне, и в Прутском походе. К концу Северной войны он был командиром Ингерманландского полка – одного из лучших армейских пехотных полков России, первым командиром которого был Меншиков. Григорий Орлов был лично известен Петру I и с гордостью носил на золотой цепи его портрет, подаренный самим императором.

Все было бы хорошо, но не везло Григорию Ивановичу в делах семейных: хотел он иметь потомство, да не дал ему Бог детей. Так и жил он с бесплодной женой, пока та не умерла. Было вдовцу в ту пору под пятьдесят, но бурлила в нем кровь Орловых, и бесшабашная удаль не оставляла старика, не оставляла его и надежда родить и взрастить детей. И в 1733 году он женился на шестнадцатилетней красавице Лукерье Ивановне Зиновьевой, и она за восемь лет родила ему шестерых сыновей: Ивана, Григория, Алексея, Федора, Михаила и Владимира.

Только один из них, Михаил, умер во младенчестве, остальные же выросли красавцами и богатырями.

Женитьба заставила Орлова-отца выйти в отставку. Ему дали чин генерал-майора, но вскоре вновь призвали на службу, на сей раз – статскую, предложив пост Новгородского губернатора. Он умер в этой должности в 1746 году, на шестьдесят втором году жизни. В то время его старшему сыну, Ивану, было 13 лет, а младшему, Владимиру – три года. Оставшись одна, Лукерья Ивановна не смогла дать своим сыновьям хорошего домашнего воспитания, но вырастила их необычайно здоровыми, сильными и смелыми.

Хорошо понимая, что будущее ее сыновей в Петербурге, молодая вдова отправила туда четырех сыновей, оставив при себе лишь самого младшего – Владимира. Первым уехал стар-

ший – Иван. Окончив Сухопутный шляхетский кадетский корпус, он поступил в гвардию унтер-офицером.

В 1749 году в корпус привезли и четырнадцатилетнего Григория, проявившего незаурядные способности к языкам и за короткое время овладевшего немецким и французским. Учился Григорий Орлов всего один год, а затем поступил на службу рядовым лейб-гвардии Семеновского полка, но через семь лет, в 1757 году, был переведен в армию офицером и сразу же принял участие в Семилетней войне. 14 августа 1758 года в жестоком сражении под Цорндорфом Григорий Орлов был трижды ранен, проявив отменную храбрость и хладнокровие, отчего стал очень популярен в офицерской среде. Григорию, отлично знавшему языки, был препоручен взятый в плен под Цорндорфом адъютант Фридриха II граф Шверин. После Цорндорфа Орлова вместе со Шверином отправили на зимние квартиры в Кенигсберг, а оттуда по приказанию Елизаветы Петровны оба они приехали в Петербург. Здесь Орлов не мог не обратить на себя внимания двора. Петр Шувалов, на беду себе, взял Григория Григорьевича в адъютанты, и в двадцатипятилетнего красавца-адъютанта тут же влюбилась светская львица, княгиня Елена Степановна Куракина, бывшая в ту пору любовницей Шувалова. Граф не потерпел этого и перевел Орлова в фузелерный гренадерский полк. Однако это не убавило популярности Григорию Орлову – он по-прежнему оставался в чести во всех полках гвардии и при «малом» дворе, где ему особенно благоволил Петр Федорович. И, конечно же, не могла не обратить на Григория благосклонного внимания и Екатерина Алексеевна, симпатизировавшая и третьему Орлову – Алексею.

Теперь вкратце и о нем.

Алексей Орлов в Кадетский корпус не пошел. Четырнадцать лет он поступил рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк и вскоре стал признанным коноводом гвардейской молодежи, прежде всего потому, что был самым сильным человеком в полку.

Алексей Орлов, не будучи тучным, весил около 150 килограммов. Одним сабельным ударом он отсекал голову быку. Ему не составляло труда раздавить яблоко между двумя пальцами или поднять Екатерину с коляской, в которой она сидела. Вместе с тем, он был очень умен, хитер и необычайно храбр.

Четвертый из братьев – Федор – вначале повторил путь Григория, поступив в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, а затем – в Семеновский полк. Так же, как и Григорий, Федор вскоре перешел в армию офицером и шестнадцати лет принял участие в Семилетней войне, отличившись, как и Григорий, неустрашимостью и отвагой. И он, подобно своим старшим братьям, в конце 50-х годов оказался в Петербурге, разделяя вместе с Григорием славу отменного драчуна, повесы, кутилы и храбреца.

Иначе сложилась судьба младшего из Орловых – Владимира. Он не служил ни в военной, ни в статской службе, а провел юность в деревне, ведя жизнь, совершенно противоположную братьям. Владимир более всего любил чтение и ученые занятия, отдавая предпочтение ботанике, агрономии и астрономии. В Петербурге он появился позже всех и здесь тоже стоял особняком, прослав среди братьев «красной девицей».

Особенно прославились своими подвигами два брата Орловых – Алексей и Федор. Громкую известность получило их неугасающее соперничество с самым сильным человеком в Петербурге – Александром Мартыновичем Шванвичем. Здесь уместно будет познакомиться с ним поближе.

Александр Шванвич – правильное написание этой немецкой фамилии «Шванвиц» – был сыном преподавателя Академической гимназии, переводчика с немецкого и латинского языков, Мартина Шванвица, натурализовавшегося в России в последние годы царствования Петра I. Поскольку сын Александра был введен в русскую литературу под фамилией «Шванвич» самим Пушкиным, то и в этой книге сохраним его фамилию в таком же написании.

В 1727 году у него родился второй сын – Александр, крестной матерью которого стала восемнадцатилетняя Елизавета Петровна. Александр был отдан в Академическую гимназию, где и проучился с 1735 по 1740 год. По окончании гимназии Шванвича зачислили в артиллерию, а через восемь лет – 21 ноября 1748 года – он стал гренадером поручицкого ранга лейб-компании. А. М. Шванвич был таким же пьяницей, повесой и задирой, как и братья Орловы, и потому справедливо считать их всех одного поля ягодами.

Около 1752 года произошло событие, которое заставило говорить об Алексее и Федоре Орловых и Шванвиче весь светский Петербург.

Дело было в том, что бесконечные выяснения, кто из них троих самый сильный, и возникавшие в связи с этим столь же бесконечные драки заставили наконец и Шванвича, и Орловых найти мирный выход из создавшейся нелепой и опасной ситуации. Было постановлено, что если Шванвич встретит где-либо одного из братьев, то встреченный беспрекословно ему подчиняется. А если Шванвич встретит двоих Орловых вместе, тогда он должен будет во всем повиноваться им. Однажды Шванвич зашел в трактир, где сидел Федор Орлов. Шванвич приказал Федору отойти от бильярда и отдать ему кий. Затем он велел ему же уступить место за столом, отдав вино и понравившуюся ему девицу. Федор, выполняя условия соглашения, повиновался, как вдруг в трактир вошел Алексей Орлов, и ситуация сразу же переменялась: теперь братья потребовали вернуть им все – бильярд, вино и девицу. Шванвич заартачился, но Орловы вытолкали его за дверь.

Шванвич затаился и, спрятавшись за воротами, стал поджидать братьев. Первым вышел Алексей, и Шванвич нанес ему палашом удар по лицу. Орлов упал, но рана оказалась не смертельной. (Впоследствии, когда Алексей Орлов вошел в историю как победитель турецкого флота в бухте Чесма и стал графом Орловым-Чесменским, знаменитый скульптор Федот Иванович Шубин изваял из мрамора его бюст и запечатлел этот огромный шрам, идущий через всю щеку.)

Братья Орловы не стали мстить Шванвичу, и он не был наказан за бесчестный поступок.

(Чтобы распрощаться с Александром Шванвичем, скажем только, что потом служил он на Украине, в Торжке, а в феврале 1765 года был пожалован чином секунд-майора и умер в этом же чине через 27 лет командиром батальона в Кронштадте.)

* * *

Главным героем дальнейшего повествования станет теперь второй из братьев Орловых – Григорий.

Итак, Григорий появился в Петербурге с пленным адъютантом прусского короля графом Шверином. Орлова и Шверина поселили в доме придворного банкира Кнутцена, стоявшем рядом с Зимним дворцом. Это облегчало встречи Григория Орлова с Екатериной, которая, как утверждали, влюбилась в красавца и силача с первого взгляда. Екатерина тайно навещала своего нового любовника в доме Кнутцена и вскоре поняла, что беременна.

Однако из-за того, что Петр Федорович давно уже пренебрегал своими супружескими обязанностями и делил ложе с кем угодно, но только не со своей женой, беременность Екатерины была почти для всех тайной, кроме очень узкого круга самых доверенных и близких ей лиц.

Екатерина, оказавшаяся в положении в августе 1761 года, решила сохранить ребенка и родить его, чем бы ей это ни грозило. Первые пять месяцев – до конца 1761 года – скрывать беременность было не очень трудно, тем более что Екатерина не находилась в центре внимания, так как и «большой», и «малый» дворы более всего волновало все ухудшающееся

состояние здоровья Елизаветы Петровны и постоянно возникающий в связи с этим вопрос о престолонаследии.

Болезни и смерть Елизаветы Петровны

При дворе в этом вопросе не было единодушия. Одни склонялись к тому, чтобы трон наследовал Петр III; другие считали, что императором должен быть объявлен Павел Петрович, а соправителями при нем оба его родителя; третьи хотели видеть Екатерину регентшей, а ее мужа отправить в Голштинию. Были и сторонники того, чтобы только Екатерине принадлежал российский престол, ибо ее качества правительницы государства были очевидны и бесспорно предпочтительнее качеств Петра Федоровича.

Тем временем здоровье Елизаветы Петровны все более ухудшалось. Врачи давали ей лекарства, и она их принимала, но когда те же врачи давали ей благие советы, требуя воздержания в пище и питье, она отмахивалась от целителей, как от надоедливых мух, и продолжала вести себя как прежде, отказавшись только от парадных обедов, балов и дворцовых выходов. Затем вдруг впала в другую крайность – перестала употреблять скоромную пищу. В марте 1760 года ее врач Пуассонье приходил в отчаяние потому, что Елизавета Петровна, ссылаясь на Великий пост, отказывалась выпить бульон, предпочитая греху грозящую ей смерть от отека легких.

Первый серьезный случай, заставивший многих задуматься над тем, долго ли осталось жить императрице, произошел 8 сентября 1758 года в Царском Селе на праздник Рождества Богородицы: Елизавета Петровна во время службы в церкви почувствовала себя дурно, вышла на крыльцо и потеряла сознание. Рядом не оказалось никого из ее свиты, а простые люди, собравшись вокруг нее, не смели подойти к царице. Когда наконец появились врачи, больная, едва придя в себя, открыла глаза, но никого не узнала и невнятно спросила: «Где я?»

Несколько дней после этого Елизавета Петровна говорила с трудом и встала с постели лишь к концу месяца.

А с конца пятидесятих годов Елизавета Петровна стала часто и подолгу болеть. Нередко случались у нее истерические припадки. Из-за невооруженности в еде и всяческого отсутствия режима постоянно шла кровь носом, а потом открылись и незаживающие, кровоточащие раны на ногах. За зиму 1760—1761 года она участвовала только в одном празднике, все время проводя в своей спальне, где принимала и портных, и министров. Она и обеды устраивала в спальне, приглашая к столу лишь самых близких людей, так как шумные и многолюдные застолья уже давно стали утомлять больную императрицу, недавно перешагнувшую пятидесятилетний рубеж. Пословица «Бабий век – сорок лет» в XVIII столетии понималась буквально, ибо тогда было совершенно иным восприятие возрастных реалий – двадцатилетняя девушка считалась уже старой девой, а сорокалетняя женщина – старухой.

И хотя Елизавета Петровна всеми силами старалась казаться молодой, прибегая к услугам парикмахеров и гримеров, здоровья у нее от этого не прибавлялось. Внешне она была все еще хороша, даже привлекательна, но внутренне организм ее представлял руину, а она сама была подобна развалине, искусно задекорированной умелым художником.

До поры до времени только самые близкие знали об истинном положении вещей, – случай, произошедший 8 сентября 1758 года, был редким исключением, но уже 1761 год – последний год ее жизни – Елизавета Петровна почти весь пролежала в постели. В ноябре болезнь резко усилилась, а с середины декабря медики уже не верили в выздоровление императрицы, ибо приступы жестокого кашля и сильная, часто повторяющаяся рвота с кровью в конце концов привели больную к смерти. Уже на смертном одре Елизавета, мостя собственной душе дорогу в царствие небесное, амнистировала 13 000 контрабандистов и 25 000 несостоятельных должников, чьи долги были менее пятисот рублей.

Соборовавшись и причастившись, но еще находясь в сознании, Елизавета Петровна передала безутешно плакавшему И. И. Шувалову, не покидавшему ее ни на минуту, ключ от

шкатулки, где хранились золото и драгоценности стоимостью в триста тысяч рублей. Шувалов часто и прежде видел эту шкатулку и знал, что в ней хранится. После смерти Елизаветы он передал все ему подаренное в государственную казну. Хотя, как только Елизавета Петровна умерла, Шувалова тут же выселили из его апартаментов.

Ненавидевший дом Романовых генеалог и публицист, князь Петр Владимирович Долгоруков написал сто лет спустя, что 25 декабря 1761 года в четвертом часу дня «истомленная распутством и пьянством Елизавета скончалась на пятьдесят третьем году от рождения, и дом Гольштейн-Готторпский вступил на престол всероссийский».

Петр Федорович и Екатерина Алексеевна последние дни почти целиком проводили у постели умирающей. Как только Елизавета Петровна скончалась, из ее спальни в приемную, где собрались высшие чины империи, вышел старший сенатор, князь и фельдмаршал Никита Юрьевич Трубецкой и объявил, что ныне «государствует его величество император Петр III».

Новый император тут же отправился в свои апартаменты, а у тела усопшей осталась Екатерина, которой Петр III поручил озаботиться устройством предстоящих похорон.

Вступление Петра III на трон и его первые мероприятия

Вечером 25 декабря Петр III, уже провозглашенный императором, учинил в «куртажной галерее» – традиционном месте проведения веселых придворных праздников, – радостное пиршество, во время которого многие царедворцы не скрывали ликования в связи со случившимся. И первым из них был сам Петр Федорович.

К вечеру была произведена первая важная перемена – генерал-прокурор князь Яков Петрович Шаховской был отставлен от должности, а на его место назначен Александр Иванович Глебов. По поводу этой перемены Екатерина заметила: «То есть слывающий честнейшим тогда человеком отставлен, а бездельником слывающий, и от уголовного следствия спасенный Петром Шуваловым, сделан на его место генерал-прокурором».

Пока Екатерина была погружена в организацию похорон, Петр III занимался другими делами: он переселил Ивана Шувалова из его покоев, находившихся рядом с апартаментами покойной императрицы, и разместился там сам, а Елизавете Воронцовой велел поселиться в комнатах Елизаветы Петровны. Все дни, пока тело Елизаветы Петровны еще не было погребено, он ездил из дома в дом, празднуя святки и принимая поздравления с восшествием на престол.

Траурные церемонии в обеих столицах шли своим чередом, а святки – своим. Две недели – от Рождества до Крещения – новый император предавался веселью, вызывая не только изумление, но и возмущение жителей Петербурга.

Екатерина, погруженная в глубокий траур, облаченная в черные одежды, делившая все свое время между церковными службами и устройством предстоящей церемонии погребения, выглядела благочестивой, глубоко верующей, искренне опечаленной смертью императрицы.

Уже в самые первые дни царствования Петра III Екатерина сумела тонко, ловко и умно выявить способности и качества души и характера, привлекая к ней сердца и умы лучших сановников и военных, ясно увидевших и осознавших огромную разницу между новым императором и новой императрицей. Те же самые мысли и чувства вызывала Екатерина и у многочисленных дворцовых служителей, духовенства, солдат, сержантов и офицеров гвардии, наблюдавших за всем происходящим во дворце и, конечно же, делавших свои собственные заключения, не отличающиеся, впрочем, от выводов, которые делали наиболее дальновидные и порядочные придворные.

25 января 1762 года, ровно через месяц после смерти, тело Елизаветы Петровны было погребено в Петропавловском соборе.

На третий день после похорон, 28 января, Петр III ликвидировал Конференцию при Высочайшем дворе, передав ее функции Сенату и Коллегии иностранных дел.

А еще через три недели, 18 февраля 1762 года, был обнародован самый значительный законодательный акт из подписанных Петром III – манифест «О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству». По этому манифесту дворяне освобождались от обязательной военной и гражданской службы, могли выходить в отставку, выезжать за границу, но по требованию правительства обязаны были возвращаться обратно. Единственной сословной обязанностью дворян осталось воспитание своих детей дома и в училищах.

Современник Петра III, видный историк, князь Михаил Щербатов писал, что автором и инициатором этого манифеста Петр III не был. Щербатов утверждал, что Петр III незадолго до того увлекся одной из первых красавиц Петербурга княгиней Еленой Степановной Куракиной и потому ему было нужно улизнуть хотя бы на одну ночь от опостылевшей Елизаветы

Воронцовой. Щербатов писал: «Имел государь любовницу, дурную (здесь – некрасивую. – В. Б.) и глупую графиню Елизавету Романовну Воронцову; но ею, взошед на престол, он доволен не был, а вскоре все хорошие женщины под вожделение его были подвергнуты. Уверяют, что Александр Иванович Глебов подвел падчерицу свою Чеглокову, и уже помянутая выше княгиня Куракина была привожена к нему на ночь Львом Александровичем Нарышкиным, и я сам от него слышал, что безстыдство ее было таково, что когда по ночевании ночи, он ее отвозил домой поутру рано, и хотел для сохранения чести ее, а более, чтобы не учинилось известно сие графине Елизавете Романовне, закрывши гардины ехать, она, напротив того, открывая гардины, хотела всем показать, что она с государем ночь переспала.

Примечательна для России сия ночь, как рассказывал мне Дмитрий Васильевич Волков, тогда бывший его секретарем. Петр III, дабы сокрыть от графини Елизаветы Романовны, что он в сию ночь будет веселиться с новопривозною, сказал при ней Волкову, что он имеет с ним ночь препроводить в исполнении известного им важного дела в рассуждении благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошел веселиться с княгиней Куракиной, сказав Волкову, чтобы он к завтраму какое знатное узаконение написал, и был заперт в пустую комнату с датскою собакою. Волков, не зная намерения государственного, не знал, о чем писать, а писать надобно. Но как он был человек догадливый, то вспомнил нередкие вытвержения государю от Романа Ларионовича Воронцова о вольности дворянства. Седши, написал Манифест о сем. Поутру его из заключения выпустили, и Манифест был государем опробован и обнародован».

Дворяне, встречаясь друг с другом не только в домах, но и на улицах, обнимались и плакали от радости. Популярность Петра III выросла невероятно. Почувствовав себя на гребне волны, ощущая поддержку первого сословия государства, император сделал следующий шаг, на который он едва ли бы смог решиться до опубликования манифеста «О вольности дворянства».

21 февраля, через три дня после провозглашения дворянской свободы, был опубликован еще один исключительно важный манифест «Об уничтожении Тайной розыскной канцелярии». Манифест объяснял, что Петр I, «монарх великодушный и человеколюбивый», учредил Тайную канцелярию из-за «тогдашних времен обстоятельств и неисправленных еще в народе нравов».

И так как на протяжении полувека Тайная розыскных дел канцелярия всегда оставалась в своей силе, то злым, подлым и бездельным людям подавался способ или ложными затеями протягивать вдаль (т. е. оттягивать, отсрочивать. – В. Б.) заслуженные ими казни и наказания, или же зlostнейшими клеветами обносить своих начальников или неприятелей». Теперь же «если кто-либо, зная об оскорблении Величества или о государственной измене, хотел бы известить об этом власти, то надлежит ему явиться в суд или к ближайшему воинскому начальнику, а если доноситель окажется прав, то отсылать его в Петербург, Москву или ближайший губернский город и там его отнюдь не пытатель, но действовать кротостью и увещанием».

Кроме двух названных манифестов, несколько законодательных актов было посвящено делам церкви. 29 января вышел указ, по которому всем сбежавшим за границу раскольникам было разрешено возвращение в Россию и гарантировалось свободное отправление их веры.

Через два дня вышел указ о прекращении следствий по делам о раскольниках-самосожигателях, причем местным властям предписывалось разъяснить всем староверам, что впредь никаких гонений их вере не будет и в связи с этим самосожжения теряют всякий смысл.

Еще через шесть дней вышел Сенатский указ «О защите раскольников от чинимых им обид и притеснений». И, наконец, 1 марта 1762 года Сенату был дан именной указ о секуляризации церковных и монастырских земель. По этому указу деревни и земли, ранее принад-

лежавшие церкви, переходили под управление государственных чиновников из отставных офицеров. Доходы с земель и деревень предписано было употреблять как на содержание монахов, но строго по штату, так и отставных солдат, а также на содержание инвалидов домов. Общее управление всеми новыми имениями осуществляла специально для того созданная Коллегия экономии, а вместо разных сборов был введен единый подушный налог – один рубль в год с души. Вместе с тем прекращались всякие дотации тем монастырям, которые не могли обеспечить сами себя, а во всех вообще обителях повелено было «слуг и служебников оставить самое малое число, без которых по самой нужде быть не можно». Одновременно не были забыты и крестьяне: если окажется, что монастырские служки взяли у крестьян лишнее, то надлежит «оное, с них взыскав, возвратить крестьянам немедленно».

Все это, разумеется, сделало русское духовенство злейшим врагом Петра III. Прусский посланник барон Гольц писал Фридриху II, что духовенство направило императору коллективное послание, более похожее на декларацию, чем на прошение, в котором «жаловалось на насилие, причиненное ему этим указом (имеется в виду указ о секуляризации церковных имений. – В. Б.), на странный относительно его (духовенства) образ действий, которого нельзя было бы ожидать даже от басурманского правительства».

21 марта был издан указ о ликвидации лейб-компаний. И хотя указ назывался «О распределении Корпуса лейб-компаний по другим местам», но на самом деле этим актом почти все лейб-компанцы либо отправлялись в отставку, либо возвращались в отдаленные гарнизоны, либо определялись в статскую службу.

Из 412 человек 330 отправлялись в отставку, 36 – переходили в гражданскую службу, остальные, как правило с понижением в чине, становились армейскими офицерами. И только 8 офицеров оставались в гвардии.

На место лейб-компанцев заступали верные Петру III голштинцы, но не они определяли погоду во дворцах, ибо непоколебленной осталась главная сила дворцовых переворотов – Российская императорская лейб-гвардия, распустить которую у Петра III не было сил.

Пожар

После вступления Петра III на трон распущенность нравов при дворе стала всеобщей. М. М. Щербатов писал: «Не токмо государь, угождая своему любострастию, тако благородных женщин употреблял, но и весь двор в такое пришел состояние, что каждый почти имел незакрытую свою любовницу, а жены, не скрываясь ни от мужа, ни от родственников, любовников себе искали... И тако разврат в женских нравах, угождение государю, всякого рода роскошь и пьянство составляло отличительные черты и умоначертания двора, оттуда они уже разлились и на другие состояния людей...»

Все это происходило на глазах сотен свидетелей и не только не прикрывалось, не пряталось от них, но, напротив, нагло выпячивалось, демонстрировалось с откровенной бравадой и дерзким вызовом.

Особенно гордился и хвастал своими многочисленными победами сам император, сообщая о них с особым удовольствием собственной жене. Что же касается Екатерины, то она свою связь с Григорием Орловым хранила в глубочайшей тайне. И эта тайна становилась тем сокровеннее, чем ближе подходили роды. И таким образом, Екатерина представляла перед двором чистой и нравственной страдальцей, а Петр Федорович выглядел таким козлоногим сатиром, сексуальным маньяком и беспробудным пьяницей.

Однако же в доме банкира Кнутцена скрывалась не только эта тайна. Григорий Орлов и два его брата, Алексей и Федор, все чаще стали поговаривать о том, что престол должен принадлежать Екатерине и надобно от слов переходить к делу – готовить гвардию к новому перевороту.

Настроения такого рода не были неожиданностью или же новостью для Екатерины.

Еще в декабре 1761 года, когда дни Елизаветы Петровны уже были сочтены, с нею доверительно поговорил воспитатель Павла Петровича, граф Никита Иванович Панин. Он сказал Екатерине, что Петра Федоровича следует отрешить от наследования трона, короновав его малолетнего сына, и поручить регентство ей, Екатерине. А в день кончины Елизаветы Петровны к ней приехал капитан гвардии, князь Михаил Иванович Дашков, женатый на племяннице Н. И. Панина – Екатерине Романовне Воронцовой, родной сестре фаворитки Петра Елизаветы, и сказал: «Повели, мы тебя взведем на престол».

Тогда Екатерина отказалась, понимая, что такого рода предприятие не совершается экспромтом и его следует тщательно и надежно подготовить. Однако мысли об этом не оставляли ее ни на минуту, так как Екатерина понимала, что у нее нет выхода: Петр III либо заточит ее в тюрьму, либо насильно пострижет в монастырь, чтобы вслед за тем немедленно жениться на Елизавете Воронцовой и с нею короноваться на царство.

А тем временем роды приближались, и Екатерина боялась, что Петр Федорович узнает об этом.

В начале апреля 1762 года Екатерина поделилась своими опасениями с одним из наиболее доверенных слуг Василием Григорьевичем Шкуриным.

Во дворец принимали мужчин и женщин «статных, лицом пригожих и взору приятных», по пословице: «Молодец – хоть во дворец», и Шкурин полностью тому соответствовал.

Когда Екатерина приехала в Петербург, он служил истопником в ее апартаментах в Зимнем дворце и с самого начала сумел завоевать ее симпатии и доверие. Шкурин свято хранил тайны своей госпожи, особенно потворствуя ее роману с Григорием Орловым.

За несколько дней до родов Екатерина сказала Шкурину, что боится, как бы из-за ее крика во время родов Петр Федорович не узнал об этой тайне. На что Шкурин, бывший в то время уже не истопником, а камердинером, сказал:

– Чего бояться, матушка? Ты уж дважды рожала. Родишь и в третий – дело бабье. А что касается до государя, то я так сделаю, что его в тот момент во дворце не будет.

– Не много ли на себя берешь, Вася? – усомнилась Екатерина. – Петр Федорович все же император, а кто – ты?

– Не сомневайся, матушка. Как я сказал, так тому и стать, – ответил камердинер.

На следующее утро Шкурин пришел во дворец со своим двенадцатилетним сыном Сергеем и сказал Екатерине, что приехали они сюда о двуконь и кони их стоят рядом с дворцом, у коновязи возле кордегардии, на Миллионной улице.

– Сына, матушка, я оставлю здесь, а ты вели ему постелить где-нибудь в соседней комнате. И как тебе пристанет, как почувствуешь, что вот-вот начнется, скажи ему, что он-де более тебе не надобен, и пусть скачет домой, поелику можно быстрее, и о том мне скажет. А я знаю, как свое дело делать.

Затем Шкурин сказал Екатерине, где его искать, и с тем уехал, а мальчик остался. Шкурин жил на самой окраине Петербурга, в большой бревенчатой избе с женой, сыном и двумя дочерьми. Приехав, Василий Григорьевич вывез весь домашний скarb, отправил жену и дочерей на другую улицу, где жили его родственники, а сам, запершись в пустой избе, стал заниматься тем делом, которое и задумал. Сотворив все, что было надобно, он лег на пол и заснул. Проснулся Шкурин оттого, что услышал под окном конский топот и тут же увидел, как с седла слетел его сын.

Шкурин вышел к нему навстречу и спросил:

– Как государыня?

– Велели скакать во весь дух и сказать, что я более им не надобен, – выпалил мальчик.

– Садись на коня и поезжай к матушке и сестрам, – велел ему Шкурин, объяснив и то, где они нынче живут. Мальчик уехал, а Василий Григорьевич быстро оседлал коня, затем вернулся в избу и вскоре снова появился во дворе. Взглянув на избу, Шкурин перекрестился, вскочил в седло и рысью выехал за ворота. Оглянувшись через несколько минут назад, Шкурин увидел над своим двором струйки дыма.

...Шкурин сам поджег свою избу, основательно все к тому подготовив. Изба горела хорошо – медленно, но верно, выкидывая снопы искр и облака черного дыма. Недаром, видать, был Шкурин долгие годы истопником, – знал толк в том, как надежно разжечь хороший огонь.

Расчет его был прост. Он знал, что Петр Федорович в городе и что по заведенному им порядку, как только петербургский обер-полицмейстер получит сообщение о пожаре, то тут же помчится конный полицейский офицер известить государя, где и что горит. И государь прикажет немедленно ехать на пожар, ибо, хотя и было Петру Федоровичу за тридцать, – детская страсть к созерцанию пожаров засела в нем навечно.

Расчет Шкурина оправдался. В то время как он скакал к центру города, навстречу ему попала карета государя, запряженная шестериком, несшаяся во весь опор по направлению к его дому.

...Когда Шкурин вошел в опочивальню Екатерины, он услышал тонкий и неуверенный детский крик. Екатерина лежала на постели счастливая и обессиленная. Заметив Шкурина, она чуть-чуть улыбнулась и тихо проговорила:

– Мальчик.

Было 11 апреля 1762 года. Петр Федорович в это время сидел в карете и с замиранием сердца следил, как крючники растаскивают баграми горящие бревна, как в облаках дыма и пара дюжие мужики тянут от бочек с водой заливные трубы, умирняя бушующий огонь.

А в опочивальне Екатерины бабка-повитуха, принимавшая роды, ловко запеленала младенца и вместе со Шкуриным, никем не замеченная, осторожно вышла из дворца...

Небезосновательные слухи

В то время как Екатерина благополучно родила сына и сумела сохранить случившееся в совершеннейшей тайне, в Петербурге продолжали происходить события, привлекавшие всеобщее внимание и вызывавшие различные толки.

Весной в Петербурге объявились опальные вельможи – Бирон и Миних.

Герцог Курляндский въехал в Петербург в роскошной карете, шестериком, в мундире обер-камергера, с Андреевской лентой через плечо. Миних – в фельдъегерской повозке, в мужицком сермяке и старых сапогах. Направляясь в столицу, старый фельдмаршал не знал, что в Петербурге у него остался сын, и когда у въезда в город его встретили тридцать три родственника и стали обнимать и целовать его, Миних заплакал первый и последний раз в своей жизни.

Миниха и Бирона не видели в Петербурге двадцать лет, но память и о том, и о другом хорошо сохранилась. И потому их внезапный приезд вызвал опасения в усилении возле нового императора немецкой партии. Однако вскоре стало ясно, что опасения эти совершенно напрасны, так как и Бирон, и Миних продолжали непримиримо враждовать друг с другом.

Когда они впервые оказались в Зимнем дворце за одним столом, Петр III подошел к обоим старикам и сказал:

– А вот два старых добрых друга – они должны чокнуться.

Петр сам налил им вина и протянул бокалы. Но вдруг к императору подошел его генерал-адъютант Андрей Васильевич Гудович, бывший одним из самых доверенных и верных его друзей, и, что-то прошептав на ухо своему сюзерену, увел Петра в соседнюю комнату.

Как только Петр и Гудович вышли из зала, Бирон и Миних одновременно поставили бокалы на стол и, злобно взглянув друг на друга, повернулись спинами один к другому.

Как оказалось, Гудович предупредил императора о готовящемся дворцовом перевороте в пользу Екатерины, но Петр не придавал этому значения, хотя генерал-адъютант долго убеждал его в достоверности сообщения и крайней необходимости в энергичных действиях.

А слухи эти не были безосновательны: ведь уже в день смерти Елизаветы Петровны к Екатерине приезжал князь Дашков – капитан лейб-гвардии Измайловского полка – и уверял ее, что офицеры-измайловцы готовы возвести ее на престол. Такие же настроения распространялись и в трех других гвардейских полках.

Роспуск лейб-компании был воспринят гвардейцами как сигнал приближающейся опасности. Многие думали, что вслед за лейб-компанией наступит черед и лейб-гвардии. Подтверждение таким опасениям видели в том, что на смену лейб-компанцам во дворец пришли и прочно там обосновались офицеры-голштинцы, с утра до утра окружавшие Петра III и ставшие не только его незаменимыми сотрапезниками и собутыльниками.

Кроме того, голштинские офицеры были внедрены во все гвардейские полки и стали там преподавателями фрунта, шагистики и экзерциции.

Во дворце они же учили русских генералов и даже фельдмаршалов «тянуть носок», «держат ножку» и «хорошенько топать». Гвардию переодели в мундиры прусского образца и по много часов в день гоняли по плацу, на вахт-парадах и смотрах. Гвардия была раздражена, унижена, озлоблена. Особенно бурное негодование овладело гвардейцами после того, как был заключен мир с Пруссией. Это случилось 24 апреля 1762 года, когда канцлер М. И. Воронцов, с русской стороны, и прусский посланник в Петербурге, адъютант Фридриха II, полковник и действительный камергер барон Бернгард-Вильгельм Гольц заключили «Трактат о вечном между обоими государствами мире». «Трактат» начинался с утверждения о пагубности войны и «печальном состоянии, в которое приведены толико народов и толико

земель», раньше живших в мире и дружбе. Искренне желая мира, Петр III и Фридрих II заявляли, что «отныне будет вечно ненарушимым мир и совершенная дружба» между Россией и Пруссией. Россия же брала на себя обязательство никогда не воевать с Пруссией, но «принимать участие в войне его величества короля Прусского с неприятелями его в качестве помочной или главной воюющей стороны». Россия обязывалась в течение двух месяцев вернуть Фридриху II все захваченные у него «земли, города, места и крепости». В «Артикуле сепаратном втором» выражалось намерение подписать и отдельный договор об оборонительном союзе между Россией и Пруссией.

Ждать пришлось недолго: трактат был подписан Воронцовым и Гольцем через полтора месяца – 8 июня 1762 года. Примечательно, что в нем впервые говорилось о защите диссидентов-православных и лютеран, проживающих в Литве и Польше, государствами-гарантами – Россией и Пруссией. Разумеется, что подписание трактата о вечном мире с Пруссией не обошлось без грандиозного пира, состоявшегося на седьмой день после случившегося. Присутствовавший при этом французский посланник писал в своем донесении в Париж: «Все видели русского монарха утопающим в вине, не могущего ни держаться, ни произнести ни слова и лишь бормочущего министру-посланнику Пруссии пьяным тоном: „Выпьем за здоровье нашего короля. Он сделал милость поручить мне полк для его службы. Я надеюсь, что он не даст мне отставки. Вы можете его заверить, что, если он прикажет, я пойду воевать в ад“».

А дело было в том, что по случаю подписания мира Фридрих II произвел русского императора в прусские генерал-майоры и дал ему под команду полк. Это событие стало главной темой застольных выступлений Петра III. Их нелепость была настолько очевидной, что граф Кирилл Разумовский, не выдержав, заметил: «Ваше величество с лихвою можете отплатить ему – произведите его в русские фельдмаршалы».

Однако не это событие было наиболее одиозным и, как показало ближайшее будущее, наиболее исторически значимым. Во время пира Петр III предложил тост за августейшую фамилию. Все встали. Одна Екатерина продолжала сидеть. Петр послал генерал-адъютанта Гудовича спросить ее, почему она позволяет себе такое поведение.

Екатерина ответила, что так как августейшая фамилия это – император, она сама и их сын, то пить ей стоя не имеет смысла. Петр, выслушав ответ, закричал через весь стол: «Дура!»

Екатерина заплакала. Вечером Петр Федорович приказал своему адъютанту князю Барятинскому арестовать ее.

...В 1788 году в Берлине вышла книга аббата Денина – впоследствии библиотекаря Бонапарта – «Опыт о жизни и царствовании Фридриха II, короля Прусского». Вскоре эту книгу прочла Екатерина II и сделала на полях критические заметки.

Одна из них касалась эпизода с Елизаветой Романовной Воронцовой.

Денин писал, что Петр III «заставил императрицу, свою супругу, украсить графиню Воронцову Екатерининскою лентою. Императрица, естественно, была задета этим за живое».

Екатерина оставила против этого фрагмента следующее возражение: «Никогда не заставлял он императрицу возлагать на графиню Воронцову Екатерининскую ленту, а потрудился возложить собственноручно. Он хотел на ней жениться и в тот самый вечер, как возложена была лента, приказал адъютанту своему князю Барятинскому арестовать императрицу в ее покоях. Испуганный Барятинский медлил с исполнением и не знал, как ему быть, когда в прихожей повстречался ему дядя императора, принц Георгий Голштинский. Барятинский передал ему, в чем дело. Принц побежал к императору, бросился перед ним на колени и насилиу уговорил отменить приказание».

Кружева заговора

Екатерина, разумеется, вскоре же узнала об опасных намерениях супруга-императора и, зная его непредсказуемый нрав, а также не без оснований опасаясь, что все это может повториться, да не так благополучно кончиться, решила принимать контрмеры.

Самой кардинальной мерой могло быть лишение Петра III престола, тем более что никакое другое средство не изменило бы создававшейся ситуации.

А положение оказывалось все более грозным не только для Екатерины. В промежутке между подписанием «Трактата о вечном мире» и «Трактата об оборонительном союзе», то есть за время с конца апреля и до начала июня, произошли два других немаловажных события. Во-первых, Петр III отдал приказ корпусу Чернышова, который совсем недавно брал Берлин, идти в Австрию и стать там под начало прусского главного командования для совместной борьбы с австрийцами – вчерашними союзниками русских.

Во-вторых, была объявлена война Дании в защиту интересов Голштинии. Вторая война казалась не менее нелепой, чем первая, ибо речь шла о борьбе за кусок болота – так, во всяком случае, при российских масштабах воспринимался спор по поводу крохотного клочка приграничной территории со Шлезвигом.

Мир с Пруссией, война с Австрией и Данией, твердое намерение Петра III отправить в Данию гвардейские полки сделали вопрос о свержении ненавистного всем императора практической политической задачей.

И выполнить эту задачу было не столь трудно потому, что Екатериной и ее сообщниками уже была проделана необходимая подготовительная работа.

* * *

Главным действующим лицом готовившегося заговора с самого начала была сама Екатерина. Она одна знала всех его участников, но позволяла каждому из них знать только то, что касалось непосредственно того круга лиц, в который входил он сам. Екатерина никому не сообщала ни стратегии задуманного предприятия, ни тех тактических приемов и частных деталей, при помощи которых все это дело медленно, но неуклонно продвигалось вперед.

Гнездом заговорщиков стал дом банкира Кнутцена, где квартировал Григорий Орлов. К нему часто наведывались Алексей и Федор, бывшие офицерами Преображенского и Семёновского полков, как мы знаем, пользовавшиеся немалым авторитетом у своих товарищей. Каждый из них исподволь настраивал солдат и офицеров своего полка в пользу Екатерины, распространял слухи, в свете которых она выглядела благодетельницей России, светочем разума и олицетворением доброты и правды, а ее муж – слабоумным монстром, врагом дворянства и ярким ненавистником гвардии. Рассказы эти подкреплялись небольшими безвозвратными денежными субсидиями, которые Алексей и Федор давали гвардейцам от имени Екатерины.

О происхождении этих денег братья и сами не знали. Екатерина же получала их через своего агента Одара от купца-англичанина Фельтена. Предоставленный ей кредит равнялся 100 000 рублей.

Однако наиболее распропагандированным в пользу Екатерины оказался третий лейб-гвардейский полк – Измайловский, где служили пять офицеров, вовлеченных в заговор с первых же его дней.

Наряду с Орловыми, активным участником заговора стал капитан-измайловец князь М. И. Дашков, раньше других предлагавший поднять полк для ее поддержки. Но, как мы помним, тогда Екатерина от предложения Дашкова отказалась.

То, что именно Дашков играл во всем этом деле главную роль, ничуть не было случайностью. Его дядя по матери – Никита Иванович Панин был воспитателем цесаревича Павла и считал наиболее целесообразным и справедливым после смерти Елизаветы Петровны возвести на престол своего воспитанника, образовав для управления государством Регентский совет во главе с Екатериной. Панин был сторонником аристократической олигархии, ограничивавшей абсолютное самодержавие.

Этими соображениями Панин сугубо конфиденциально поделился с Екатериной, но состоявшийся разговор сначала не получил никакого развития. И все же Панин не оставлял увлекавшей его идеи, беспокоясь за судьбу своего семилетнего воспитанника, которого он искренне любил, и понимая, что если Екатерина попадет в крепостной каземат, то рядом с ней непременно окажется и Павел, ибо Петр Федорович не считал его своим сыном.

Заговор созрел, но Панин на первых порах не был вовлечен в него. Меж тем одну из первых ролей в подготовке рискованного и опасного предприятия стала играть жена князя М. И. Дашкова – Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова. Ее отцом был граф Роман Илларионович Воронцов, а Великий канцлер Михаил Илларионович Воронцов – дядей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.